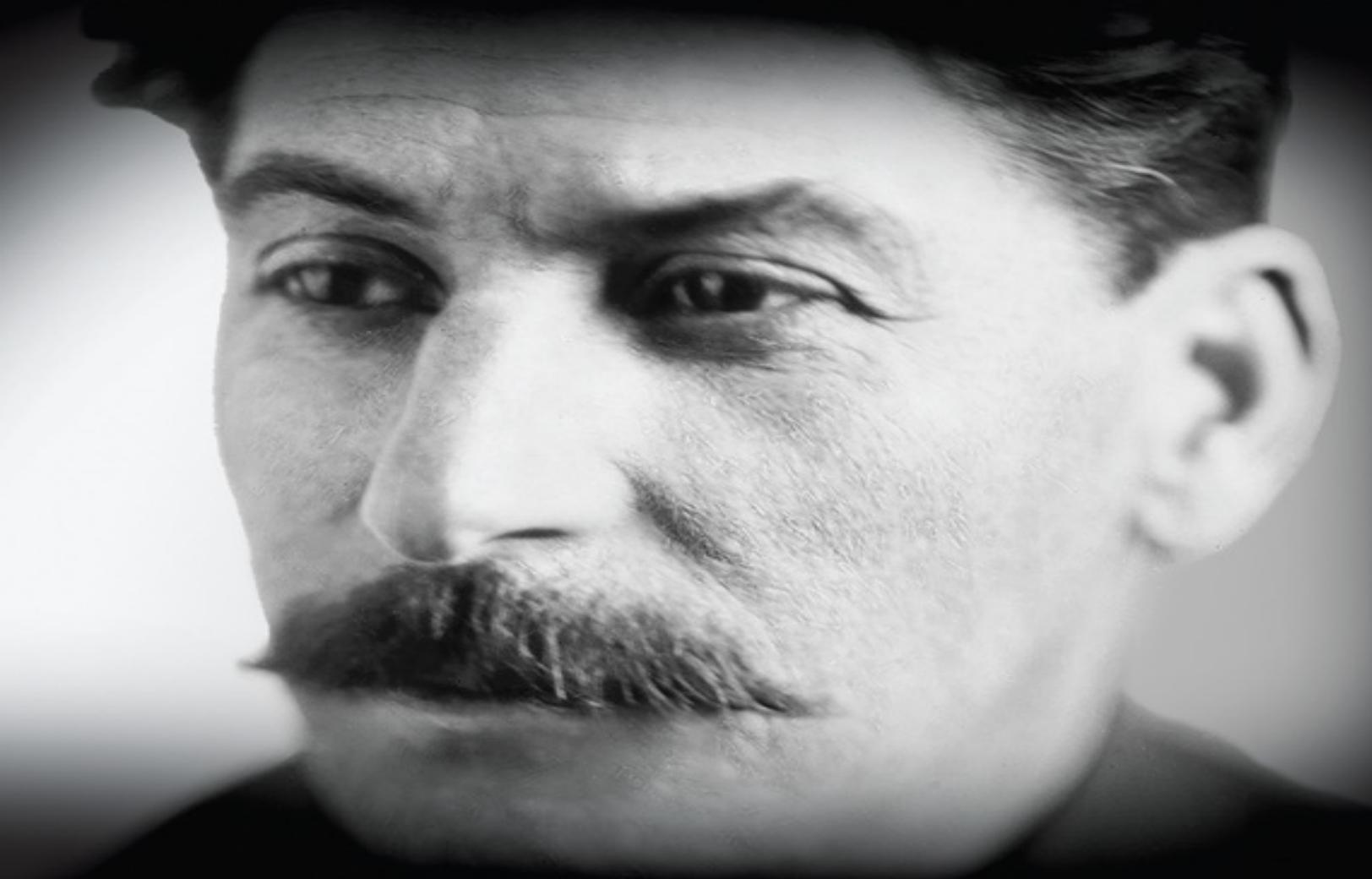

УБИТЬ СТАЛИНА

АРМЕН ГАСПАРЯН

ТАЙНЫЕ СМЫСЛЫ ИСТОРИИ

РЕАЛЬНЫЕ ИСТОРИИ
ПОКУШЕНИЙ И ЗАГОВОРОВ
ПРОТИВ СОВЕТСКОГО ВОЖДЯ

Annotation

За тридцать лет руководства страной на Иосифа Сталина было совершено множество покушений. Существовали подлинные заговоры бывших героев революции и гражданской войны, проводились тайные операции японской и немецкой разведок с участием русских эмигрантов и советских граждан, перешедших на сторону Третьего Рейха. Но при этом ни одного из посетителей кабинета советского вождя в Кремле никогда не обыскивали и не подвергали специальным проверкам. Происходили события, которые расценивались на Западе как спланированные попытки устранения генерального секретаря партии. Но и они не достигли успеха. Почему? Только ли постоянным стечением неудачных обстоятельств или профессионализмом советских спецслужб объясняется везение Сталина?

Как была организована охрана лидера СССР? Как происходили расследования провалившихся заговоров против Сталина? Сколько всего покушений было совершено? За минувшие тридцать лет эти вопросы неоднократно становились предметом ожесточенных споров. Из книги вы получите ответы на следующие вопросы:

Готовы ли были на Западе в 20-х годах применить против СССР бактериологическое оружие?

Почему почти ничего неизвестно про дело «Клубок»?

Существовал ли в реальности заговор Тухачевского?

Как провалился хитрый план Отто Скорцени?

Как был обезврежен диверсант Таврин?

Почему незадолго до смерти Сталин поменял многолетнего начальника своей охраны?

Планировали ли Берия и Хрущев устранение Сталина?

И самое главное – поймете, насколько сложной была подлинная история страны в XX веке!

-
- [Армен Гаспарян](#)
    -
    -
    - [Предисловие](#)
    - [Выстрелы революции и в революцию](#)
    - [«Клубок»: был ли заговор?](#)
    - [Первомай Тухачевского](#)

- [«Длинный прыжок»: правда и мифы](#)
  - [Акция «Цеппелин»](#)
  - [Покушения, которых не было](#)
  - [Загадка смерти Сталина](#)
  - [Послесловие](#)
  - [Список использованной литературы](#)
-

Армен Гаспарян

Убить Сталина

Моему деду и его отцу, участнику революционного движения с 1895 года, члену РСДРП (б) с 1904 года

Фото А. Гаспаряна на переплете из личного архива автора

Фотография на переплете: Fine Art Images / Legion-Media

Во внутреннем оформлении использованы фотографии: Анатолий Гаранин, Дмитрий Коробейников, Иван Шагин, Дмитрий Чернов / РИА Новости; Архив РИА Новости; М. Марков-Гринберг / Фото ИТАР-ТАСС; Архивный фонд Фото ИТАР-ТАСС; Свищов-Паоло Н. И. / РГАКФД г. Красногорск; Фотографии из фонда РГАКФД г. Красногорск; Fine Art Images / Legion-Media; National Media Museum London UK / Diomedia

© Гаспарян А., 2016

© ООО «Издательство «Эксмо», 2016

* * *

ТАЙНЫЕ СМЫСЛЫ ИСТОРИИ

«Убедительность, логичность, грамотное оперирование фактами, неподвластность медийной сиюминутной конъюнктуре, так можно охарактеризовать стиль Армена Гаспаряна – известного историка, журналиста и общественного деятеля, члена Центрального совета Российского военно-исторического общества. И дело не только в тайных смыслах того, что происходило тогда, в 1917 году. Дело и в очевидном и открытом смысле наших выводов и преподнесенных историей уроков. Главный из которых видится в давно назревшей актуальности всеобщего примирения».

Владислав Кононов,

исполнительный директор

Российского военно-исторического общества

«Армен Гаспарян – человек, обладающий уникальным даром – чувствовать события минувших дней так остро и ярко, как будто они разворачиваются здесь и сейчас. В основе этого дара лежит тщательная, скрупулезная работа с архивными материалами, где он последовательно разбирает ключевые моменты истории. Причем делает это живым, разговорным языком, приводя много фактов и интересных сравнений, давая порой жесткие оценки историческим деятелям».

Владимир Соловьев,

теле– и радиоведущий, известный журналист

Предисловие

Все меньше времени остается до печального юбилея: 80 лет назад после попытки государственного переворота начались масштабные политические репрессии в СССР. Выучили мы этот роковой урок нашей истории? Или, по крайней мере, осознали его? К огромному сожалению, я должен констатировать: нет. Более того, многие даже принципиально не собираются это делать. Общество до сих пор не освободилось от многолетних пропагандистских постулатов. И сегодня многочисленные газетные клише тяжелейшей эпохи зачастую заменяют нам подлинные исторические знания. К примеру, никак не удастся начать рассуждать о деле Тухачевского так, как мы уже много лет говорим об эпизодах Великой Отечественной войны.

К огромному сожалению, даже попыток таких не делается. И совершенно напрасно. Нам могут категорически не нравиться какие-то отдельные факты и обстоятельства условного «учебного 1942 года», но это ведь не мешает признавать их составной и очень важной частью ушедшей эпохи. И все понимают, что иначе наше знание о прошлом никогда не будет полным. Величие истории от этого не страдает, подвиг не перестает считаться подвигом, а преступление не становится добродетелью. В случае же с событиями 30-х годов прошлого века эта схема категорически не работает. И прежде всего – в отношении к Сталину.

Жаркие споры об этой исторической фигуре мирового масштаба не смолкают ни на день. Я мог бы понять, если бы с подобным азартом дискутировали о частностях, пусть и значительных. Их хватает в биографии любого серьезного политика. Но в данном случае проблема стоит гораздо более остро. Она заключается в оценке Иосифа Сталина. Кем он был для нашей страны – героем или злодеем? Взгляды многих участников дискуссии остаются даже более радикальными, чем при его жизни. Одни исступленно ненавидят лидера большевиков, отказывая ему даже в праве считаться Верховным главнокомандующим армии в годы Великой Отечественной войны. Другие убеждены в абсолютной непогрешимости Сталина, и их трясет от простого упоминания совершенных в те годы преступлений.

Если бы эти гражданские позиции базировались на подлинном знании истории собственной страны, это было бы огорчительно, но хотя бы не так прискорбно. Однако в данном случае основу массового представления о

прошлом составляют исключительно мифы. В широчайшем диапазоне: от многократно переписанных установок советского агитпропа до убежденности западных советологов в справедливости их оценок Сталина. При этом каждая из противоборствующих сторон старается по мере своих сил переписать историю, убрать из нее навсегда все то, что ей не нравится. И, стоит признать, зачастую им это удается.

Многие, к сожалению, упорно не хотят признаться хотя бы самим себе, что подобный подход к невероятно сложному прошлому собственной страны если к чему-то и способен привести, то исключительно к дальнейшему успешному существованию в абсолютном интеллектуальном тумане. Вам может категорически не нравиться история СССР. И прежде всего сталинская эпоха. Вы искренне считаете, что, например, при Тухачевском проявлялось бы больше уважения к человеческой жизни. Или удалось бы избежать страшных поражений лета 1941 года. Да, вы имеете на это полное право. Но поймите при этом главное: это самое право – не любить прошлое своей страны – не дает вам возможности отменить события 80-летней давности. Вы так и будете бесконечно критиковать Генерального секретаря ВКП (б), подменяя знания профанацией. А конечный результат от этого не изменится, сколько ни пытаетесь.

Мне представляется чрезвычайно важным знать и, самое главное, понимать суть сталинской эпохи. Я предлагаю вам рассмотреть ее на примере многочисленных заговоров против советского лидера. От истории старых, заслуженных большевиков Енукидзе и Петерсона, больше известной как дело «Клубок», до событий марта 1953 года. Это была страшная эпоха в истории нашей страны. Да, в ней присутствовал элемент романтики, но стоит признать: исключительно на страницах газет и в лекциях всевозможных агитаторов. Построение принципиально нового общества наслаивалось на многочисленные политические процессы. И за всем этим прежде всего стоял Сталин.

Большинство очевидцев событий склонялись к мнению, что это были исключительные тяжелые и судьбоносные годы. Подобными оценками переполнены многочисленные воспоминания о том времени. И почти в каждом из этих свидетельств упоминается Сталин и в той или иной степени попытки заговоров против него. В резко отрицательном или исключительно положительном смысле. Так, может быть, нам сегодня стоит избавиться от радикализма в суждениях, уйти от бесконечной шлифовки исторических реалий к спокойному и, главное, взвешенному подходу к собственному прошлому? 80 лет прошло, настало время осмысления.

Эпоха Сталина была невероятно сложной. Иной стране таких

потрясений с лихвой хватило бы на пару веков. Масштабные политические репрессии, Великая Отечественная война, многолетняя кровавая борьба с украинскими националистами. Новые политические реалии и новое общество. В этом можно и нужно находить поводы для гордости или негодования. Но одно несомненно: сталинское время заслуживает самого пристального внимания.

За годы работы на радио я рассказал о покушениях на Сталина, казалось бы, все, что можно. Не обходил острые углы, не уклонялся от обсуждения самых сложных моментов, не манкировал участием в дискуссиях на не самые приятные темы. Рассказывал обо всем подробно и беспристрастно. Но и количество вопросов ко мне не уменьшалось. Напротив, их количество росло как снежный ком после каждого подробного рассказа о той эпохе. Пользуясь предстоящим 80-летием тех событий, я в этой книге попытаюсь ответить на большую часть из них.

Перед вами не очередной сборник документов или трудно читаемая монография с кучей приложений в виде научно-справочного аппарата. Таких книг напечатано немало, и можно предположить, что в ближайшее время их число увеличится. Если будет желание – сможете с ними ознакомиться. Но эта книга и не учебник истории для средней школы. Представьте себе, что вы настроились на частоту любимой радиостанции. Присаживайтесь поудобнее и приготовьтесь слушать. Я буду рассказывать вам точно так же, как вы привыкли за эти годы. Все останется неизменным: неожиданные сравнения, ирония, сарказм, жесткие оценки, уважение, негодование и беспристрастные оценки.

Я выражаю огромную признательность Владимиру Соловьеву, в чьей программе «Полный контакт» на радио «Вести FM» окончательно сформировался стиль серии книг «Тайные смыслы истории». Отдельное спасибо читателям моего твиттера, которые помогли мне определить основные мифы ушедшей эпохи и понять, на что обязательно нужно обратить внимание.

Выстрелы революции и в революцию

С программой партии можно не соглашаться, идейно можно расходиться, достаточно признавать бомбу – вот идеология Савинковых.

Ф. Кон

Долгие годы в Советском Союзе бытовал устойчивый миф: политических убийств и заговоров у нас нет и не может быть по определению. Были, конечно, отдельные отщепенцы в далекую уже эпоху революции, но это контра старалась. За совершенные гнусности она была уничтожена под корень, и теперь подобные эксцессы в стране победившего социализма существуют только в кино и детективах. Это там, на загнивающем Западе, могут убить президента США. Бандитский капитализм, он такой. И даже на папу римского покушались, поднялась же рука у негодяев! Впрочем, что с них взять – кризис духовности при капитализме неизбежен! Только, если пойдут по славному пути, проложенному Марксом – Лениным, поборов в себе мелкобуржуазные наклонности, тогда еще у них есть шанс. А вот у нас с этой точки зрения все исключительно хорошо. Можем всем пример подавать и делиться передовым опытом социалистической нравственности и великолепной политической зрелости. С такими мыслями многие счастливо жили годами и даже десятилетиями.

Россия – страна с богатой традицией покушений. Первой жертвой пал император Павел Первый. Его, как известно, подло убили. Но, как справедливо заметил незабвенный Остап-Сулейман-Берта-Мария-Бендер-бей, об этом не рекомендуется говорить вслух, и вполне понятно почему. Покушались-то свои, те, кто, напротив, должен был самозабвенно служить монарху до последней капли крови, до последнего вздоха. Графы Пален и Панин вместе с примкнувшим к ним Леонтием Беннигсеном ударили помазанника Божьего фунтовой табакеркой в висок, а потом накинулись на государя императора, как деревенские мужики на конокрада, да запинали насмерть.

Монархисты, что нынешние, что прежние, об этом вспоминать категорически не любят. Неловко им как-то. Потому и переводят старательно разговор на первые годы XX столетия. Вот где действительно

был разгул политического экстремизма. В самом деле, стреляли и взрывали от души. Буквально горели на опасной работе. Себя не берегли абсолютно, возводя людобойство в норму общественной жизни. Это, конечно, еще не эпоха «крестосева» (ее время наступит в 1918 году), но однозначно – прелюдия к ней. Обычные заговоры лишь придавали дополнительный шарм той эпохе. И поэтому, прежде чем мы с вами начнем изучать разнообразные неудачные попытки сжить со света лучшего друга советских детей товарища Сталина, необходимо совершить краткий экскурс в историю вопроса. Выявить корни явления. Без этого многие обстоятельства той эпохи могут быть вам не до конца понятны.

Начнем, разумеется, с самого известного с этой точки зрения человека. С подлинного символа террора не только в Российской империи, но и во всей Европе в первые годы XX века. С постоянного ночного кошмара Отдельного корпуса жандармов и перманентного ужаса виднейших царских сановников. С боевой безостановочной машины смерти. Вы правы, это он – Борис Савинков. Вот уж для кого было все едино – что кровь, что вода. Многие достижения недоучившегося студента и перспективного поэта не превзойдены до сих пор. И слава богу, добавлю я. Вовсе не ту память оставил о себе Борис Викторович, чтобы ею гордиться. Будучи талантливым человеком, он, к сожалению, поставил все свои многочисленные дарования исключительно на службу террору и политическому экстремизму. Он в этом весьма преуспел, не спорю. Но, скромно потупив взор, поинтересуюсь: каков же итог его кипучей деструктивной и откровенно преступной деятельности? Едва можно назвать достойным финалом жизни прыжок из окна кабинета следователя на Лубянке. Иного, впрочем, Савинков и не заслужил.

Сегодня многие, рассуждая о русских революционерах начала прошлого века, почему-то твердят о какой-то врожденной патологии у всех этих людей. Дескать, они были злыдни, каких еще не видела русская земля-матушка, исключительно в силу разнообразных психических отклонений с детства. Это все совершенная чепуха. Ни лидеры большевиков, ни лидеры эсеров в абсолютном большинстве своем не были подвержены подобным недугам. Ими двигали исключительно политические мотивы. Зацикленность на цели, которая у них всегда оправдывала средства. Это характерно для русских революционеров начала XX века. И коли речь у нас зашла о Борисе Савинкове, давайте пристально на него посмотрим. Любопытнейшая фигура того времени. Знаковая.

Б. В. Савинков – один из лидеров террористической «Боевой организации партии социалистов-революционеров».

Родился он в январе 1879 года в Харькове, в семье юриста и писательницы. Детство провел в Варшаве. В год окончания гимназии был впервые арестован полицией за участие в беспорядках. Тогда польская интеллигенция яростно протестовала против открытия памятника усмирителю восстания 1863 года графу Муравьеву (он приходился дядей знаменитому декабристу). Своим прозвищем «Вешатель» он чрезвычайно гордился и даже остроумно шутил, что он не из тех Муравьевых, кого вешают, а из тех, кто вешает. Именно так он и действовал в Варшаве, значительно сократив население города. Реакционеры, они такие.

Савинкову очень понравилось быть бузотером. Поступив в Петербургский университет на юридический факультет, он недолго грыз гранит науки. Вместо изучения основ права он принимал участие в

студенческих беспорядках и закономерно попал в полицию. Интересно, что один из главных противников большевиков в то далекое время активно исповедовал марксизм и даже был принципиальным противником любого террора. От тюрьмы его это, впрочем, не спасло.

Уроков из собственного печального опыта Борис Викторович не извлек и на свободе пробыл недолго. Революционная стихия захватила его с головой. В 1901 году Савинков снова оказывается за решеткой, на этот раз – по делу социал-демократической группы «Рабочее знамя». Входили в нее исключительно сторонники Плеханова и Ленина. Спустя годы, когда Борис Викторович станет уже «тем самым Савинковым», большевики предпочтут об этом факте не вспоминать. Как и сам бунтарь. Он ведь был авторитетным марксистом, ведущим сотрудником газеты «Рабочее дело», одним из самых талантливых пропагандистов в рабочей среде. В частности, именно Борис Викторович выдвинул лозунг «Насилие недопустимо ни в коем случае и ни для каких целей». И вдруг такая мимикрия, или, выражаясь языком тех лет, перерождение в классового врага!

Савинков с его темпераментом и харизмой вполне мог бы со временем стать одним из лидеров большевиков. Участвовал бы в партийных съездах, выступал бы на митингах, вошел бы в первый Совет народных комиссаров, его именем называли бы пионерские отряды и пароходы, и похоронили бы товарища с почестями у Кремлевской стены. Если, конечно, он пережил бы репрессии конца 30-х годов. Но вмешался его величество случай. Одна встреча кардинально поменяла всю его жизнь. Так случается сплошь и рядом. Вот, например, мой прадед познакомился в 1896 году с неким Иосифом Джугашвили, которого друзья называли просто Кобой. И все – партия Ленина получила еще одну боевую единицу, готовую ради своей цели идти до конца. Даже вынесенный по итогам первой русской революции смертный приговор не сбил прадеда с курса, заданного РСДРП (б).

Так произошло и с Савинковым. В вологодской ссылке он познакомился с легендарной «бабушкой русской революции» Екатериной Брешко-Брешковской. Многие, вероятно, никогда не слышали об этой неутомимой женщине. Понимаю, нынче другая эпоха. Это огорчительно, но не так страшно. Сейчас восполним досадный пробел. Она была одним из создателей боевой организации партии социалистов-революционеров. До и после этого активно чередовала каторгу, тюрьмы и ссылки. В те редкие минуты, когда она не докучала русской монархии подготовкой очередного террористического акта, отчаянно тосковала. Но вовсе не по обычному человеческому счастью, как многие, вероятно, поспешили

подумать. О другом печалилась эта вечно беспокойная душа.

Очень ей было огорчительно наблюдать, как народовольческий террор уходит в прошлое, а на смену ему заступают доморощенные марксисты. А это была та еще публика. Опыт бунтарей предыдущего поколения ими в лучшем случае осмеивался, а в худшем немедленно отправлялся в мусорную корзину без лишних сантиментов. И вот сидит Брешко-Брешковская в ссылке среди столь популярных сегодня на Украине бурятов и горюет: пропало дело, которому она без остатка посвятила всю свою жизнь! Мириться с этим бабушка русской революции категорически не собиралась. Да и соратники не подкачали. Накопили силушку, закваску подпольную проявили и пошли стрелять да взрывать без усталости сановников царских за народное счастье.

Все это Брешко-Брешковская и поведала Савинкову со свойственным ей энтузиазмом. И в этот миг скоропостижно скончался подававший большие надежды молодой марксист и миру явился расчетливый террорист. Сам он потом так опишет произошедшую с ним метаморфозу: *«Я сказал: я не хочу быть рабом. Неужели в этом моя свобода? И зачем мне она? Во имя чего я иду на убийство? Во имя террора, для революции? Во имя крови, для крови? Но я не могу не убить, ибо люблю. Если крест тяжел – возьми его. Если грех велик – прими его».*

Е. К. Брешко-Брешковская. Одна из создателей и руководителей партии социалистов-революционеров.

Обращаю ваше внимание на стиль объяснения. Классическое построение аргументации для русской интеллигенции начала XX века. Истолковать заповедь «Не убий» в пользу революции через призму героя Достоевского и немедленно начать руководствоваться новой догмой. Предвижу возражение: одно дело – рассуждать в теории и совсем другое – перейти в практическую плоскость. Сочувствовали террористам многие,

видя в этом даже определенный романтизм, но ведь далеко не все стали савинковыми.

Не все, разумеется. Но еще больше радикализировались борцы с самодержавием, и без того не отличавшиеся ангельской кротостью. Многие люди используют тюремное заключение не для осмысления собственных ошибок, а для активной подготовки новых преступлений, еще более тяжких. Особенно ярко это проявлялось в случае с пенитенциарной системой Российской империи. Будущий легендарный боевик уже был морально готов к греху. Активная революционная деятельность, скажем прямо, только этому и способствует. Встреча же с Брешко-Брешковской стала лишь последним аргументом для Савинкова в пользу террора. И не только для него.

Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты. Если у тебя в самых близких людях числится человек, готовый убивать кого угодно, то и ты пойдешь ровно той же недолгой дорогой на эшафот, зачастую даже обгоняя этого своего друга. Так было и в случае с Савинковым. Пару ему в этом коротком спринтерском забеге со смертью составил студент-недоучка и талантливый поэт Иван Каляев. Вдвоем они бегут с каторги, держа путь в Швейцарию. Их там уже с нетерпением ждет один из лидеров социалистов-революционеров Михаил Гоц. Ему сразу с порога юноши объяснили, что видят себя только в терроре. Чем-то Савинков Гоцу приглянулся, и уже через несколько дней он познакомил его с Евно Азефом.

Е. Ф. Азеф – лидер боевой организации партии социалистов-революционеров и по совместительству агент охраны.

Это был исключительно неприятный человек во всех смыслах и значениях этих слов. Никто из российских революционеров ни до, ни после него не умел произвести столь отталкивающего впечатления в первые же минуты знакомства. Непомерно толстый, одутловатое лицо с желтизной, темные, широко посаженные глаза, низкий лоб, жирные губы и узкий череп. Он смотрел на собеседника исподлобья. Классический ломбровский тип; увидишь такого – и замрешь от ужаса и отвращения. Дорогая одежда лишь подчеркивает исключительное физическое уродство. Но при всем этом от него исходило такое невероятное спокойствие и хладнокровие, что любому человеку становилось не по себе. Словно

заглядываешь в бездну. Она манит, вы практически неспособны сопротивляться, хотя и понимаете, что нужно остановиться. До падения остается всего лишь шаг. Но вы сделаете его, можете не сомневаться. Как говорится, поезд идет только в одну сторону. Доказано всеми членами эсеровской боевой организации.

Помните, как сыщик Глеб Жеглов старательно перечислял: «Ларичева Маня, она же Анна Федоренко, она же Элла Кацнельбоген, она же Людмила Огуренкова, она же Изольда Меньшова, она же Валентина Панеят»? Это в полной мере относится и к Евно Фишелевичу Азефу. Он же Валентин Кузьмич, он же Виноградов, он же Иван Николаевич и еще ряд вымышленных имен. Начал он свою опасную карьеру с незначительной и малопочтенной должности осведомителя охраны. Получал за это 50 рублей ассигнациями. Но через десять лет он стал зарабатывать раз в десять больше.

Огорчало его лишь то прискорбное обстоятельство, что жалованье платили нерегулярно, а он привык жить широко. Это вам не аскет-большевик, каждую копейку обращающий на борьбу с ненавистным самодержавием. Азеф любил вкусно поесть в дорогих ресторанах и вина предпочитал соответствующие. Все это требовало немалых расходов. Именно поэтому он буквально заваливал своего куратора в охране жалостливыми письмами с единственной просьбой: очень хочется поскорее ощутить в кармане приятный шелест купюр, и желательно покрупнее.

Предвижу логичные вопросы: знаменитые убийства великого князя и министра Плеве точно подготовил он? Нет ли здесь какой-нибудь ошибки? Не похож он на настоящего революционера, какими их все себе сегодня представляют благодаря отечественному кинематографу. Больно уж неприятный персонаж. Я сам задавал себе такие же вопросы, когда впервые услышал про Азефа более четверти века назад. Так ведь и судить по человеку нужно не по внешности, а по внутреннему стержню. Волевому мужскому началу. Я не случайно сравнил Азефа с бездной. Вот послушайте, что он сам о себе говорил: *«Я местечковый еврей, который и должен был пойти в революцию. Ничего хорошего от царского режима мы не видели. Но мы сделаем так, что у всей России затрещат кости»*. Оценили? И это не фигура речи: кости действительно затрещали. Вся империя тот треск услышала. При самом активном участии Бориса Савинкова.

Дальнейшая жизнь главного террориста со временем станет похожа на увлекательный приключенческий роман на стыке Майн Рида и Конан Дойля. Собственно, таковой его биография действительно была, без

всякого литературного вымысла. В ней в равной степени сочетались рисовка, романтизм и презрение к собственной смерти, не говоря уже о чужой. Но еще больше в этом было демонстрации собственного мессианства. Оно в конечном счете и погубило последовательно репутацию, карьеру и жизнь самого Савинкова. Но на тот момент он исполнял главную роль в пьесе, которую написал и лично поставил.

Цель была поставлена сразу масштабная: некогда размениваться на пустяки. Ликвидация министра внутренних дел и шефа корпуса жандармов Российской империи Вячеслава Константиновича фон Плеве. Исполнитель имелся. Пойти на убийство вызвался близкий друг Савинкова Иван Каляев. Но Азефу он чем-то не понравился. Несостоявшийся террорист был взбешен и даже бросил в сердцах: *«В жизни не видел отвратительней этого толстопузого купца. Я служу партии и делу освобождения России. И буду работать там, где найду более нужным и целесообразным»*. При этом под определением «работать» подразумевается исключительно деструктивная деятельность, предусмотренная целым букетом статей уголовного уложения Российской империи.

Но Азефу не было никакого дела до застывшего в обиженной позе Каляева. Как и любой опытный террорист, он был начисто лишен сантиментов. Он составил хитрый план – взорвать карету Плеве. Но с наскока этого нельзя было сделать. Следовало предварительно тщательно изучить маршруты передвижений министра по столице, зафиксировать время в пути, проанализировать численность и расстановку охраны, выбрать место для сигнальщиков и запасного метальщика бомбы. Кроме этого, нужно было продумать пути отхода всей группы. Члены боевой организации партии социалистов-революционеров под видом извозчиков, продавцов газет и папирос вели постоянное наблюдение. Менялись местами, чтобы не привлекать к себе внимание полиции. Вечерами вся собранная информация докладывалась руководителю группы. Несложно догадаться, что это был лично Савинков.

С одной стороны, Азеф всячески одобрял и направлял подобного рода деятельность. Но с другой – деньги он любил не меньше своей революционной карьеры. Вероятнее всего, даже значительно больше. Именно поэтому он отправил своим кураторам следующее донесение: *«Для покушения на министра предполагается применить динамит, коего в распоряжении имеется до двух с половиной пудов. Никого из исполнителей пока еще в Петербурге нет. Руководителя обещали прислать из-за границы, и кажется, что он уже приехал в Россию, но в Петербурге его еще нет. Министра предполагают подкараулить при выходе от одной*

дамы, проживающей на Сергиевской». То есть вам сообщают главное: на Плеве готовится покушение. А все остальные детали, которые гораздо важнее с этой точки зрения, оказались классической обманкой. Именно она и позволила Савинкову совершить в конечном итоге то ставшее легендарным убийство.

18 марта 1904 года все должно было пройти по тщательно разработанному плану. Нервно прогуливаясь по Летнему саду, Савинков услышал взрыв. Однако повода для радости не оказалось. Скорее напротив: появилась ненависть к трусости. Как потом выяснилось, покушение не состоялось. Один из боевиков, Давид Боришанский, не кинул бомбу в проезжавшую мимо него карету, хотя находился в превосходной позиции. Экипаж министра едва не сбил его с ног, настолько близко он стоял от него. А как же взрыв, который услышал Савинков? – спросит меня пытливым читатель. Будущая легенда мирового терроризма в армии, разумеется, не служил, а потому и перепутал взрыв бомбы с выстрелом полуденной пушки в Петропавловской крепости.

Первый блин почти всегда и у всех выходит комом. После недолгих размышлений Савинков решает довести убийство Плеве до конца. Он меняет легенду. Теперь он – преуспевающий представитель английской фирмы. Живет в роскошной квартире на улице Жуковского. Рядом с ним гувернантка. И лишь очень немногие знают, что и она – боевик. Дора Бриллиант, пошедшая в революционное движение из очень зажиточной еврейской семьи. Также рядом с Савинковым находится лакей. Это Егор Сазонов, который и станет через несколько дней убийцей министра внутренних дел Российской империи.

Рассчитано все, вплоть до последней мелочи. Члены боевой организации эсеров отказываются от покупки автомобиля, хотя на этом настаивал Азеф. Нечего тратить попусту деньги, и без машины ликвидация состоится. Савинков скажет в те дни в разговоре с Каляевым: *«Жертвую собой – для себя. Потому что я этого хочу, тут моя воля решающая. Я, может быть, буду бороться одиночкой, не знаю. Но иду только до тех пор, пока сам хочу идти, пока мне радостно идти и бить тех, кого я бью!»* Жить Плеве оставалось несколько месяцев.

15 июля 1904 года. Савинков с задумчивым видом, тщательно скрывая волнение, смотрит вслед уходящему на убийство министра Сазонову. Тот одет в форму железнодорожника. В руках – пятикилограммовое взрывное устройство, завернутое в газету и перевязанное веревкой. Так удобнее нести. Пройдет несколько часов, и «адская машина», как называли бомбу современники, окажется под каретой Плеве. Взметнется столб дыма и

пыли. Министр в последний момент попытается заслониться руками. Куда там, смерть будет мгновенной. Сазонов чудом останется жив. Он попытается крикнуть «Да здравствует революция!», но потеряет сознание от потери крови.

Савинков продемонстрирует поразительное самообладание и лично придет на место убийства. Презрительно оттолкнет ногой окровавленный кусок мяса, считая, что это все, что осталось от Егора в результате неудавшегося покушения. Только потом он увидит в газете портрет министра в траурной рамке и поймет: все получилось так, как он и задумывал. Из столицы Савинков отправится в Москву, чтобы сообщить все подробности успешной операции Азефу.

Быть террористом Савинкову понравилось. О своих прежних принципах он больше никогда не вспоминал. Вычеркнул эту главу из собственной жизни. Теперь это был уже совершенно иной человек. Убийца, воспевающий перед соратниками свое полное презрение к гильотине. Интересно, что в департаменте полиции на лидера эсеровских боевиков тогда составили следующую характеристику: *«Представляет собой наиболее опасный тип противника монаршей власти, ибо он открыто и с полным оправданием в арсенал своей борьбы включает убийство. Слежка за ним и тем более предотвращение возможных с его стороны эксцессов крайне затруднительны»*. Но дальше в решении стоящей перед ними проблемы не пошли. Эпоха ледорубов и коробок шоколадных конфет со взрывчаткой придет еще не скоро. А на ниве уголовного уложения Империи приходилось уповать исключительно на удачу.

Савинков не сидит сложа руки. Он немедленно берется за новое громкое дело: убийство Великого князя Сергея Александровича. Исполнитель имеется надежный – близкий друг Иван Каляев. Тот был крайне огорчен, что не он лично убил Плеве, и жаждал показать себя перед партией социалистов-революционеров во всей красе. Савинков был, разумеется, «за». На подготовку теракта ушло полгода. Покушение состоялось 6 февраля 1905 года. Откроем московские газеты того времени: *«На месте взрыва лежала бесформенная куча, состоявшая из мелких частей кареты, одежды и изуродованного тела. Публика осматривала следы разрушений; некоторые пробовали высвободить из-под обломков труп. Зрелище было подавляющее. Головы не оказалось; из других частей можно было разобрать только руку и часть ноги»*.

Сам же Савинков продолжал играть в орлянку с судьбой. В тот день он с показным равнодушием прошел мимо места покушения. Дойдя до Кузнецкого моста, он услышал глухой звук, словно где-то недалеко

выстрелили из пистолета. Сначала он даже не обратил на него внимания, слишком не похоже это было на взрыв бомбы. И только спустя какое-то время он увидел бегущего мальчишку, который громко кричал: «Великого князя убило, голову оторвало!»

Лидеры партии социалистов-революционеров торжествовали. Чернов, например, искренне считал, что после этого рабочие и крестьяне сломя голову ринутся в революцию и в результате власть немедленно перейдет к эсерам. Савинкова, казалось, все эти разговоры вовсе не интересовали. Для него террор стал важнее партийной идеологии. Не случайно он утверждал, что убийство по политическим мотивам – внепартийное дело, поскольку служит делу всей революции в целом. А значит, убивать ради будущего народного счастья может кто угодно – хоть марксист, хоть анархо-синдикалист. Все усиленно приближают главную цель: свержение ненавистной монархии.

Савинкова даже не заботил простой вопрос: а на чьи деньги он, собственно, готовил убийства Плеве и Великого князя? Узнав наконец, что средства выделили японцы, Борис Викторович был заметно смущен. Не очень это вязалось с его представлениями о революционной жизни. Но Азеф объяснил: если они сделают большое дело (сиречь – убийство видного сановника), народ моментально пойдет за ними. А если ничего не делать, то они так и останутся на обочине процесса. Лидер эсеровских боевиков так резюмировал тот разговор: *«Эх, ваше сиятельство, людей убиваете, а все в белых перчатках ходить хотите, верно Гоц тебя скрипкой Страдивариуса зовет. Все рефлексии, вопросики, декаденщина всякая, как это – «о, закрой свои бледные ноги!»».*

До октября 1917 года эти события считались апогеем политического террора. Тогда казалось, их невозможно превзойти. Уже сам Савинков разочаровался в убийствах и даже успел побывать на видных государственных постах в эпоху Временного правительства. Но тут на авансцену выходят большевики, раскланиваются во все стороны, и эстрадное представление «Стреляй и взрывай» начинается сначала, причем с еще большим азартом. Новая эпоха – новые мишени. Про покушения на лидера РСДРП (б) я подробно писал в книге «Тайны личности Ленина». Поэтому переходим к первому из актов идеологического насилия.

М. С. Урицкий. Председатель Петроградской ЧК стал первой жертвой новой волны политических убийств.

Сегодня Моисея Соломоновича знают примерно в той же степени, что и, скажем, князя Безбородко. Мало кто может внятно сказать, кто это такие. Только самые подкованные борцы с тоталитаризмом, тесно сгруппировавшиеся нынче вокруг движения «Парнас», так и норовят упомянуть Урицкого в числе основных виновников и даже зачинщиков «красного террора». В такие мгновения я немедленно вытягиваюсь в струнку, щелкаю каблуками и вспоминаю прекрасные строки поэта: «Вот почему с такой любовью, с благоговением таким клоню я голову сыновью перед бессмертием твоим». Только в данном случае не бессмертием, а исключительным интеллектуальным вакуумом.

Эти люди упорно не хотят понять, что как раз Урицкий, находясь на посту председателя Петроградской чрезвычайной комиссии, категорически выступал против расстрелов. Он искренне считал, что ничего хорошего подобная жесткая мера не даст. Не говоря уже о том, что кровавая большевистская вакханалия как раз и стала ответом на убийство Урицкого. По крайней мере, так «Красная газета» (официоз Петросовета, как мы сказали бы сегодня) писала в те дни: «Убит Урицкий. На единственный

террор наших врагов мы должны ответить массовым террором. За смерть одного нашего борца должны поплатиться жизнью тысячи врагов».

Этому акту политического экстремизма с точки зрения истории не повезло особенно. Масштабная конспирологическая теория «русский народ от мала до велика сопротивлялся злым и коварным евреям-большевикам» в данном случае категорически не работает. Дело в том, что Моисея Соломоновича Урицкого убил Леонид Иоахимович Каннегисер, отомстивший за гибель своего друга. Но нет такой вершины, которую невозможно одолеть при большом желании. Что с завидным постоянством и демонстрируется. Поэтому и появился зажигательный монолог известного публициста русской эмиграции Ивана Лукьяновича Солоневича: *«Мы не имеем права забывать и о том, что еврей палач Урицкий был убит рукой героя – еврея Каннегисера. Когда мы будем ставить памятники героям и жертвам нашего грядущего освобождения, ни Каннегисера, ни Каплан мы не имеем права забыть».* Однако первого из боевиков в результате благополучно и оперативно забыли, несмотря на то что он был расстрелян.

Л. И. Каннегисер. Как вспоминала Марина Цветаева: «Леня для меня слишком хрупок, нежен, цветок». Это не помешало ему стать убийцей.

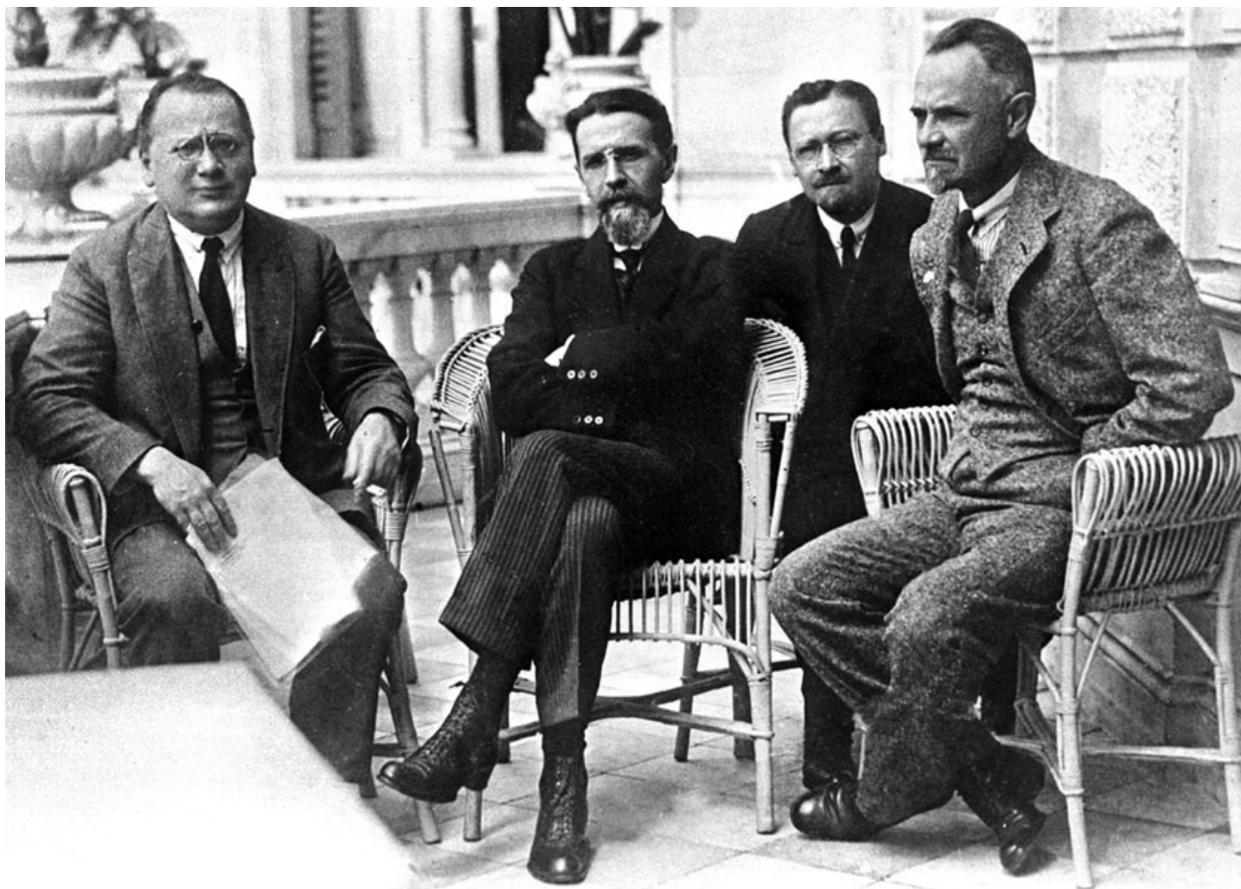
Обратите внимание на полное и стремительное изменение

мировосприятия. Если до известных событий 1917 года консерваторы и правые бурно возражали против политического террора, считая его недопустимым, то по итогам прихода к власти большевиков и последовавшей Гражданской войны перестали видеть в нем что-то плохое. Напротив, сами начали активно его проповедовать. Особенно после ухода в эмиграцию. Согласимся, иных действенных методов борьбы за Россию, которую они потеряли, у них просто не оставалось. А статика многим претила.

Началом террора русской политической эмиграции против лидеров большевиков стало убийство дипломата Вацлава Воровского 10 мая 1923 года. Во главе советской делегации он прибыл в Лозанну на международную конференцию по Ближнему Востоку, где должен был подписать конвенцию о режиме судоходства в контролируемых Турцией черноморских проливах. Она, кстати, действует до сих пор.

Вечером представитель Советской России ужинал в ресторане со своим помощником Максимом Дивильковским и берлинским корреспондентом Агентства новостей РОСТА (оно существует и по сей день, это всем известное ТАСС) Иваном Аренсом. Они были слишком увлечены, по всей видимости, очень важным и интересным разговором и потому не заметили, как из-за соседнего стола неспешно поднялся молодой человек и подошел к ним. Вступать в прения с большевиками он явно не собирался.

Воровский так и не успел понять, что происходит. Он был убит первым же выстрелом в затылок. Смерть наступила мгновенно. Еще две пули попали в журналиста. Последний выстрел был произведен в помощника дипломата. После этого террорист с улыбкой бросил оружие на пол и спокойно сказал подбежавшему метрдотелю: «А теперь зовите полицию!» Никогда до этого убийства в российской политике не совершались с такой показной дерзостью и чувством полной безнаказанности.

В. В. Воровский. В революционном движении с 1894 года.

Стрелял в Воровского очень известный белогвардеец Морис Конради. Как и многие другие родившиеся в России, он никогда не вспоминал про свои корни (в данном случае швейцарские), искренне считая себя русским. Во время Первой мировой войны он добровольцем ушел на фронт и дослужился до чина поручика. В первые годы революции Конради потерял почти всю свою семью. Взятый в заложники отец умер от голода в тюремной больнице, дядя и старший брат были расстреляны как агенты мировой буржуазии.

Сам же Конради был «дроздовцем», то есть служил в одной из самых прославленных частей Белых армий на юге России во время Гражданской войны. И не просто гужевался где-нибудь в тылу поближе к провиантскому обозу, а был адъютантом начальника офицерской дивизии генерала Дроздовского. О нем даже пелось в марше: «Вперед поскачет Туркул славный, за ним Конради и конвой». Согласимся, далеко не каждый удостоился такой чести. Подобное ко многим обязывает. Морис Конради это прекрасно понимал.

В марте 1923 года штабс-капитан приезжает в Женеву для встречи со

своим однополчанином Аркадием Полуниным. Ему он доверительно сообщает о своем небольшом и скромном желании: немедленно убить кого-нибудь из вождей большевиков, чтобы отомстить за свою семью. Друг отнесся с пониманием и взялся помочь. Тут же у них возникает план покушения на наркома иностранных дел Советской России Чичерина и представителя в Великобритании Красина. Конради отправляется в Берлин, но не застаёт известных большевиков в советском полпредстве. Огорченный, он возвращается в Женеву. Тут-то он и узнает о прибытии Воровского на международную конференцию. Судьба Вацлава Вацлавовича была решена.

Уже в наше время это убийство стали считать заказным. Согласно донесению в Москву одного из агентов иностранного отдела Государственного политического управления при НКВД РСФСР (ныне Служба внешней разведки России), Конради получил за это 100 тысяч франков. Деньги собрал генерал Кутепов (о нем мы подробно поговорим ниже), а передал их исполнителю его непосредственный начальник генерал Туркул (о нем я рассказывал в книге «Россия в огне Гражданской войны»).

М. М. Конради, штабс-капитан. Одна из немногих сохранившихся фотографий.

В эмиграции об этом никто до хрипоты не спорил и даже просто не рассуждал. Скоро вам станет понятно почему. Я же вполне допускаю, что деньги на покушение действительно были собраны. Но что это меняет в общей картине? Выглядит ли что-то принципиально иначе оттого, что Конради заплатили за убийство Воровского? Конечно же нет. Штабс-капитан исступленно ненавидел большевиков и стрелял прежде всего ради своей идеи. Ему было без разницы, кого ликвидировать. Будь на месте Воровского Шляпников или Ногин, и они бы точно так же получили в тот день пулю в затылок. И ровно точно так же Конради счастливо улыбался бы приехавшим полицейским.

Штабс-капитан вовсе не был циничным профессиональным киллером.

Как ни дико сейчас это прозвучит для многих, но он выполнил свой долг русского офицера, как его понимали в те годы многие белогвардейцы. Убить большевика для них было естественным и иной раз даже весьма приятным занятием. Зачастую они вообще ничего, кроме этого, в жизни сделать не успели. А что вы хотите от людей, которые после гимназии прямиком отправились в окопы Первой мировой, а потом, не делая никакой паузы, пошли в яростные штыковые атаки Гражданской войны? Это вовсе не я так цинично сейчас рассуждаю. Произнес эти слова сослуживец Конради по дроздовской дивизии капитан Клавдий Фосс. Неукоснительный паладин смерти, он хорошо знал, о чем говорил. На него самого было совершено семь покушений, однако он не только выжил, но и продолжил действовать в свойственном себе стиле.

Конради недолго сидел в камере один. Уже на следующий день к нему доставили подельника. Полунин честно признался: он был единственным сообщником и никакие муки совести его не терзают. С большевиками он поступил так, как они того заслуживают. И вообще, это не дело Швейцарии, а сугубо российская политическая борьба. Команды «отбой» у русских офицеров не было, Гражданская война продолжается. В Женеве, в принципе, против такого позиционирования не особенно возражали, но вот руководство СССР вполне закономерно возмутилось, ведь безопасность представителю первого в мире государства рабочих и крестьян не обеспечили именно швейцарские власти.

Последовала долгая и нудная дипломатическая полемика по извечному вопросу «Кто виноват?». Швейцарцы в итоге были вынуждены капитулировать, но вовсе не по причине железобетонной аргументации представителей Советского Союза. Европейские державы в то время еще старались хоть как-то соблюдать видимость объективности в делах с нашей страной. А потому, выступив своеобразным третейским судьей в этом споре, они постановили: ответственность за политическое преступление несет страна, на территории которой оно произошло, без апелляции к обстоятельствам. Виноватой оказалась Швейцария.

Процесс по делу об убийстве Воровского начался в Лозанне 5 ноября 1923 года. Советской стороне он поводов для радости вполне ожидаемо не принес, поскольку очень быстро трансформировался в показательный суд «Европа против большевизма». Уже во вступительном слове принципиально ни в чем не собиравшийся каяться Морис Конради, торжественно оглядев зал, заявил: *«Я верю, что с уничтожением каждого большевика человечество идет вперед по пути прогресса. Надеюсь, что моему примеру последуют другие смельчаки, проявив тем самым величие*

своих чувств».

Защищавшие террористов известные швейцарские адвокаты Шопфер и Обер перевернули все с ног на голову. Они вызвали в суд более 70 свидетелей, которые были в той или иной степени жертвами террора времен Гражданской войны. Полагаю, не нужно пересказывать, что именно они говорили. Все вы люди взрослые, сами моментально воскресите в памяти многочисленных «жидо-комиссаров» и «латышей-сатанистов», столь любимых до сих пор отдельными публицистами. Тем же, кто в силу возраста ту риторику не застал, напоминаю нынешние популярные на Западе тренды: «путинский тоталитаризм», «боевые буряты», «российская оккупация»...

Окончательно же вердикт суда стал ясен после пятичасового (!) выступления Обера. В конце речи он заявил: *«Конради и Полунин совершили не убийство, а акт правосудия. Они, по мере своих сил и жертвуя собою, выполнили миссию, которую должна была выполнить Европа и которую она выполнить не посмела»*. Остановитесь на мгновение, вдумайтесь в эти слова. С тех пор прошло без малого сто лет, но не изменилось ровным счетом ничего. Замените фамилии террористов той эпохи на любых лидеров современной российской оппозиции, и вы получите привычную риторику ОБСЕ, ПАСЕ и всех прочих многочисленных демократических и правозащитных организаций. Не говоря уже про Госдепартамент США. Иной раз возникает неловкое чувство, что они, кроме конспекта речи Обера, вообще ничего в жизни не читали.

Стоит ли удивляться, что 14 ноября 1923 года присяжные огласили потрясающий вердикт: большинством в девять голосов против пяти признать Мориса Конради действовавшим под давлением обстоятельств, вытекавших из его прошлого, и, стало быть, не подлежащим уголовному наказанию. Судья также обязал террористов возместить судебные издержки и ходатайствовал о высылке Полунина из страны за злоупотребление правом убежища и нарушение общественного порядка. Европейская пресса не скрывала своего восторга. Вот характерный пример публикаций тех дней: *«Это, несомненно, осуждение большевистского режима в том, что в нем является противоречием общечеловеческой этике и праву. Это осуждение системы насилия человека над человеком во имя классовой ненависти. Это признание, что к построенному на этом начале государству общечеловеческие нормы закона и права неприменимы»*. Узнаете риторику?

В Советской России вердикт суда был встречен соответственно. По

стране прокатились многотысячные митинги протеста. Трудящиеся требовали строго покарать убийц. Риторика также была показательной. Все то, что многие привыкли отождествлять исключительно с 1937 годом, впервые прозвучало именно тогда. Тут вам и «сучий куток эмиграции, возглавляемый монархистской сволочью», и «мутная пена буржуазно-контрреволюционных кадетов», и мой самый любимый пассаж: «Убийство и грабеж в соединении с хамством, пьянством и развратом дали такой букет, что хоть сейчас без экзамена ступай в равноапостольные». Согласитесь, сказано очень сильно. Я бы так не смог. Талантливые тогда люди работали в ведомстве агитации и пропаганды.

Тон всему процессу всенародного негодования задавала, разумеется, газета «Правда». Ассортимент был необычайно широк. От «Пролетариат глубоко врежет в памяти своей приговор лозаннского суда, чтобы при случае его вспомнить» до «Оправдала убийц товарища Воровского международная шайка, которая выбрала место, время и обстановку». Венчал все это необычайно простой посыл, чтобы осознал каждый закипевший разум возмущенный и никогда больше не задавал дополнительных вопросов: «Международные организаторы обеспечили оправдание физическим убийцам. Пусть трудящиеся всех стран запомнят этот главный урок лозаннского суда». В дальнейшем эта риторика будет доведена до абсолюта во время судов над Тухачевским и Бухариным. Пока же это была лишь скромная проба пера.

Судьбы террористов сложились по-разному. Конради предпочел надолго исчезнуть из Европы. Он провел несколько лет во французском Иностранном легионе в Африке, но карьеры не сделал. Незадолго до присвоения ему офицерского звания сержант Конради ударил своего командира. За дело: тот обозвал георгиевского кавалера «русской свиньей». Терпеть такое штабс-капитан не собирался. Его изгнали из Иностранного легиона. Все известные сегодня сведения о его дальнейшей жизни весьма противоречивы. Даже дата смерти и место захоронения точно неизвестны. Судя по косвенным свидетельствам, Конради принял участие во французском Сопротивлении в годы Второй мировой войны и ушел на суд Божий в 1946 году.

Полунин умер 23 февраля 1933 года при странных обстоятельствах. Дата дала возможность современным «пикейным жилетам» построить могучую конспирологическую теорию: его ликвидировала Лубянка. За единственное доказательство берут знаменитые слова Дзержинского: «Мы доберемся до негодяев». Сказано это было на траурном митинге в Москве. Однако до сих пор не найдено ни одного документа, подтверждающего

причастность советских спецслужб к смерти Полунина. А без этого любая теория, даже самая красивая и гладкая, сразу перестает выглядеть убедительно. Что, впрочем, не мешает некоторым людям искренне верить в нее и активно проповедовать.

Следующим актом политического террора против руководителей страны стало убийство Петра Войкова. Об этом я достаточно подробно писал в книге «Крах великой империи». Повторяться не будем, а переходим к апогею 20-х годов: «Союз национальных террористов» и генерал Кутепов. Про Александра Павловича сегодня много и охотно говорят и пишут. Даже в знаменитой серии «Жизнь замечательных людей» о нем есть книга. Показывают его как храброго солдата и истинного патриота России, геройски погибшего за свои убеждения. Трудно оспорить чистую правду. Но уточним: это примерно три четверти правды.

Остаток состоит в том, что биография Кутепова, которую сегодня успешно сложили отдельные историки и публицисты на основе широчайшего наследия русской эмиграции, подверглась значительным правкам. Из нее выпали все нежелательные фрагменты. Поэтому я сначала вам покажу, каким Кутепова представляют современной российской публике, а потом – то, что от нее в большинстве случаев утаивают. Совершенно понятно почему. Русский боевой генерал, как это ни прискорбно, не исключал возможность применения против граждан СССР бактериологического оружия. И в дальнейшем те, кто вступил на зыбкую дорогу «хоть с чертом, но против правительства», неизменно апеллировали к Кутепову и его опыту борьбы.

Мало кто из руководителей Белого движения на юге России получил такую известность, как Александр Павлович. Его образ (конечно, полностью отрицательный) был отражен в десятках советских кинофильмов. Вспомнить хотя бы знаменитый сериал «Операция «Трест». Кутепов там – наиглавнейший подлец и палач, пробы негде ставить. Он сам на ком угодно ее поставит. На фоне его высокопревосходительства даже боевики вроде Захарченко воспринимаются не такими уж плохими. Любили Родину, вовремя не разобрались в революции, продолжили заблуждаться в эмиграции. А вот Кутепов – это последовательный и принципиальный враг.

Ни один человек в Гражданскую войну не заслужил столь противоречивых оценок собственных соратников: с одной стороны – хам и военная бездарность, а с другой – железный полководец и офицер исключительной храбрости. Последний командир лейб-гвардии Преображенского полка полковник Кутепов 24 декабря 1917 года вступил в

ряды Добровольческой армии и был назначен начальником гарнизона Таганрога. Он сформировал офицерский отряд всего из 200 человек и в течение целого месяца, в морозы и стужу, бессменно стоя на позициях, отбивался от превосходящих сил большевиков. «Горсть побеждала тысячи», – восторженно писали в те дни газеты Всевеликого войска Донского и окрестных территорий. Генерал Деникин, вернувшийся однажды после объезда Таганрогского района, делился впечатлениями: *«Там бьются под начальством Кутепова такие молодцы, что, если бы у нас было 30 тысяч таких людей, мы бы с ними сейчас же отвоевали у большевиков всю Россию»*. Не нашлось тогда в стране столько сторонников генерала Корнилова, готовых идти за ним. В Добровольческой армии было всего 4 тысячи офицеров и гимназистов.

В ночь на 23 февраля (по новому стилю) 1918 года Добровольческая армия ушла в свой легендарный Ледяной поход. Уходила, как писал генерал Алексеев, чтобы зажечь светоч среди охватившей Россию тьмы. Полковник Кутепов был назначен командиром 3-й роты офицерского полка под командованием генерала Маркова. Их шутливо называли гвардейцами, ведь основу составляли офицеры элиты русской армии – лейб-гвардии Семеновского и Преображенского полков. Несмотря на всю свою ненависть к большевизму, марковцы считали, что большая часть народа просто одурачена пропагандой, и по возможности старались избегать ненужного кровопролития. Однажды в одной из кубанских станиц при отступлении большевиков какой-то парень лет двадцати кинул винтовку и скрылся в хате. Добровольцы схватили его и повели на расстрел. Отец и мать бросились за ними, умоляя простить сына. На них не обращали внимания.

А. П. Кутепов, председатель крупнейшей эмигрантской организации «Русский общевоинский союз».

Вдруг старики увидели идущего навстречу офицера с золотыми погонями. Сразу решили, что это начальник, и упали ему в ноги. «Ваше благородие, простите нашего сына. Из-за товарищей погибает. Он шалый, а душа в нем добрая. Простите Христа ради». Полковник Кутепов пристально посмотрел на стариков и сказал: «Отпустите этого болвана». Но, разумеется, так было далеко не всегда. Уже в эмиграции Кутепов вспоминал, как приказал расстрелять одного из попавших в плен

красноармейцев. *«Привели ко мне парня. Был он на фронте в германскую войну и вернулся в свой городишко большевиком. Проходу не давал отцу и матери, ругал их буржуями. Выкопал во дворе яму и спихнул туда отца, забросал его землей по горло, стал допрашивать, где запряты деньги, и тыкал солдатским сапожищем в лицо своего отца. Даже мать не заступилась за такого сына».*

Произведенный Деникиным в генералы, Кутепов со своей дивизией взял Новороссийск и на некоторое время остался в городе генерал-губернатором. В Советском Союзе было принято обвинять Александра Павловича в жесточайших репрессиях против пролетариата, его даже называли «березовым» генералом. Молва приписывала ему следующий эпизод. Когда привели пойманного большевистского агитатора, его превосходительство сказал своим офицерам: «Если бы здесь росла береза, я бы немедленно приказал его повесить. А так – придется расстреливать, можно прямо здесь».

Впрочем, жестокость Кутепова сильно преувеличена. К примеру, в эмиграции считали, что зачастую генерал был, напротив, слишком мягок. Поводом для подобных разговоров послужил такой случай. Начальник штаба новороссийского гарнизона полковник де Роберти был осужден за взятку. И хотя Кутепов за такие преступления расстреливал (с бюрократами по-другому не справиться, утверждал генерал), в тот раз он ограничился лишь заключением чиновника в тюрьму. Когда же в Новороссийск вошли части Красной Армии, де Роберти был немедленно освобожден, а затем долгие годы служил в иностранном отделе ОГПУ.

В конце января 1919 года Александр Павлович снова был вызван на фронт, где принял командование Первым армейским корпусом. Именно под его руководством Добровольческая армия, не обладая численным превосходством над противником, взяла Харьков, Курск и Орел. Потом, осев во Франции и в Болгарии, бывшие белые офицеры считали, что это стало возможным только благодаря действиям Кутепова. Его спокойствие и выдержка даже в самые тяжелые минуты были хорошо известны всем белогвардейцам.

Однако особенно отчетливо эти качества Александра Павловича проявились уже в Галлиполи, куда русская армия эвакуировалась из Крыма. Барон Врангель был изолирован французами. Поддержанием духа офицеров занимался генерал Кутепов. Было сделано главное – потерпевшая поражение армия продолжала верить в свою правду. Были сохранены стержень русского офицера и воля к дальнейшему продолжению борьбы. Кто-то из бывших офицеров вспоминал уже в эмиграции: *«В один из самых*

страшных моментов нашей белой жизни, в момент, казалось бы, предельного провала, на пустынной и суровой земле, в далекой чужбине вновь завяли наши старые военные знамена. В «Голом поле» день и ночь непрерывной сменой молчаливых русских часовых совершалась литургия Великой России!»

С самого утра, как рачительный хозяин, генерал Кутепов обходил своим неутомимым шагом весь городок и лагерь. Он всегда был тщательно одет, бодр и весел духом, словно окружающая обстановка была самой обычной. Задерживался около тех, кто выполнял наиболее трудную и грязную работу. Со всеми здоровался. «У меня руки грязные, ваше высокопревосходительство!» – говорил кто-нибудь из офицеров. «Руки грязнятся не от работы», – отвечал Александр Павлович и крепко пожимал руку.

«Галлиполийское сидение» продолжалось до конца 1921 года, после чего части армии генерала Врангеля были переведены в Болгарию и Югославию. Покидая турецкий полуостров, Кутепов сказал: «Уверен, что каждый из нас, вернувшись на Родину, будет с гордостью говорить: «Я был в Галлиполи». Тогда все верили в продолжение борьбы с большевиками, с нетерпением ждали начала нового кубанского похода, не желали признавать краха Белой идеи. Уже через несколько лет бывшие добровольцы оказались рассеяны по всему миру. Но даже в эмиграции они надеялись услышать хорошо знакомый им приказ Кутепова: «Господа офицеры, вперед!»

После эвакуации добровольческой армии в Болгарию и Югославию в конце 1921 года боевые офицеры стали осваивать мирные профессии. Но генерал Кутепов не мог смириться с поражением в войне против большевизма. Переехав в Париж, он приступил к созданию боевых групп для подпольной борьбы в Советском Союзе, а в 1928 году, после смерти барона Врангеля, встал во главе Русского общевоинского союза – организации бывших чинов Добровольческой армии. В СССР Кутепова называли реакционером, который на деньги мировой буржуазии стремился восстановить монархию. Однако это абсолютно не соответствует действительности.

Взять хотя бы деньги мировой буржуазии. Своим офицерам Кутепов часто говорил: *«Среди русских эмигрантов есть люди с большими средствами, в миллионах ходят. Меня готовы приветствовать лучшими обедами, а вот чтобы на дело дать – почти никогда. На борьбу дают деньги люди от станка, нищие. Святые это деньги»*. С восстановлением в России монархии – тоже не совсем верно. Кутепов, как и все офицеры

лейб-гвардии, принес присягу императору и никогда ей не изменял. Но, например, дочь генерала Деникина называла Александра Павловича «современным монархистом», который благо России ставил всегда выше своих политических пристрастий. В этом Кутепов был не одинок: большинство его офицеров разделяли его мысли.

Под руководством Кутепова РОВС направил свою деятельность в двух направлениях. Первое предполагало установление связи с высшими кадрами Красной Армии, многие из которых были бывшими императорскими офицерами, для совместной подготовки военного переворота в Москве. Второе направление представляло собой систему террора: удар по отдельным советским учреждениям в столицах, что кутеповцы и продемонстрировали в 1927 году взрывами ленинградского партклуба и Лубянки. Ответ не заставил себя долго ждать.

Париж, где жил глава РОВС, был буквально наводнен агентами ОГПУ, поэтому офицеры из «Общества галлиполийцев», работавшие таксистами, взялись охранять своего генерала. Они, чередуясь, бесплатно возили генерала как телохранители, но Кутепов настоял, чтобы по воскресеньям и у них был выходной. Утром 26 января 1930 года, в воскресенье, генерал вышел из дома и направился пешком в русскую церковь. Потом он планировал зайти в Галлиполийское собрание. Семья Кутепова ждала его к завтраку, но генерал не вернулся. Предположили, что он задержался. В три часа обеспокоенная жена послала денщика узнать о причине задержки генерала.

Оказалось, что у галлиполийцев Кутепов в тот день не был. Полиция немедленно начала поиски генерала во всех больницах, моргах и полицейских участках. Офицеры сразу поняли: Александр Павлович похищен большевиками. Эта ужасная весть моментально облетела всю русскую эмиграцию. Ближайший помощник Кутепова генерал Миллер в те дни писал: *«Не может быть для русской эмиграции мирного житья в ожидании событий в СССР. Начатая 13 лет тому назад борьба продолжается, угнетатели нашей Родины не дремлют, и жертвою их пал тот, в руках которого сосредоточены были все силы борьбы, тот, которому так верили его соратники по упорной борьбе со злейшими врагами России и русского народа».*

Нашлись и свидетели преступления. Один видел, как бешено сопротивлявшегося Кутепова заталкивали в машину. Другой – как дрался Александр Павлович с похитителями, пока ему не накинули на лицо платок с хлороформом. Судя по всему, это и стало причиной смерти председателя Русского общевойскового союза. У неоднократно раненного в боях генерала

была неадекватная реакция на хлороформ, и даже минимальная его доза могла вызвать остановку сердца. Были и те, кто видел, как завернутое тело уже мертвого, по всей видимости, председателя Русского общевойсковое союза доставили на советский пароход «Спартак». Корабль немедленно взял курс в сторону Новороссийска.

Французская полиция при всем своем желании не могла бы освободить Кутепова. Согласно международным законам, корабли являются частью государства, и вторжение на них может расцениваться как начало войны. А воевать с Советским Союзом, тем более из-за бывшего белогвардейского генерала, никто не хотел. Русская эмиграция негодовала и жаждала мести. Образовался Комитет для сбора средств на розыск. И бедные, и богатые вносили свою лепту, каждый надеялся, что Кутепов жив, что его найдут, что для французского правительства наказание преступников станет вопросом чести. Но все было тщетно...

Примерно так сегодня представляют генерала. Согласимся, бесстрашный воин, верный до смерти присяге и своим нравственным идеалам. С этой точки зрения несомненный пример для подражания. Однако кое-что остается за рамками подобных героических повествований. Публицисты старательно умалчивают неприятные факты из биографии генерала, и совершенно понятно почему. Кутепов в эмиграции возглавлял «Союз национальных террористов».

Цель генерала была очевидна: через постоянный террор против большевиков добиться дестабилизации обстановки, которая, в свою очередь, станет ключевой предпосылкой для продолжения Гражданской войны в стране. В современной России, многократно становившейся жертвой атак террористов, сегодня отношение общества к террору вполне однозначное. Поэтому, чтобы не пятнать белоснежные ризы его превосходительства, эти факты скромно забываются. А мы все-таки их изучим.

В 1927 году боевики «Союза национальных террористов» Мария Захарченко и Виктор Ларионов подготовили Кутепову свои предложения по диверсиям на территории Советского Союза. Это был очень масштабный план, предусматривающий буквально все. Например, взорвать мосты одновременно на Волхове и Луге, чтобы отрезать Петроград и создать панику. После этого можно перейти к поджогам и к взрывам в учреждениях посредством заложенных ранее снарядов. Нужно лишь наладить заготовку бомб большой силы, небольших сосудов с газами и, главное, культуры бацилл. Такими методами предполагалось «доконать большевизм» (так в тексте и указывалось) с небольшими потерями для эмиграции. Но на войне

без потерь не бывает. Кому, как не боевым офицерам, об этом знать.

Но главный пункт содержался в конце. Он гласил: «Привлечение абсолютно проверенного бактериолога: а) оборудование своей лаборатории для разведения культур инфекционных болезней (чума, холера, тиф, сибирская язва, сар), б) снабжение уходящих бактериями для заражения коммунистических домов, общежитий войск ГПУ». Остановитесь на минуту, прочтите это предложение боевиков Кутепова еще раз. Переведите дыхание. Осмыслите главное: предполагалась бактериологическая война.

В. А. Ларионов. Бывший капитан Добровольческой армии стал главным террористом русской эмиграции.

Это чудовищное преступление против своего народа не вызывало у авторов меморандума ни мук совести, ни нравственных переживаний. На документе нет также гневной резолюции Кутепова. А ведь по степени цинизма эти предложения сравнимы только с рапортами в Берлин командиров айнзацгрупп по проведенным казням еврейского населения на оккупированных территориях СССР. Но планы «Союза национальных террористов» легли на стол Кутепова за семь лет до прихода Гитлера к власти. Тогда еще ни фюрер, ни его ближайшее окружение таких

людоедских планов не то что не обсуждали, но даже не имели.

Мне могут возразить: ничего из замыслов Кутепова, к счастью, не произошло. И мало ли какая глупость могла прийти в головы несчастных эмигрантов, горевавших по горячо любимой Родине. Так вот, ничего не произошло только по причине того, что кутеповским боевикам не повезло. 10 июня 1927 года советские газеты опубликовали правительственное сообщение о провале попытки белогвардейских террористов взорвать жилой дом № 3/6 по Малой Лубянке.

Спустя почти месяц подробности неудачной диверсии раскрыл заместитель председателя ОГПУ Генрих Ягода в интервью газете «Правда»: *«Организаторы взрыва сделали все от них зависящее, чтобы придать взрыву максимальную разрушительную силу. Ими был установлен чрезвычайно мощный мелинитовый снаряд. На некотором расстоянии от него были расставлены в большом количестве зажигательные бомбы. Наконец, пол в доме по Малой Лубянке был обильно полит керосином. Если вся эта система пришла бы в действие, можно не сомневаться в том, что здание было бы разрушено. Взрыв был предотвращен в последний момент».*

Те террористы были уничтожены. А вот другому кутеповскому боевику после неудавшегося покушения на Бухарина (то есть до Сталина оставался последний шаг) удалось вернуться за границу. В пространном рапорте генералу он отмечал: *«Если бы мелкий террор шел снизу, от всей массы населения, тогда он был бы грозным для коммунистов, но ведь трагедия в том, что на это даже рассчитывать сейчас нельзя. Мое мнение, что такая игра не стоит свеч. Мы эту игру не в силах пронести в таком масштабе, когда она станет опасной для советской власти и результаты не оправдают потерь».* Дальнейшему развитию террористической деятельности Александра Павловича Кутепова помешали сотрудники иностранного отдела ОГПУ. Но это вы уже знаете.

Печально, что боевой русский офицер, искренний патриот своей Родины оказался втянут в такое. Но еще более огорчительно, что сегодня ряд публицистов уже призывают своих читателей ориентироваться на Кутепова. Хочется спросить: ориентироваться во всем или все же выборочно? Генерал совершил за свою жизнь много ошибок. Роковая из них, на мой взгляд, – терроризм. Здесь уже не может идти речь о борьбе с политическим строем. Ведь сотни, если не тысячи, погибших от бактерий людей, в том числе женщин, стариков и детей, не имели бы прямого отношения к большевизму. Александр Павлович не мог этого не понимать.

На этом с прелюдией к очень непростой теме предлагаю закончить.

Суть политического терроризма в те годы вы, вероятно, уже поняли. А значит, пора нам переходить непосредственно к многочисленным покушениям на Генерального секретаря ВКП (б). Там, конечно, такого размаха не наблюдается, но действовали участники не менее активно и изощренно.

«Клубок»: был ли заговор?

Не поддаваться на вызывающие действия, твердо и спокойно идти по пути превращения нашей стихийной борьбы в борьбу планомерную.

И. Сталин

О непростой эпохе 30-х годов и персонально великом вожде всего советского народа сегодня написаны тысячи книг на любой вкус. Разнообразной степени вздорности. Читать их можно бесконечно. Жизни, пожалуй, не хватит, дочитывать будут дети и внуки. Но вот что интересно: во многих из этих работ о деле Енукидзе практически ничего не пишут. Так, упомянут между делом в паре строк, что да, было такое. Тем и ограничиваются. Некоторые авторы даже высказывают глубокое сожаление, что о том самом «Клубке» практически ничего не известно. Не о чем вспоминать и размышлять.

Если сравнивать с делом Тухачевского, то, конечно, все так и есть, эти авторы, безусловно, правы. Не было шумной пропагандистской кампании, многотысячных митингов и резолюций трудовых коллективов, значительных фигур в процессе не фигурировало, если, конечно, не считать Каменева. Не было и последовавшей при Хрущеве активной героизации в обществе всех участников, независимо от неприятных фактов. Вполне заурядный случай, который не оказал никакого влияния ни на жизнь страны в целом, ни на историю сталинской эпохи в частности.

А. С. Енукидзе, участник революционного движения с 1894 г.

Весьма распространенная точка зрения. И глубоко ошибочная. Потому что за скобки, для начала, выводится фигура Авеля Сафроновича Енукидзе. А ведь это политический тяжеловес того времени. Фигура! Классический большевик с дореволюционным стажем. Всю жизнь посвятил борьбе с ненавистным ему самодержавием. И посты занимал в стране победивших рабочих и крестьян весьма высокие. Перечислим лишь самые главные из них: член Президиума и секретарь Президиума Центрального исполнительного комитета СССР, член Центрального комитета Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Оценили масштаб личности? Прониклись мощью государственного деятеля?

А ведь это еще только вершина айсберга. За скобками остаются многочисленные аресты, заключение в «Крестах», участие в ставших потом историческими съездах Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков). А еще членство в Петроградском Военно-революционном комитете, роль вовсе не второго плана в событиях октября 1917 года, включая тот самый второй Всероссийский съезд Советов.

Каждая из этих скупых строчек способна была украсить биографию любого борца с самодержавием и вызвать стойкую ненависть у каждого русского контрреволюционера. Согласимся, перед нами весьма незаурядная фигура. Хоть и малоизвестная в наши дни.

Пару Авелю Енукидзе в этом внезапном и безжалостном сметании на историческую обочину составил комендант Кремля Рудольф Августович Петерсон. Пройдет немного времени, и его усадят на скамью подсудимых по весьма известному делу. Тот самый «заговор в Красной Армии». Я убежден, что подавляющее большинство моих читателей никогда до этого фамилию Петерсон не слышали. Должен огорчить: это не тот, чей друг Джексон (оказавшийся впоследствии женщиной) стрелял и почти попал в Сундукова в популярной советской комедии «Три плюс два». Это герой совсем другого романа. Рудольф Петерсон – активный участник Гражданской войны, член партии большевиков с 1919 года, награжденный орденом Боевого Красного Знамени. Классический латышский стрелок, как сегодня все их себе представляют. Стоит ли удивляться, что ему доверили почетный и важный пост коменданта Кремля?

Казалось бы, одних только фигур Енукидзе и Петерсона за глаза хватит, чтобы всерьез заинтересоваться этим делом. Задать самим себе непопулярные нынче вопросы. Постараться найти внятное объяснение, почему те события оказались в результате обделены нашим пристальным вниманием? Были ли вообще заговорщиками эти самые Енукидзе и Петерсон, или всему виной вечная маниакальная мнительность товарища Сталина? Помогло бы Красной Армии остановить осенью 1941 года зарвавшегося наглеца Гудериана и подлеца Манштейна присутствие в ее славных рядах Рудольфа Августовича? Или он у нас не проходит по преискуранту величайших гениев всех времен и народов вместе с Тухачевским, Уборевичем, Гамарником и Якиром?

Никита Сергеевич Хрущев сделал очень много для переписывания истории родной страны. Культовые командиры РККА, попавшие под каток репрессий, в полном составе были объявлены невинными жертвами чудовищной сталинской подозрительности. Так продолжалось и при всех прочих Генеральных секретарях ума, чести и совести нашей эпохи (если кто-то забыл – так называли КПСС). Многие до сих пор не могут угомониться, прославляя всех подряд и даже не подозревая о неприятных эпизодах биографий этих титанов. Но Петерсон и тут оказался досадным исключением из правил. Вы удивитесь, но до 1989 года советская историческая наука, направляемая агитпропом, вообще ничего не сообщала про то самое «Кремлевское дело». Словно не было его.

Тем не менее оно было. И на Западе все прекрасно знали подробности благодаря очередному высокопоставленному перебежчику. Майор государственной безопасности, резидент НКВД в Испании Александр Орлов, он же Лев Фельдбин. В 1938 году он предпочел сбежать в США. Написал там книгу «Тайная история сталинских преступлений». В ней, в частности, содержится такое вот откровение от Енукидзе: *«Когда он сказал мне, что хочет устроить суд и расстрелять Каменева и Зиновьева, я попытался его отговаривать. «Сосо, они старые большевики, как ты и я. Ты не станешь проливать кровь старых большевиков! Подумай, что скажет о нас весь мир!» Он посмотрел на меня такими глазами, точно я убил его родного отца, и сказал: «Запомни, Авель, кто не со мной, тот против меня!»».*

То есть суть «Кремлевского дела» описана максимально популярно: не сошлись во мнениях о Блаженном Августине, сиречь, по вопросу отношения к старым большевикам. И изжил Сосо Авеля со свету. Прямо как в песне: «Может быть, и просил брат пощады у Каина, только нам не менять офицерский мундир». В данном случае – билет члена компартии. Так вот, это невероятно упрощенная модель, ориентированная в первую очередь на западного читателя, который имел столько представлений о советской действительности, сколько нынешний обычный человек, например, о методике переплавки чугуна в Китае в годы Культурной революции. За скобками остался суший пустяк, о котором и упоминать-то не следует, настолько он жалок. Но мы с вами люди въедливые и потому озвучим его.

Решение Пленума Центрального комитета ВКП (б), в котором отмечалось, что Енукидзе «засорил аппарат секретариата ЦИКа и Кремля в целом нелояльными элементами». К этому мы еще вернемся. Пока же продолжим восстанавливать цепочку событий. Известный на Западе историк Конквест пошел значительно дальше Орлова. По его мнению, Сталину требовалось связать действительно существовавшую оппозицию с заговором против себя, и какие-то основания для опасений за свою драгоценную жизнь генсек все же имел. В качестве доказательства этой теории используется личность Петерсона.

А потом наступил 1989 год. Эпоха безостановочной перестройки, ускорения, гласности и нового мышления. Покровы срывались ежедневно с непередаваемым остервенением. В рамках этого великого процесса исторического переосмысления для почтеннейшей публики была обнародована совместная справка Генеральной прокуратуры и Комитета государственной безопасности СССР по интересующему нас вопросу.

Содержал не самый объемный документ список из 110 обвиняемых по этому делу и небольшой отрывок из обвинительного заключения. Из него, в принципе, невозможно понять, в чем суть вопроса. Вот сами попытайтесь: *«Поводом для его возникновения послужило разоблачение якобы существовавшего в Кремле заговора ряда служащих, работников комендатуры, военных и других, кто, по данным НКВД, готовил покушение на Сталина, оно непосредственно увязывалось с Троцким, Зиновьевым и Каменевым, меньшевиками, монархистами, белогвардейцами и так далее».*

Перец, мед, сметану, манку, сало – все в одну кастрюлю. Какое к этому отношение имеют белогвардейцы и монархисты, находившиеся в тот момент в Париже и Софии? Почему, если даже они объединяют свои усилия со своим кровным врагом Енукидзе, в стороне остаются фашисты? Пусть и не сам бесноватый фюрер, но хоть какой-нибудь захудалый носитель коричневой рубашки мог бы и поучаствовать в таком благом для себя деле, как физическое уничтожение героев Гражданской войны?! Но этого почему-то не произошло.

В результате спустя 81 год после тех событий никто толком не может ответить на вопросы: когда возникло то самое «Кремлевское дело», кто был конечным выгодополучателем всей этой истории и насколько соответствовала действительности представленная суду доказательная база. Преданные поклонники Сталина истошно орут, что заговор был, и только последний негодяй может сомневаться в непогрешимости великого вождя. Противники не менее громко отвечают, что никакого заговора не было и быть не могло и мы имеем дело с очередным преступлением антинародного режима. При этом и те и другие в редчайшие для них моменты душевного спокойствия признают, что, конечно, в деле Енукидзе и Петерсона остается устойчивое ощущение недосказанности. Но что именно так и осталось за кулисами общественного мнения?

Попробую ответить на эти вопросы. Прекрасный писатель Сергей Довлатов однажды совершенно справедливо заметил: *«Мы без конца ругаем товарища Сталина, и, разумеется, за дело. И все же я хочу спросить: кто написал четыре миллиона доносов?»* В интересующем нас с вами «Кремлевском деле» все началось именно с них. Три молодые девушки, работавшие уборщицами в Кремле, активно и регулярно вели контрреволюционные разговоры. Нет, они не призывали подлую Антанту поскорее освободить страну от ига большевиков. И по фюреру Великого рейха тайно ночами не вздыхали. Одна из них сказала, что товарищ Сталин ест вкусно и обильно, а вот работает при этом подозрительно мало. Вторая, предварительно записав Иосифа Виссарионовича почему-то в армяне,

горевала, что тот очень недобро смотрит на людей.

Вот, казалось бы, болтают бабы – и пусть себе болтают. Так у нас испокон веку было. Ничего не поделаешь, такова человеческая природа. И для нашей истории событие вовсе не эксклюзивное. Вспомнить хотя бы наказание кнутом княгини Лопухиной. Изменить женскую суть даже большевики со всеми их декретами оказались неспособны. Казалось бы, да и пусть себе болтают. Но нет ведь, нашлась бдительная натура, как и всегда в таких случаях, исключительно анонимная, которая нутром почувствовала измену и написала донос в известное ведомство.

В свою очередь, в Народном комиссариате внутренних дел, сопоставив полученную информацию с данными своей собственной агентуры, решили всерьез присмотреться к Енукидзе и Петерсону. А при чем тут они? – спросит меня иной читатель. Авель Сафронович с теми женщинами душевных разговоров за чаем не вел – не по статусу ему было. И Рудольф Августович тоже не участвовал в обсуждениях. Больше того, видные государственные мужи вообще не упоминались в беседах уборщиц между собой.

Вы рассуждаете с позиций сегодняшнего дня, когда каждый что угодно пишет в социальных сетях. Мели, Емеля, твоя неделя. Очень редко кому-то доводится ответить за свои слова. А вот тогда времена были совсем иные. Контроль был если не тотальным, то активно к этому стремился. И не могли не задуматься люди в красно-синих фуражках: а почему, собственно, не реагируют Енукидзе и Петерсон на такой вопиющий случай ведения подлых клеветнических разговоров в Кремле? Простой вариант, что Авель Сафронович презирал доносы, а Рудольф Августович не обращал внимания на бабскую болтовню, отметался с ходу. Повторю, эпоха была весьма своеобразная.

Люди в НКВД подобались тогда предельно простые. Они сразу обнаружили нарушения закона по пункту 10 печально известной статьи 58 Уголовного кодекса. Если кто-то не знает: «Пропаганда или агитация, содержащая призыв к свержению, подрыву или ослаблению советской власти». Срок наказания – не ниже шести месяцев. Уборщиц вызвали на допрос. Их проводили не просто следователи. Например, сам начальник оперативного отдела Паукер лично отвлекся от подготовки двух судебных процессов, связанных с делом Кирова, чтобы обстоятельно побеседовать с работницами Кремля. Чувствуете уровень? И не только комиссар государственной безопасности 2 ранга трудился не покладая рук, допрашивая вчерашних колхозниц. Рядом с Карлом Викторовичем тем же самым занимались столь же видные чекисты.

Допросы проводились одиннадцать дней подряд. Результат вышел печальным. Несмотря на проявленное усердие, доподлинно установили лишь факт разговоров за чаем и некоторые темы. К примеру: «Сталин убил свою жену». Единственное, что удалось чекистам, – это расширить список обвиняемых. Попала в него и одна из телефонисток Кремля. Улов не бог весть какой. Не о чем докладывать руководству страны. Посмотрит на чекистов товарищ Сталин презрительно, затынет свою любимую трубку и тихонько спросит: «И это все, на что вы оказались способны?» И недобро сощурился. Со всеми вытекающими последствиями. Паукер это понимал.

Но тут чекистам внезапно подвалило счастье. В рамках параллельных следственных мероприятий были арестованы инженер московской ТЭЦ Розенфельд, племянник Каменева (его бывшая жена станет потом важнейшим свидетелем по этому делу), и порученец коменданта Кремля Синелобов. Никакого отношения к уборщицам они, разумеется, не имели. Больше того: они вообще не подозревали об их существовании. Но это уже и не требовалось. Отличительной особенностью так называемых «детей Арбата» было умение и, главное, стремление добровольно и обстоятельно рассказать на допросах абсолютно все, что они видели и слышали в жизни. Так вышло и в этот раз.

Прозвучали фамилии. Их было много. Даже очень много. Именно благодаря этому чекистам удалось выстроить стройную концепцию о разветвленном заговоре, в котором под управлением Каменева вели безостановочную подрывную деятельность кремлевские уборщицы, библиотекари и командный состав комендатуры. Тут-то впервые и прозвучала фамилия Петерсон в привязке к этому делу. Он якобы сообщил широкой группе своих подчиненных, что Аллилуева умерла неестественной смертью. Все дальнейшее было делом техники. Ее окончательно отточат в 1937–1938 годах, но премьерная постановка состоялась именно во время следствия по делу «Клубок».

Допросы шли семнадцать дней. Была проделана титаническая работа, но желанного облегчения от ее окончания у чекистов не было. Несмотря на все проявленное усердие следователей, никак не удавалось выйти за пределы исходной формулировки – «распространение клеветнических слухов». Хотелось ведь много большего, однако все обвиняемые ну никак не тянули на террористов. Их показания, а главное, их трактовка сотрудниками спецслужб – вообще отдельная песня.

Подследственные признавали факты ведения контрреволюционных разговоров с троцкистами, чьи взгляды они не разделяли, но не сообщили об этом куда следует. Не потому, что являлись подлыми двурушниками и

циничными перерожденцами из советских людей в наймитов мировой буржуазии и западных разведок, а только потому, что не подумали о всей серьезности ведения подобных бесед. Поэтому предателями родной Коммунистической партии и всего народа горячо любимой Родины себя не признавали.

Они действительно упорно не понимали, в чем их обвиняют. Для них это была всего лишь женская болтовня. Да, там проскальзывали некоторые неприятные моменты. Например, о роли Зиновьева в партии или о письме Ленина к съезду. И только попадая в кабинет на Лубянке, они начинали задумываться, что, конечно же, во всем виноваты соратники Троцкого, которые подло втянули их в провокационные беседы. Но сами себя и представители комендатуры, и уборщицы, и библиотекари в сподвижники Льва Давыдовича не записали. А следователи никак не могли найти неопровержимые доказательства подрывной деятельности созданных подпольных групп.

Р. А. Петерсон, с апреля 1920 года – комендант Московского Кремля.

Скорее всего, дело бы на этом и завершилось ничем. Самым болтливым дали бы по шесть месяцев лишения свободы в назидание всем прочим. Но в тот самый момент, когда следователи уже были готовы злобно

выматериться и плюнуть на эту совершенно бесполезную трату времени, один из допрашиваемых внезапно дал долгожданные нужные показания. Он заявил, что случайно был рассекречен список из семнадцати членов Политбюро перед несколькими ротами красноармейцев кремлевского гарнизона.

В этом месте ухмыльнется иной либеральный читатель. Все ясно, дальше можно не продолжать. Перед нами классическая сталинская стряпня во всей первоизданной красе. Как вообще может быть секретным список руководителей государства, если эти фамилии прекрасно известны всей стране? Их крупные фотографии ежедневно публикуются в газетах, их портреты с гордостью несут на первомайских демонстрациях пионеры и комсомольцы. И только при зловредном коммунистическом режиме из-за подобного вздора можно было переквалифицировать все дело. Из контрреволюционной болтовни сделать вывод о подготовке покушения на товарища Сталина.

Логика понятна. Когда подобные размышления с завидной регулярностью звучат в эфире «Эхо Москвы» из уст ораторов, облеченных высокими степенями, и просто хороших людей, поневоле начнешь верить. Но в данном случае речь шла действительно о рассекречивании совершенно секретных данных. Время въезда в Кремль и выезда из него, место пребывания, система оповещения постов охраны... Любое государство подобные сведения тщательно охраняет. Ровно по этой причине и задумались на следствии: а просто ли это болтовня или?.. Одно дело – за чаем рассуждать о вкладе Зиновьева в строительство коммунизма в стране победившего пролетариата. И совсем иное – оглашать время прибытия в Кремль руководителей страны.

Поставим себя на место сотрудника НКВД и зададимся важными вопросами. Имела место обычная вечная российская безалаберность, помноженная на несовершенство охраны Кремля, или была выявлена на раннем этапе подготовка покушения на горячо любимого Сталина? Расценивать это как халатность при исполнении служебных обязанностей или как террористический акт мировой буржуазии против СССР? Ответ очевиден. Именно поэтому уже в кратчайшие сроки Политбюро утверждает представление народного комиссара внутренних дел Ягоды «Об охране Кремля». Этот документ навсегда изменил систему охраны руководителей страны и правительственных зданий. Теперь этим стал заниматься непосредственно НКВД.

Нововведения коснулись и напрямую коменданта Кремля. С территории Кремля был выведен весь военный гарнизон. Убрали всех, кто

мог слышать те самые рассекреченные сведения. Командовать Петерсону в одночасье оказалось просто нечем, ведь на место красноармейцев заступил полк специального назначения НКВД. И выполнять его приказы они явно не собирались, поскольку имели собственное начальство. Да и сам Петерсон, разумеется, не мог им что-то приказывать. В вечном незримом противостоянии чекистов и военных, начавшихся с первых же дней победы большевиков в революции, на долгие годы была поставлена точка. В качестве бонуса к победе Народный комиссариат внутренних дел получил еще и долгожданный контроль над кремлевским телефонным коммутатором и правительственным гаражом. А вот Енукидзе остался без верного соратника.

Г. Г. Ягода. Пройдет немного времени, и сам глава НКВД сядет на скамью подсудимых как враг народа.

Между тем следствие продолжалось. Методично опрашивались новые свидетели. Дошла очередь и до бывшей сотрудницы правительственной библиотеки Мухановой. Ее подвели два роковых обстоятельства. Во-первых, происхождение. Была она из дворян и по реалиям той эпохи даже минимального доверия не вызывала по определению. А во-вторых, и это было, пожалуй, главным, она была любовницей Енукидзе. Налицо факт аморального поведения и бытового разложения. В те годы к этому

относились невероятно трепетно. Это вам не нынешнее время, где кто что хочет, то и творит, наплевав со Спасской башни древнего Кремля на все духовные основы общества, столь старательно описанные прекрасным русским философом Семеном Людвиговичем Франком.

Позвольте, скажет мне иной читатель, но какая разница, с кем спал Енукидзе? Да хоть с женщиной – это сугубо его личное дело. Тем более, может, он таким образом социализировал и перевоспитывал классово чуждого гражданина, воплощая в жизнь заветы Ильича? И потом, многие лидеры пролетарского государства не годились в образцы морали и нравственности. О похождениях всесоюзного старосты Калинина сегодня достаточно известно, однако же его во враги народа не записали. Все так, я не спорю. Только вот многочисленные любовницы Михаила Ивановича не встречались на досуге с сотрудницей консульства Великобритании и задушевных многочасовых бесед не вели. А это уже, по меркам того времени, совсем иное дело.

В очередной раз должен повторить. Беда очень многих состоит в том, что они смотрят на события почти вековой давности через призму дня сегодняшнего, когда в обществе уже совершенно другие стандарты и традиции. Хорошо это или плохо – вопрос дискуссионный. Нас сейчас не это интересует. В ту эпоху отношение к подобным контактам с мировой буржуазией было соответствующим. Крайне негативным, если сказать мягко. Именно поэтому следствие и сделало мгновенный вывод о наличии в Кремле активных контрреволюционных групп, тесно связанных не только между собой, но еще и с границей. И пусть доказательная база на этом этапе определенно хромала, дорогу осилит идущий. Как известно, сила в движении. На том и порешили. А необходимые факты планировалось собрать в ходе проведения следственных мероприятий.

Пока же последовало традиционное для подобных случаев действие. Политбюро принимает решение: *«В связи с ходатайством ЦИК ЗСФСР о выдвижении товарища Енукидзе Авеля Сафроновича на пост председателя Центрального исполнительного комитета ЗСФСР, удовлетворить просьбу товарища Енукидзе об освобождении его от обязанностей секретаря Центрального исполнительного комитета Союза ССР»*. Обратите внимание на формулировку. Личная просьба, наверняка связанная с состоянием здоровья. 58 лет – это вам не шутка, особенно учитывая, что человек почти всю жизнь провел в борьбе за дело пролетариата. И не как современные оппозиционеры в твиттере, а в полном объеме: тюрьма, каторга, ссылка, фронт...

При этом надо помнить специфику государственного управления во

времена СССР. Формально Енукидзе вовсе не был обделен, и его заслуги перед пролетариатом никто не ставил даже под малейшие сомнения. Просто ему разрешили параллельно жить в Москве и Тбилиси, занимая почетный и не слишком обременительный пост. У большевиков так было принято, еще когда Ленин был жив. Проверенные товарищи сполна заслужили уважение и имели законное право поправить подорванное царскими тюрьмами и каторгами здоровье, продолжая приносить пользу рабочим и крестьянам своими знаниями.

За кулисами общественного внимания, по понятным причинам, остался суший пустяк. Но именно он и позволяет сегодня утверждать, что за формальной заботой о жизни товарища Енукидзе скрывалось нечто совсем иное. Дело в том, что он сдавал дела три недели. Это очень долго даже по нынешним временам, что уж тут говорить про 30-е годы, где на это зачастую требовалось лишь несколько часов. Растянулась стандартная бюрократическая процедура исключительно потому, что Авель Сафронович был вынужден отвечать на многочисленные вопросы членов Политбюро и других ответственных товарищей. А вопросы эти больше походили на обвинения. Именно тогда он, вероятно, и осознал, что его не просто отправили на другую должность, а фактически исключили из числа руководителей государства. Ведь занимаемый Енукидзе пост в Кремле позволял играть на протяжении многих лет одну из ключевых ролей в жизни Страны Советов.

Енукидзе, кстати, повезло. Решение Политбюро могло быть и более жестким. Скорее всего, на окончательную формулировку повлияло личное отношение к нему Сталина. Далеко не секрет, что их связывала многолетняя дружба. Многие сегодня даже не знают, что Иосиф Виссарионович лично заверял подробную автобиографию Авеля Сафроновича еще в 1921 году. Необходимо учитывать, что Енукидзе всегда был очень последовательным в своих взглядах. Никогда не принимал сторону оппозиции даже по самым незначительным вопросам, от курса родной партии, в принципе, не отклонялся. Ну а то, что он женщин чрезмерно любил – да, Сталин об этом знал. Но закрывал глаза на привычки старого холостяка.

Между тем следствие старательно продолжало отрабатывать перспективную версию существования в Кремле широкой подпольной организации, готовившей террористический акт против первых лиц Советского государства. Разумеется, они были тесно связаны с буржуазными разведками, фашистами, лично Троцким и русской монархической эмиграцией. Всех проходящих по делу допрашивали

именно в свете этой теории. Заговор пытались увязать с фигурой Каменева. Енукидзе поначалу проходил по делу мимоходом, но все чаще начинал в нем фигурировать уже не на второстепенных ролях.

Любовница Авеля Сафроновича дала чекистам богатейшую пищу для размышлений. Вообще, наряду с женой Розенфельда это главные свидетели по делу. Именно их показания стали точкой отчета. Уж не знаю, насколько по психологическому портрету они подходили в новоявленные Шарлотты Корде. Это не столь принципиально. Важно другое. Именно Муханова произнесла на допросе ключевые слова: *«На Ленина было покушение, а на Сталина все никак не организуют. Мои убеждения приводили к мысли о необходимости убить его»*. Тогда же прозвучало утверждение, что террористический акт готовится по прямому указанию Каменева.

Да мало ли что она сказала?! – покачает головой иной недоверчивый читатель. На допросе в НКВД даже немые обретали голос и уверенно записывали себя в двоюродные дяди самого фюрера великого германского рейха. А тут дворянка. Применили к ней пытки, вот и оговорила себя. Косвенно эту версию подтверждают дальнейшие показания Мухановой. Она действительно рассказала то, что в принципе не могла бы знать. Если, конечно, не считать, что террористы демонстративно не собирались соблюдать никаких правил конспирации.

Кремль в 1935 году

По ее словам, контрреволюционная организация состояла из пяти групп: сотрудники правительственной библиотеки, комендатуры и Оружейной палаты. Компанию им составляют бывшие троцкисты и художники, которые трудятся вне Кремля. Заместитель наркома НКВД Яков Агранов, который лично вел тот допрос, отнесся к полученной информации

без малейшей попытки критического анализа. Очевидно, такой задачи перед ним не ставили.

Все уже было ясно для следствия, если не считать незначительной мелочи. Каменев, и без того уже познававший развитие советской пенитенциарной системы на собственной практике, категорически отказался признавать свою ключевую роль в новом заговоре против руководителей страны. Его, в принципе, не волновало, что там наговорили Розенфельд с Мухановой. Даже показания старого соратника Зиновьева не заставили Каменева одуматься. А ведь Григорий Евсеевич старался на славу, всех приплел в участники антигосударственного переворота, начиная с Троцкого.

Между тем Енукидзе в очередной раз стал объектом критики на заседании Политбюро. Он ведь всех этих многочисленных заговорщиков принял на работу (а с некоторыми даже и сожительствовавал), соответственно, он должен нести прямую ответственность за их антигосударственную деятельность. Но Авель Сафронович поступил достаточно странно: не стал спорить, не сделал даже попытки оправдать себя. Старый большевик промолчал. Тем самым фактически признав свою вину. Попросил двухмесячный отпуск по состоянию здоровья. Политбюро пошло навстречу. Возможно, там уже понимали всю несуразность дела. Ну какая из Мухановой террористка, в самом деле? Как она вообще могла проникнуть в Кремль, чтобы убить товарища Сталина, если еще в 1933 году уволилась из правительственной библиотеки? И как ей вследствие этого факта удалось потом узнать всю систему охраны объекта?

6 июня 1935 года. Пленум ЦК заслушивает доклад «О служебном аппарате Секретариата ЦИК Союза ССР и товарище Енукидзе». Выступает Николай Ежов. Тот самый, с чьим именем будут ассоциироваться у потомков кровавые события 1937–1938 годов. Тогда, по сути, прошла генеральная репетиция. Для нас, учитывая послезнание, интересно посмотреть, как это происходило. Начало было классическим для той эпохи. Подрывная роль Зиновьева и Каменева, ставших послушными проводниками подлейшей политики Троцкого. Это они стояли за убийством товарища Кирова и готовят покушения на других лидеров государства рабочих и крестьян. И прежде всего – на великого Сталина.

Ежов неторопливо рассказывает про те самые пять групп заговорщиков, которые свили гнездо в Кремле. Библиотекари и телефонистки, художники и сотрудники комендатуры представляли собой единый контрреволюционный блок белогвардейцев, шпионов, троцкистов и зиновьевско-каменевских подонков. Это не моя вольная интерпретация,

нарком именно так и сказал. И даже добавил, что озлобленные и выкинутые за борт революции враги народа объединились с единственной целью – во что бы то ни стало уничтожить вождя.

Еще раз напоминаю: на дворе – 6 июня 1935 года. Известный сегодня почти всем механизм репрессий официально опробован. Бывшие лидеры оппозиции внутри ВКП (б) объявляются врагами народа. Пока что только в кругу руководителей страны. Пройдет немного времени, и над страной начнет без устали звучать «убить как бешеных собак» и «беспощадно раздавить фашистскую гадину». Старые большевики, имевшие наглость высказывать свои собственные взгляды по целому ряду вопросов, открыто называются за это террористами. А чтобы никто не сомневался – вот вам «Кремлевское дело» с Мухановой и Розенфельд.

Я вовсе не шучу. Именно об этом и говорил в тот день Ежов. Откроем стенограмму, прочтем внимательно пламенный обличительный спич: *«Ведет наблюдение за маршрутами поездок товарища Сталина, узнает, где он живет за пределами Кремля, в какие часы больше всего выезжает, и, наконец, ищет удобного случая для организации покушения. Другая часть главную ставку ставит на организацию покушения в самом Кремле, в особенности рассчитывая и добиваясь проникнуть на квартиру к товарищу Сталину»*. А виноват во всем, ясное дело, лично Енукидзе. Ежов открыто говорит, что заговорщики строят планы на использовании личных связей с Авелем Сафроновичем и с его наиболее доверенными сотрудниками.

И доказательства собраны. Признания на любой вкус – не зря же четыре месяца работали не покладая рук. Тут вам и убийство Кирова, и связь с ленинградскими троцкистами и организатором террористических актов Зиновьевым, и прямая ответственность за все непосредственно Каменева. Настроение задано. Пора переходить к главному: выявить роль Енукидзе во всем этом. Прозвучал полный набор обвинений. От яркого примера политической слепоты и затупленной классовой бдительности до преступного благодушия и полной потери классового чутья. Апогей же речи Ежова я позволю себе процитировать полностью.

Прекрасный образец той эпохи. Пересказывать своими словами нет смысла. Это надо читать в оригинале. Итак: *«Своим непартийным поведением, своей небольшевистской работой Енукидзе создал такую обстановку, при которой любой белогвардеец легко мог проникнуть и проникал на работу в Кремль, часто пользуясь прямой поддержкой и высоким покровительством. Енукидзе должен быть наказан самым суровым образом, потому что он несет политическую ответственность*

за факты, происходившие в Кремле».

Оценили? Содрогнулись? Думаете, что в тот же момент распахнулись двери, появились костоломы с Лубянки и поволокли старого заслуженного большевика Авеля Сафроновича в расстрельный подвал, где его уже с нетерпением ждал исполнитель приговоров Блохин? Ошибаетесь. Понятно, что воображение после многолетней пропаганды либеральных СМИ рисует исключительно такую картину. Но так не происходило даже в пресловутом 1937 году. А тогда, в относительно вегетарианском июне 1935 года, и подавно. Ежов, старательно обрисовав шпионско-диверсионную деятельность Енукидзе, не делая паузы, предложил руководству страны вывести Енукидзе из состава ЦК ВКП (б).

Н. И. Ежов. Как и его предшественник на посту главы НКВД, он будет объявлен врагом народа.

Последовало долгое обсуждение вопроса, полное традиционной партийной софистики тех лет. Наконец слово предоставили самому Енукидзе. Он не стал каяться во всех своих грехах, не заверял старых товарищей, что умрет со словами любви к товарищу Сталину и кровью искупит свои многочисленные ошибки перед партией и народом. Напротив, гневно отменил все обвинения в свой адрес, переводя стрелки на НКВД: *«Всякий поступающий работать в Кремль проходил определенный стаж*

проверки и лишь после этого зачислялся в штат. Проверка проходила с участием органов Наркомвнудела. Никто не принимался в Кремль без их отзыва. Это относится решительно ко всем сотрудникам».

А дальше начинается самое интересное. Переложив ответственность на чекистов, Енукидзе без лишних словесных пируэтов предложил своим товарищам снять себя с поста, как не оправдавшего высокого доверия. Но это не относится к личной жизни. Никаких фактов морального разложения и полной нравственной деградации Авель Сафронович не признал. Больше того, стал яростно отрицать факт сожительства с Мухановой. Можно подумать, именно этот эпизод имел хоть какое-то значение для выводов следствия. Даже если бы при каждой встрече с бывшей дворянкой Енукидзе ожесточенно плевал ей в лицо, для НКВД это ровным счетом ничего бы не значило. И старый большевик должен был понимать столь очевидные вещи.

Пленум проголосовал за вывод Енукидзе из ЦК. По стране чередой прокатились многочисленные партийные собрания, объяснявшие гражданам СССР суть деструктивной деятельности Авеля Сафроновича. А потом о нем внезапно забыли. Спустя месяц почти незаметно пройдут судебные заседания по «Кремлевскому делу», двоих фигурантов приговорят к расстрелу. По идее, это был громкий сигнал о виновности Енукидзе. Но о нем не вспоминали ни тогда, ни даже в июне 1936 года на очередном пленуме Центрального комитета. Словно никто и не собирался никогда арестовывать видного деятеля партии большевиков.

Так будет продолжаться, разумеется, недолго. Страна входила в эпоху большой нелюбви. Уже в феврале 1937 года за Енукидзе придут. 21 августа того же года он вместе с бывшим комендантом Кремля Петерсоном услышит вердикт Военной коллегии Верховного суда СССР: участие в заговоре с целью убийства Сталина в Кремле. Подсудимые будут признаны виновными и в тот же день без лишних проволочек поставлены к стенке. В «Кремлевском деле» будет поставлена жирная точка на долгие годы.

Однако вопросов без ответов остается немало. А основных версий существует всего две: был заговор с целью убить Сталина и никакого заговора не было. Давайте последовательно рассмотрим обе. Теперь уже торопиться некуда. Не то что участники событий, но уже и почти все их внуки ушли на суд Божий. Можно спокойно проанализировать известные нам сегодня факты, беспристрастно оценить их с точки зрения последовавших потом событий.

Начнем с классической версии. Заговор, несомненно, был, органы не могли так грубо ошибиться. Не говоря уже про гениального провидца

Сталина. Существуют показания Мухановой и Розенфельд, система охраны Кремля действительно оставляла желать лучшего, а Енукидзе и Петерсон этим почему-то не занимались. В лучшем для них случае была проявлена политическая слепота, в худшем – расчет и при новом руководителе государства сохранить свои теплые места.

Давайте представим себе, что заговор действительно существовал и именно Енукидзе с Петерсоном его возглавляли. Есть ли у нас с вами неопровержимые факты? Да, таковые имеются. Правда, к ним нужно относиться критически, но и отметать их сразу нельзя. Речь идет о собственных показаниях интересующих нас людей. Давали они их с разницей в два с половиной месяца (Енукидзе – 11 февраля, Петерсон – 27 апреля) в разных городах (соответственно Харьков и Киев) и даже разным следователям. Но слишком уж идентичными были их рассказы. Нет, конечно, можно представить, что все показания были написаны в кабинете на Лубянке, а подследственные их просто подписали, даже не вчитываясь в содержание протокола.

Но есть нюансы. Существуют и показания Генриха Ягоды, косвенно подтверждающие основную версию: *«Енукидзе активно готовит людей в Кремле и в его гарнизоне. Комендант Кремля Петерсон целиком им завербован, что он посвящен в дела заговора. Петерсон занят подготовкой кадров заговорщиков-исполнителей в Школе ВЦИК, расположенной в Кремле, и в командном составе кремлевского гарнизона»*. Можно, конечно, и их яростно отрицать. Но только до определенного этапа. Дело в том, что в дальнейшем тот же Ягода расскажет на допросе, что на следствии он покрывал Петерсона, а Енукидзе был весьма обеспокоен последствиями провала заговора.

Если отвлечься от сухого языка протоколов допросов многочисленных участников этого дела, то перед нами действительно немедленно возникнет достаточно стройный план действий всех участников. И главное, что расследование велось серьезно и по личному указанию Сталина. Важнейшее свидетельство Ягоды ни в коем случае нельзя недооценивать. Будь это утверждение лживым, оно бы никогда не появилось в протоколе допроса. В них вообще нет ничего лишнего. Любой сомневающийся может убедиться самостоятельно. За последние лет двадцать опубликовано великое множество протоколов по всем главным процессам в стране в 30-х годах. Картина везде одинаковая.

Предвижу вполне закономерный вопрос: а существовали ли объективные предпосылки для заговора старых большевиков с целью ликвидации Сталина? Что-то же должно было измениться в их сознании. Я

удивлю сейчас многих: да, такие предпосылки существовали, и сознание, которое определяет бытие, вполне могло на определенном этапе измениться. Посмотрим внимательно на предшествовавшую этим событиям десятилетку. Умирает Ленин, создатель и идеолог партии, чей авторитет был возведен соратниками в абсолют. Руководителем государства становится Сталин. Но у его конкурентов стартовые позиции тоже весьма неслабые. Троцкий рассматривается военными как подлинный вождь, внутри партии пользуются уважением Зиновьев, Каменев, Бухарин, Рыков. Отсюда и берет начало острая внутривнутрипартийная борьба.

Поводов для нее было более чем достаточно. Во внутренней политике – неудовлетворенность результатами первой пятилетки и сосредоточение поистине необъятной власти в одних руках. Не будем забывать, что на тот момент не просто живы, но и находится в полном расцвете сил подавляющее большинство активных деятелей Гражданской войны и строительства коммунизма в стране. Они, громившие Колчака, Деникина и Врангеля, на многие вопросы имеют собственную точку зрения. И требуют, чтобы с ними считались.

Во внешней политике СССР тех лет наблюдался фактически полный разрыв с программными установками партии образца 1917 года. В этом аспекте характерен пример Коминтерна. Задуманный своими создателями как штаб грядущей мировой революции, он уже к началу 30-х стал фактически небольшой артелью, связанной с иностранным отделом ОГПУ. Принимать подобные изменения курса многие заслуженные деятели партии категорически не желали. И во всем винили Сталина, который нагло посягнул на главную цель их жизни – установление по всему миру диктатуры пролетариата.

Очень вредно жить в мире самодельных иллюзий. Герои этой главы Енукидзе и Петерсон относились именно к этой категории большевиков. Больше того, до вступления в игру группы Тухачевского эти двое были, пожалуй, самыми яркими носителями глухого недовольства политикой Сталина. Посмотрим пристально на Авеля Сафроновича. Несгибаемый человек, прошедший тюрьмы и каторгу, подполье и участие в государственном перевороте, в Гражданской войне, диктатуре пролетариата и военном коммунизме. Он отдал всю свою жизнь борьбе за свои идеалы. В этом однозначно преуспел.

Поставьте себя на его место. Дело, которому вы посвятили себя всего без остатка, рушится. Вы в бессильной злобе наблюдаете за пока еще незаметным большинству, но уже активно набирающим силу отходом от основных ленинских идей. Вы, обладающий серьезным опытом

политической борьбы, отчетливо понимаете, к чему все идет. Тем более что Советский Союз готовится вступить в Лигу Наций. Не сокрушить ее до основания, как следовало бы, а стать составной частью оружия в руках мировых империалистов. Именно так оценивал эту организацию Ленин. Да и Сталин считал аналогично на определенном этапе.

Что вы станете делать в этом случае – молча наблюдать за полной катастрофой или попытаться предотвратить ее? Времени на раздумье у вас мало, того и гляди будет заключен Восточный пакт с Францией, Чехословакией и Великобританией. А это – фактическое воссоздание Антанты, в борьбе с которой в годы Гражданской войны вы одержали убедительную победу. И вот теперь выясняется, что все это было напрасно. А ради чего тогда не берегли себя и не давали пощады врагу? Ради чего была прожита вся жизнь? И вот вы, глядя на все это, понимаете: надо решительно действовать прямо сейчас. Можно долго спорить, когда вас озарит эта ценная мысль: в 1933 или 1934 году. Но не прийти к вам в голову она просто не может. Иначе вы просто не старый большевик.

Хорошо, скажет мне иной читатель, это все логично. Но как-то зыбко, нет неопровержимых фактов и железобетонных доказательств. А без них все доводы – не дороже снега в декабре. С этим я не спорю. Позволю только задать один вопрос: а существуют ли заговоры, в которых следствию удастся получить полный набор убедительных улик? Вот, например, в феврале 1917 года депутаты Государственной думы устроили дворцовый переворот и избавились от Николая Второго. И что, оставили многочисленные улики своей антигосударственной деятельности потомкам? Нет, и именно поэтому мы вынуждены во многом реконструировать события. А в июле 1944 года офицеры вермахта подложили бомбу своему фюреру. Казалось бы, знаменитая немецкая педантичность. Все бумаги с планами и расчетами должны были бы сохраниться. Но нет, не случилось такого, и следствию во многом пришлось воспроизводить ход действий заговорщиков.

Как вы вообще это себе представляете: планы Енукидзе? Это что, будущий состав Политбюро и список лиц, подлежащих немедленному аресту? Или оставленный благодарным потомкам дневник с полным описанием встреч, переговоров и обсуждений планов убийства Сталина? Или, быть может, это заранее напечатанные в типографии первые постановления нового правительства СССР, чтобы в нужный момент их легко можно было бы расклеить на каждом столбе? Полноте, отсутствие улик – альфа и омега участия в заговоре. Кому, как не опытному подпольщику Енукидзе, об этом знать.

Совершенно очевидно, что даже самый зеленый следователь не рассчитывал найти под подушкой Петерсона план Кремля с обозначением крестиком места, откуда будет произведен выстрел в Сталина. А значит, единственным убедительным доказательством вины могут служить исключительно показания подозреваемых. И тут мы опять возвращаемся к удивительной схожести рассказов двух участников дела, данных в разное время, в разных городах и разным следователям.

Лично мне с трудом верится, что Енукидзе и Петерсон, опасаясь возможного провала, заранее договорились о своих показаниях следствию, чтобы гарантированно получить пулю в затылок. По крайней мере, никто из авторов, писавших по этой теме исследования, до такого не договорился. Но если допустить, что показания были заранее подготовлены в Москве чекистами, а им оставалось лишь подписать их, мы немедленно упираемся во вторую версию. Преднамеренная фальсификация заговора.

Обычно за исходную точку построения доказательной базы в ней берут личный конфликт между Сталиным и Енукидзе из-за проекта новой Конституции страны. Иосифа Виссарионовича можно обвинять во многом. И обвинять справедливо. Но одно несомненно: для того чтобы убрать одного только Авеля Сафроновича, ему вовсе не обязательно было арестовывать больше 100 человек, да еще и убеждать всех о наличии разветвленного террористического заговора.

Достаточно было просто инициировать соответствующее решение Политбюро. Кто-то сомневается, что оно было бы принято в нужной формулировке? Важно также учитывать, что то самое решение руководства страны «Об охране Кремля» вкуче со смещением с занимаемой должности Петерсона могло бы намекнуть всем на конфликт Сталина с Енукидзе. А публично демонстрировать окружающим свое отношение к соратникам было вовсе не в традициях вождя. Это первое.

Второе. Сегодня большинство историков и публицистов, рассуждающие про эпоху Сталина, уверяют, что Иосиф Виссарионович испытывал постоянный страх за свою власть. Примем это утверждение как данность. С этой точки зрения «Кремлевское дело» выглядит идеальным. Испугался, что Енукидзе (или кто-то под его тлетворным влиянием) покусится на пост Генерального секретаря и приказал Народному комиссариату внутренних дел сработать на опережение. Те успешно справились с поставленной задачей. Но в этом случае придется немедленно признать: меры, принятые по охране Кремля, вовсе не соответствуют атмосфере постоянного страха перед террористической атакой в широком спектре от белогвардейцев и фашистов до троцкистов. Ведь, по сути, все

действия свелись только к передаче комендатуры в ведение НКВД. Как-то маловато будет, учитывая именно патологический страх.

Наконец, третье. Принято считать, что фальсификация «Кремлевского дела» была выгодна исключительно чекистам. Тем самым они рассчитывали поднять свой авторитет в глазах руководства страны, заметно пошатнувшийся после убийства Кирова. И действительно, потом последовал стремительный карьерный взлет Николая Ивановича Ежова. Но если внимательно посмотреть на ситуацию, то все тут же переворачивается с ног на голову.

«Кремлевское дело» как раз и пошатнуло авторитет чекистов, потому что именно НКВД отвечал за прием сотрудников на работу в Кремль. И то, что они прохлопали Муханову, дополнительных вистов им не добавляло. Не говоря уже о том, что сотрудники НКВД почему-то весь свой пыл сосредоточили на аморальном поведении Енукидзе, совершенно забыв про Петерсона. И главное: профессионалы могли бы придумать более убедительный заговор, чем союз настроенных на террор библиотекарей и телефонисток. Больно уж мелко. Сравните сами с масштабами 1937 года. Там в потенциальных убийцах Сталина фигурируют наркомы, их заместители, маршалы, комкоры и комдивы.

Мне представляется, что истина где-то посередине. Допускаю, что Енукидзе и Петерсон были очень недовольны Сталиным и на каком-то этапе начали склоняться к партийной оппозиции. Информация об этом рано или поздно должна была поступить в Народный комиссариат внутренних дел. Но серьезных доказательств не было – все на уровне домыслов. Это Тухачевского в 1937 году поставили под круглосуточное негласное наблюдение по разрешению Сталина. За два года до этого подобные методы еще не применялись. И тут, на счастье чекистов, появился донос на кремлевских телефонисток.

Их обработали, и они дали нужные следствию показания. Но вышло все не особенно убедительно. Именно поэтому последовало достаточно странное решение Политбюро, и Енукидзе с Петерсоном отправились не в подвал Лубянки, а на Украину, в Харьков и Киев соответственно. А вот потом, когда стали расследовать дело Тухачевского, про них вспомнили и, сопоставив все известные факты, поставили к стенке без лишних разговоров.

Позвольте, скажет кто-то, но Енукидзе в 1960 году посмертно реабилитирован как пострадавший от полного беззакония сталинских времен и даже был восстановлен в родной Коммунистической партии. В Советской исторической энциклопедии так и указывалось: «Пал жертвой

клеветы и репрессий в период культа личности Сталина». Поскольку в следующей главе мы столкнемся с множеством расстрелянных и в дальнейшем оправданных, давайте я вам сразу кое-что объясню про эту самую реабилитацию. Дело в том, что подавляющее большинство повторяющих мантру про это явление не очень понимают, что это вообще такое.

Сам термин «реабилитация» был придуман лично Лаврентием Павловичем Берией в 1953 году как юридический. До этого его, разумеется, не было в отечественном уголовном праве. Введен он был после смерти Сталина с одной-единственной очевидной целью: в соответствии с действующим советским Уголовно-процессуальным кодексом оправдать осужденного, если приговор уже вступил в законную силу. Или чтобы прекратить следствие можно было при появлении так называемых «вновь возникших обстоятельств», каковые признавались возникшими после того, как вступал в законную силу обвинительный приговор по фальсификаторам следствия. Реабилитация в том виде, в каком она существует сегодня, – это фактически признание порядочным человеком.

Я предлагаю своим читателям самостоятельно ответить на вопрос, был ли Абель Сафронович Енукидзе, систематически совращавший малолетних девочек, порядочным человеком. Это вовсе не мое утверждение. Хорошо знавшая его Мария Сванидзе записала в своем дневнике как раз во время «Кремлевского дела»: *«Он с каждым годом переходил на все более и более юных и наконец докатился до девочек в 9 – 11 лет, развращая их воображение, растлевая их, если не физически, то морально. Чтобы оправдать свой разврат, он готов был поощрять его во всем»*. Простите, но лично я товарища Енукидзе порядочным человеком считать не могу.

Первомай Тухачевского

Устранение Тухачевского наглядно показывает, что Сталин полностью контролирует положение дел в Красной Армии.

Л. П. Берия

Приступаю к этой главе не без внутреннего содрогания. С темой заговора Тухачевского я в той или иной степени связан почти четверть века. Прочитал многое из того, что было опубликовано в СССР и современной России, русской эмиграции и мировой печати тех лет. Появившиеся рассекреченные документы заставляли по-новому смотреть не то что на отдельные нюансы, но иной раз и на всю историю целиком. Существовал заговор или не существовал? Планировали убить Сталина или нет? По этому простому вопросу никакого консенсуса в обществе за последние годы не произошло. Сторонники Сталина уверены, что заговор был, и гневно клеймят маршала-предателя. Либерально настроенные граждане с этим категорически не согласны, при этом также не пылая особой любовью к Тухачевскому. Они ежедневно сходятся в ожесточенных схватках в Интернете, строго соблюдая традицию.

Вы никогда не пытались проследить, как менялось отношение в обществе к тем событиям? Поверьте мне, это невероятно увлекательно. Своей бесконечностью это напоминает латиноамериканский сериал. В 1937 году объявили, что герой Гражданской войны маршал Тухачевский оказался подлым врагом. Страна согласилась и потребовала сурово наказать негодяя, что и было оперативно исполнено. С тем и жили без малого двадцать лет, пока в 1956 году новый Генеральный секретарь КПСС Никита Хрущев не взялся бороться с культом личности и его последствиями.

Дело Тухачевского стало одним из ключевых аспектов начавшейся в обществе десталинизации. Стране объявили, что Михаил Николаевич был гений, каких до него не видел свет, и лишь его подлое убийство позволило мотоциклистам из дивизии СС «Мертвая голова» в 1941 году въехать в Химки. Граждане СССР привыкли слепо во всем доверять мудрому мнению родной партии и потому немедленно согласились с новой оценкой. По стране пронесся вал всенародного прославления Тухачевского. Как и всегда в таких случаях, без малейшей попытки критического анализа.

Партия сказала, что был он гением, – не нам спорить с этим!

После отставки Хрущева наступила эпоха застоя и в возвеличивании маршала. Нет, его, как и прежде, превозносили до небес, но уже не столь всенародно и без стихийного энтузиазма масс. Но зато в годы перестройки с лихвой наверстали упущенное. Редкая неделя проходила без статьи в одном из центральных изданий про гениального полководца и ничтожного параноика Сталина, истребившего весь цвет РККА. Думаю, что не ошибусь, если скажу, что многие советские школьники той эпохи могли без запинки произнести фамилии всех казненных вместе с Тухачевским гениев военной мысли. И не просто фамилии, а еще и со званиями.

М. Н. Тухачевский, 1920 год.

Я хорошо помню то эпическое время. Сам с пионерским азартом на уроках политинформации и переменах рассуждал про подлейшее в мировой истории истребление светочей стратегических и тактических решений, титанов мысли и дел: командармов 1 ранга Якира и Уборевича, командарма 2 ранга Корка, комкоров Эйдемана, Путну, Фельдмана, Примакова, армейского комиссара 1 ранга Гамарника. И, конечно же, маршала Тухачевского. Что ни имя, то легенда Гражданской войны, гордость Рабоче-крестьянской Красной Армии. Символы славных побед над белогвардейцами и Антантой. Опора всего мирового пролетариата. Это словно о них писал основательно позабытый сегодня Эдуард Багрицкий: *«А в небе над толпой военной, с высокой крыши, в дождь и мрак, простой и необыкновенный, летит и плещет красный флаг».*

Потом наступили лихие 90-е годы. На волне распада страны и последовавшего постоянного национального унижения многие взялись переосмысливать сталинскую эпоху. Искали в ней утешения и благополучно находили. А потом ускоренным темпом неслись к чистой, как слеза комсомолки, абсолютной апологетике 30-х годов. Для этих людей Иосиф Виссарионович стал во всем и всегда правым, а Тухачевский, по их мнению, был жалким наймитом иностранных разведок. Не очень понятно, правда, каких именно, но кого и когда останавливали подобные пустяки, если все и так предельно ясно? С таким подходом к тем событиям мы и пришли в наше время. Привычно и отчасти счастливо продолжаем жить в знакомой парадигме «предатель – жертва произвола».

Теперь уже торопиться некуда. Все, что можно, уже сказано и написано десятки раз. Только вот с осмыслением этой темы по-прежнему плохо. Как, впрочем, и с пониманием всех иных непростых событий 30-х годов. Со времен блистательного определения Пушкина «мы ленивы и нелюбопытны» ничего, к сожалению, не изменилось. Только значительно хуже стало. Читать многие категорически не хотят. Им приятнее рвать на себе тельняшку аж до каблука хромового сапога и ожесточенно спорить. Идти по этому пути контрпродуктивно. Поэтому предлагаю спокойно и взвешенно изучить факты, документы, свидетельства и показания. Оценить их. Обдумать. И только после этого ответить самим себе на тот самый вопрос: пали ли маршал Тухачевский и его боевые соратники жертвами сталинской подозрительности или заговор с целью захвата власти и попутным убийством Генерального секретаря Всесоюзной Коммунистической партии большевиков действительно существовал?

Для заправки – одна цитата. Яркая, показательная и удивительная. «Мы должны ориентироваться на новую Германию. Германии, по крайней мере в течение некоторого времени, будет принадлежать гегемония на Европейском континенте. Я уверен, что Гитлер означает спасение для нас всех». Как вы думаете, кто это сказал? Нет, не Черчилль. И не Даладьё. И даже не Троцкий, которого привычно можно обвинить в любой гнусности, подлинной и мнимой. Эти слова произнес первый заместитель народного комиссара обороны, маршал Советского Союза, кавалер орденов Ленина и Красного Знамени Михаил Николаевич Тухачевский. Оценили? Прониклись? Вы хотя бы раз слышали от защитников умученного гения про необходимость ориентации на фюрера? Можете не отвечать.

В центре – В. М. Молотов, И. В. Сталин, К. Е. Ворошилов, М. Н. Тухачевский. 1932 год.

В данном случае интересны даже не столько сами слова, сколько обстоятельства их произнесения, место и адресация. Так вот, это было сказано в Париже, на приеме в советском посольстве. Обращался Тухачевский к министру иностранных дел Румынии Титулеску. Вдумайтесь в ситуацию. Идет дипломатический прием. Тухачевский – официальный представитель СССР. И в беседе с гражданином страны, чья разведка считалась в Москве одним из главных и самых опасных противников,

позволяет себе вслух подобные высказывания. Это свидетельствует либо о вопиющей глупости человека, либо о чувстве полной вседозволенности. У некоторых людей эти качества успешно совмещаются.

Тухачевский до этого побывал в Берлине. Увиденное перевооружение вермахта, освободившегося от кабальных условий Версальского мира, весьма его вдохновило. «Красный Бонапарт», известный своей сильнейшей любовью к милитаризму, несколько раз за вечер повторил: «Они уже непобедимы». Согласимся, несколько странная оценка из уст первого заместителя наркома обороны СССР. За границей, тем более находясь на дипломатическом приеме, он должен был бы без устали превозносить родную Рабоче-крестьянскую Красную Армию. Ту самую, несокрушимую и легендарную, в боях познавшую радость побед. Но именно этого почему-то не произошло.

Многочисленным защитникам великого Тухачевского нет никакого дела до таких малоприятных подробностей. У них существуют свои пять заповедей, успешно сформулированных еще во времена первой десталинизации имени Хрущева. И следуют они им неукоснительно, на зависть самым ретивым деятелям святой инквизиции. Схематично святое писание для секты свидетелей Тухачевского выглядит следующим образом:

1. Во всей мировой истории не найдется военного гения, даже близко сравнимого с Михаилом Николаевичем.

2. Он единственный предсказывал грядущую войну с Третьим рейхом, а глупый Сталин только и делал, что мешал ему.

3. Тухачевский был настолько исполином разума, что и Сталин, и Гитлер мгновенно покрывались мокрой испариной при одном лишь упоминании его славного имени.

4. К 1937 году фюрер боялся Тухачевского уже просто панически. Он подкинул Сталину фальшивый компромат на маршала, в надежде, что того немедленно расстреляют. Так и произошло.

5. Если бы Сталин не прислонил гения к стенке, 22 июня 1941 года Гитлер просто не посмел бы напасть на Советский Союз.

Ни годы перестройки и нового мышления, ни публикация многочисленных архивных документов не смогли повлиять на мироощущение «шестидесятников» и их идейных последователей. Очень упорные в своих заблуждениях люди. Информация о том, что Тухачевский использовал газы при подавлении Тамбовского восстания (с нашей сегодняшней точки зрения это классическое преступление против человечества), не только не пошатнет веру в могучего стратега, но даже не заставит их хоть на секунду задуматься. Посмотрят одухотворенным

взором сквозь вас и продолжают заученно повторять заповеди. Им хорошо в своем уютном мире.

Во времена Хрущева появилась и была блестяще отточена версия о том, что глупый Сталин поверил фальшивым документам о заговоре Тухачевского, которые подготовили по указанию Гитлера. В очень кратком изложении она выглядит так. Бывший белогвардейский генерал Николай Скоблин, ставший успешным советским разведчиком, 16 декабря 1936 года сообщил представителю немецкой разведки, что в СССР готовится военный заговор, во главе которого стоит первый заместитель наркома обороны маршал Тухачевский, с которым он совсем недавно провел тайные переговоры в Лондоне.

Н. В. Скоблин, советский разведчик во Франции. Агентурный псевдоним – «Фермер».

Верхушка заговорщиков находится в контакте с генералами вермахта и

разведывательной службы Третьего рейха. Естественно, немцы тут же ухватились за возможность одним ударом обезглавить всю Рабоче-крестьянскую Красную Армию. На высочайшем уровне были изготовлены фальшивки, которые спустя некоторое время оказались на столе у Сталина. Мнительный вождь тут же репрессировал всех своих стратегов, что, разумеется, сказалось в 1941 году. Отражать гитлеровскую агрессию оказалось некому. В результате за беспробудную сталинскую дурь и невероятную глупость мы получили четыре года страшной войны и заплатили за победу цену в 27 миллионов бесценных человеческих жизней.

В. Шелленберг, бригаденфюрер СС, руководитель военной разведки Третьего рейха.

Прошли годы. Эта теория постепенно наполнялась дополнительными подробностями. Сталин предстал в ней исключительно умственно неполноценным и бездарным ничтожеством. Ни единого проблеска разума не наблюдалось у Иосифа Виссарионовича. Но, справедливости ради, эту историю придумали не ретивые перья советского агитпропа, выполняя решительное указание Хрущева. Они ее элегантно позаимствовали у бывшего руководителя немецкой разведки Вальтера Шелленберга и его тезки, советского перебежчика на Запад Кривицкого. Их откровения были украшены красочными подробностями – и блюдо готово, извольте отведать.

Давайте разбираться. Начнем со свидетельства главного советского диверсанта генерала Судоплатова. Он категоричен: *«Миф о причастности немецкой разведки к расправе Сталина над Тухачевским был пущен впервые перебежчиком Кривицким, бывшим офицером разведки. Выдумку ставшего в эмиграции психически неустойчивым человеком позднее использовал Шелленберг в своих мемуарах, приписав себе заслугу в фальсификации дела Тухачевского».*

Упомянутый Шелленберг в своих послевоенных мемуарах сообщает удивительные детали блестящей операции германских спецслужб: *«Сталин предложил деньги за материалы о «заговоре». Гейдрих потребовал три миллиона золотых рублей. Часть «иудиных денег» я приказал пустить под нож, после того как несколько немецких агентов были арестованы ГПУ, когда они расплачивались этими купюрами».*

Не будем мелочными и не станем ехидно спрашивать, как можно пустить под нож золотые монеты? А главное – зачем? Это – второстепенный момент. Главное состоит в том, что великолепно сработанная немцами фальшивка почему-то никогда не фигурировала ни на допросах, ни на процессах 1937 года, да и позднее тоже. В следственных делах обвиняемых, в архивах ЦК КПСС и КГБ СССР нет ни слова про эти документы. И вот тут возникает вопрос: какой смысл было тратить три миллиона рублей царским золотом, чтобы полученные материалы тут же куда-то таинственно исчезли?

Снова обратимся к воспоминаниям Павла Судоплатова: *«Как непосредственный куратор немецкого направления наших разведорганов в 1939–1945 годах утверждаю, что НКВД никакими материалами о подозрительных связях Тухачевского с немецким командованием не располагал. Так называемые компрометирующие материалы об амбициях*

Тухачевского, поступившие из-за рубежа, были не чем иным, как выдержками из материалов зарубежной прессы».

С Судоплатовым полностью согласен и бывший в то время начальником отдела «Иностранные армии Восток» в германском Генеральном штабе генерал-майор Карл Шпальке: *«Ни СС, ни какой бы то ни было партийный орган не были в состоянии вызвать или только запланировать падение Тухачевского или его окружения. Не хватало элементарных предпосылок, а именно знания организации Красной Армии и ее ведущих личностей».*

И лишь одно в этой красивой истории абсолютная правда: Скоблин действительно встречался с маршалом Тухачевским в Лондоне в 1936 году. Например, в одной из газет русской эмиграции в Париже писали: *«Во время состоявшихся якобы свиданий Тухачевского со Скоблиным в Париже обсуждался вопрос о выработке такой программы-минимум. На первых порах должна была быть установлена диктатура Тухачевского. Скоблин был знаком с текстом и одобрил его».* Но, по иронии судьбы, именно этот единственный правдивый эпизод все считают красивым мифом. Так бывает.

Примем за веру, что Тухачевский был настолько опасен фюреру, что тот спал и видел, как бы его устранить. Чтобы некому было вести в бой с тысячелетним германским рейхом азиатские орды лубянских комиссаров и вертухаев. Все в жизни Гитлера было подчинено этой единственной цели. С ней он ложился спать и с ней же просыпался под неодобрительные взгляды Евы Браун. Но вот ведь досада какая: в апреле 1945 года, когда до краха нацистского режима оставались считанные дни, фюрер дал свое последнее интервью в жизни. И в нем он произнес поистине исторические слова: *«Вермахт предал меня, я гибну от рук собственных генералов. Сталин совершил гениальный поступок, устроив чистку в Красной Армии».* Согласитесь, это несколько подмывает всю концепцию.

А. Гитлер. Почему-то многие убеждены, что фюрер панически боялся Тухачевского.

Но в главном-то Гитлер, несомненно, оказался прав! – возбужденно воскликнет иной читатель. Тухачевский был величайший военный стратег, гениальный тактик и уникальный провидец. Именно поэтому фюрер и стремился избавиться от него. Понимал бесноватый, что очень кисло ему

придется, имея дело с таким-то исполином разума, который, вонзая орлиный взор в карту, заранее знал содержание всех тайных приказов Адольфа Алоизовича. А так – расстрелял тупица Сталин гениального полководца и получил закономерный разгром в июне 1941 года. Чуть Москву супостату не сдали без Михаила Николаевича.

Согласимся, ни один нормальный человек не захочет столкнуться в бою с величайшим военным практиком и теоретиком. Разгром тут неминуем, можно даже не сопротивляться. И один лишь незначительный факт портит всю эту великолепную картину. Дело в том, что Тухачевский никогда не был ни великим полководцем, ни гениальным стратегом. И именно по этой скромной причине не мог в принципе составлять угрозу не только империалистическому монстру в лице Германии, но даже и странам поменьше и послабее: Польше, Румынии и Болгарии.

Миф о военном исполине восходит ко временам Гражданской войны. При этом подавляющее большинство рассуждающих на эту тему старательно обходят некоторые ключевые нюансы. Потому что они не только не укладываются в систему безостановочного восхваления Тухачевского, а напротив – рушат ее до основания. Начнем с простого. Величие полководческого гения проверяется в боях с равным, а лучше – с более сильным противником. Так было во все эпохи. Одно дело, имея минимум пятикратное превосходство на фронте и широкое партизанское движение в тылу, успешно громить адмирала Колчака. И совсем иное – сойтись в схватке с армиями западных стран. Такого опыта у Тухачевского не было в принципе.

Интервенция Антанты могуче выглядит только на страницах творческого наследия золотых перьев советского агитпропа. Да, оружие они белым регулярно поставляли. И даже несколько портов заняли. Но как только в Великобритании и Франции начались революционные процессы в виде забастовок в поддержку Советской России, так союзники сразу и исчезли. Стремительно, словно не было их никогда на просторах России. Немцы ушли сами до этого, у них начались другие проблемы. Японцы на Дальнем Востоке предпочитали не вступать без особой надобности в боевые столкновения с частями Красной Армии. Для этого существовала малочисленная рать Приамурского земского собора.

Тухачевский активно, яростно и успешно сражался против врага внутреннего. Забудьте вы уже утверждения советского кинематографа. У белогвардейцев были перманентные проблемы с численностью, оружием, продовольствием, боеприпасами и медикаментами. И в первую очередь – с привлекательной для обывателя идеологией. А без нее победить в

Гражданской войне невозможно. В тылу у Колчака слаженно и бесперебойно работало большевистское подполье. Все попытки контрразведки адмирала хотя бы на время нейтрализовать красных нелегалов ни к чему не привели. Но это все второстепенно. Главное в ином.

А кого, собственно, самозабвенно громил Тухачевский на Восточном фронте Гражданской войны? Давайте вспомним, что в 1918 году Белое движение находилось в зачаточном состоянии. Легендарный Кубанский ледяной поход Добровольческой армии генерала Корнилова – это всего четыре тысячи участников. В 1919 году было уже получше с этой точки зрения. Колчак собрал силищу, не поспоришь. Но грозную только в теории. Ее основу составляли мобилизованные крестьяне, которые норовили удрать при первой же удобной возможности, а иной раз и не дожидаясь ее. Это означает, что боеспособные части в лучший период правления Верховного правителя России не превышают нескольких десятков тысяч человек.

Победа в Гражданской войне приходит зачастую не на поле боя, а в тылу. Описывать все безобразия в колчаковских владениях я не возьмусь. Это отдельная неподъемная тема. Важно иное: Тухачевскому было очень комфортно громить противника, у которого дезертирство являлось нормой. Тут справился бы каждый. Но как только ему довелось встретиться на поле брани совсем с иной армией – последовал закономерный разгром. То самое «чудо на Висле», которое стало с тех пор национальной гордостью поляков.

Первым итогом деятельности выдающегося военного теоретика и практика стало попадание в плен десятков тысяч солдат и командиров Рабоче-крестьянской Красной Армии. В лагерях их морили голодом, оттого и смертность была столь высокой. Не такой, конечно, как в нацистских лагерях во время Великой Отечественной войны, но с поправкой на эпоху в целом сравнимо. Вторым результатом деятельности гениального полководца стал переход в состав Польши Западной Белоруссии. И, наконец, апогей: после разгрома под Варшавой правительство Советской России отложило в долгий ящик идею мировой революции. А ведь это была основная государственная идея.

Тухачевский своей вины, разумеется, не признал. Как говорил один киногерой, ничтожные твари, меня без хрена не съешь. Не застрелился, как положено русскому офицеру при таком позоре. Даже в отставку не подал. Напротив, начал активно огрызаться. Виноватыми оказались все. Прежде всего Сталин, Ворошилов и Буденный. Оставим эти вздорные обвинения на совести «красного Бонапарта». Посмотрим, как оценивал ситуацию непосредственно его противник в той битве. В своих воспоминаниях маршал Пилсудский отметил: *«Образ человека, который анализирует*

только свой мозг или свое сердце, намеренно отказываясь или просто не умея увязывать свои мысли с повседневной жизнедеятельностью войск, которая не только не всегда отвечает замыслам и намерениям командующего, но зачастую им противоречит. Многие события в операциях 1920 года происходили так, а не иначе именно из-за склонности пана Тухачевского к управлению армией как раз таким абстрактным методом». Сказано исчерпывающе.

И вот с таким, выражаясь современным языком, бэкграундом Тухачевский взялся обосновывать необходимость реформ в РККА. Именно эти события обычно объявляются главной причиной неготовности СССР к войне с Третьим рейхом. В кратком изложении конструкция выглядит так. Непроходимо тупой Сталин вместе со своими еще более бездарными прихлебателями Ворошиловым и Буденным упорно выступал за развитие кавалерии, искренне считая ее главной ударной силой РККА в грядущих боях с фашизмом. Гениальный Тухачевский и озаренные благодатным огнем его разума всяческие Якиры и Гамарники выступали за развитие танковых войск. Сталин, в силу своей непроходимой глупости, отправил мудрейших теоретиков в расстрельный подвал. И противостоять танковым ударам Гудериана и Гепнера стало некому. Насаживать по семь германцев на пику не вышло. Отсюда и последовала закономерная катастрофа 1941 года.

Согласимся, звучит очень правдоподобно. Сталин действительно дружил с Ворошиловым и Буденным и был склонен доверять их оценкам. Тухачевского сотоварищи действительно не любил и расстрелял по списку. Только вот к спору кавалеристов с танкистами все это никакого отношения не имеет в принципе. Многие, вероятно, будут сильно удивлены, но к грядущей войне в СССР подошли по всем правилам. Сделать успели достаточно. Понятно, что идеальной готовности не бывает в принципе. Всегда что-нибудь да не получается. Но усилия однозначно не прошли даром. Запаса хватило, чтобы после сокрушительных поражений лета 1941 года и так называемого «учебного» 1942 года закончить войну в Берлине, доведя гениального сына германского народа до самоубийства.

Только вот никакого отношения величайший мыслитель Тухачевский к созданию отечественного военно-промышленного комплекса не имел. Он был занят исключительно другим. Его действия являются классическим образцом бездарной агитации и пропаганды, которая, к сожалению, со временем станет нормой в СССР. Вот вам яркий пример. После победы в Гражданской войне красные командиры, естественно, решили проанализировать полученный опыт. Согласимся, было что обдумать лихим

кавалеристам. И тут же встал вопрос о стратегии ведения войны. Одни доказывали, что это неизбежно для всех государств, другие, напротив, утверждали, что в боях против белогвардейцев родилась принципиально новая стратегия. Поучаствовал в дискуссии и Михаил Николаевич Тухачевский. Вот что он, в частности, сказал: *«Не отрицая вечных сторон стратегии, наоборот, анализируя сущность Гражданской войны, мы, руководствуясь этими вечными истинами, хотим указать на те новые данные стратегии Гражданской войны, которых нам раньше не приходилось учитывать».*

Скажите честно, вы что-нибудь поняли? Перечитайте еще раз. Стало яснее? Так вот, это гениальнейшие слова. Их можно трактовать как угодно. И если выяснится, что все пошло не так, всегда можно будет признаться: не доросли мы до исполинских высот разума Тухачевского. Не по Сеньке сия шапка. Предупреждал нас провидец, но мы оказались слишком бездарны для осознания мудрейшего завета. Поняли неправильно. Не оценили. На этом и был построен культ маршала во времена Хрущева. Некоторые до сих пор угомониться не могут, буквально млея от восторга при каждом упоминании величайшего полководца и военного мыслителя. Все неприятные факты ими привычно игнорируются.

А мы люди не гордые и напомним кое-что из списка интеллектуальных просчетов гения. Тухачевский отменил заказ на 37-мм противотанковую пушку. Сторонники Михаила Николаевича любят рассуждать, что к 1941 году она устарела и не могла противостоять современным танкам вермахта. С этим я не спорю. К началу Великой Отечественной войны эта пушка действительно уже не поражала воображение своими боевыми качествами. Но почему-то с точно таким же презрением Тухачевский отнесся и к 76-мм пушке. На вооружение она поступила только потому, что конструктор рискнул обратиться напрямую к Сталину. А так бы страна могла вступить в войну почти без современной артиллерии.

Ладно, скажет иной защитник Тухачевского, гений немного просчитался. Отвлекли его, вероятно, в этот момент чем-то более важным для обороноспособности страны. Наверное, очередную дикость Ворошилова вынужден был исправлять. Но в остальном-то исключительно прав Михаил Николаевич. Это ведь именно он разработал систему «Ответного удара». То есть на нас подло и без объявления войны нападает противник, мы тут же переходим в наступление и моментально сокрушаем супостата малой кровью на его же территории. Аспид-басурман сдается. К власти приходит пролетариат, и в состав СССР принимается новая республика. Мысль невероятно ценная. Жаль только, что, как и все у

Тухачевского, почему-то не реализуемая. Попробовали в первые дни Великой Отечественной войны действовать так и получили тут же закономерный разгром.

И так во всем. Гениальный провидец выступал против минометов, но зато трепетно относился к танкам Т-28 и Т-35. Это ведь не беда, что у них броня способна была отразить только выстрел из пистолета или винтовки. И вовсе не важно, что в этот самый момент в Германии начали разрабатывать противоснарядную броню. Главное, что Тухачевский выступал за развитие танков. Я с этим не спорю. Но что в этом гениального, скажите на милость? Одновременно с ним за то же самое ратовали Гудериан и де Голль в Германии и во Франции соответственно. Но их почему-то в исполины разума не записывают. Не заслужили. И сейчас вам станет понятно почему.

Декабрь 1927 года. Только что страна торжественно отметила десятилетие пролетарской революции. Но Тухачевский зорко смотрит в завтрашний день. Он предлагает Сталину не мелочиться, а создать в ближайшие годы в Советском Союзе 100 тысяч танков. Оценили масштабность мышления? Содрогнулись от невиданной мощи? И все было бы хорошо, за исключением незначительного пустяка. В годы Второй мировой войны столько танков не смогли выпустить все участвовавшие в ней страны, вместе взятые. Не потянули. При том, что на армию работало большинство заводов. А тут предлагалось сделать в одном отдельно взятом государстве с не самой мощной и передовой экономикой.

Но даже и не это главное. Тухачевский ратовал за танк Т-35. Это действительно был монстр. 11 человек экипажа, пять (!) башен и три пушки. Мировая буржуазия бы не просто содрогнулась от ужаса, а немедленно получила бы инфаркт, только заведя в бинокли эту колесницу разрушения. И лишь одна незначительная мелочь помешала долгожданному триумфу: в бою управлять этим танком было невозможно. Но разве на такой пустяк нужно обращать внимание? Главное ведь, что гениальный провидец ратовал за танковые войска. И совершенно неважно, что получилось все не благодаря, а как раз вопреки Тухачевскому. На веру в миф времен Хрущева это никак не влияет.

Предварительный итог. Никаким военным гением Тухачевский не был. Ни стратегическим, ни тактическим, ни полководческим. Его гибель сама по себе трагична и поучительна. Но никакого урона обороноспособности страны она не принесла. Напротив, Сталин таким варварским способом избавил армию от вопиющей некомпетентности и постоянных проявлений глупости. Я понимаю, что это звучит запредельно цинично и жестоко, но

такова правда. Это факт. И как его ни поверни, фактом он быть не перестанет.

А вот теперь, когда мы получили представление, что из себя представлял Тухачевский, посмотрим пристально на события 1937 года. Сегодня благодаря массиву рассекреченных и опубликованных документов мы можем точно воспроизвести хронологию событий. И сразу же упираемся в устойчивый миф: было все благополучно в рядах Красной Армии, а потом вот неожиданно возник 1937 год. Это абсолютная чепуха. Разработка военных началась еще за двенадцать лет до этого. А вернее сказать, бывших господ офицеров Русской императорской армии никогда рабоче-крестьянская власть не выпускала из поля зрения.

Еще в 1925 году агент ГПУ Овсянников отмечал в донесении, что у Тухачевского наблюдается «бонапартизм». Само по себе это, разумеется, не тянуло на преступление, но по реалиям той эпохи органы получили возможность задуматься над фактом, проанализировать и потом пристально присмотреться к объекту. И не только к нему. Многие сегодня забывают, например, про дело «Весна». Тогда, в начале 30-х годов, в его рамках было арестовано более 3000 офицеров и генералов – бывших носителей золотых погонов, перешедших на сторону большевиков.

Теоретически в их числе легко мог оказаться и бывший поручик лейб-гвардии Семеновского полка. Тем более что в документах следствия его фамилия многократно упоминалась. Сталин писал тогда Орджоникидзе: *«Тухачевский оказался в плену у антисоветских элементов и был сугубо обработан антисоветскими элементами из ряда правых. Возможно ли это? Конечно, возможно, раз оно не исключено. Покончить с этим делом обычным порядком (немедленный арест и прочее) нельзя. Нужно хорошенько обдумать это дело»*. Обдумали действительно обстоятельно. Несколько лет на это ушло.

Согласно официальной версии всех этих событий, заговор сформировался в 1932 году. Руководили всем народный комиссар внутренних дел Ягода, первый секретарь ВЦИК Енукидзе и любимец партии Бухарин. Потом военным закономерно захотелось самим решить все вопросы, и во главе встал Тухачевский. Расценивая (и небезосновательно) себя как элиту общества, бывшие герои Гражданской войны планировали установить собственную диктатуру. Было составлено два плана действий. Первый предусматривал поражение в грядущей войне с Германией, свержение Сталина и заключение мира на условиях противника. Второй строился на возможности совершения переворота в мирное время. Правительство должно было быть арестовано.

Сталин узнал про существование заговора зимой 1937 года. Последовали превентивные меры. Первыми жертвами стали политические лидеры: Бухарин, Ягода, Енукидзе. Военные получили очень ясный сигнал: и об их планах Генеральный секретарь ВКП (б) уже осведомлен. Ворошилов открыто заявил, что в рядах армии действует вражеская организация. Тухачевский понял, что медлить нельзя, и назначил переворот на 1 мая. Идеальная дата. Парад на Красной площади позволяет ввести в столицу войска. Но Сталин этот ход разгадал. Были приняты совершенно беспрецедентные меры безопасности. На крышу ГУМа посадили снайперов, все пропуска в Кремль заменили. Ворошилов взял с собой в тот день пистолет. Все эти факторы стали известны заговорщикам, и от своего плана они отказались. Им это не помогло.

24 мая 1937 года маршал Тухачевский был арестован. Уже через два дня он начал давать показания. Откроем следственное дело № 11923 из архива Федеральной службы безопасности: *«Народному комиссару внутренних дел Ежову. Заявляю, что признаю наличие антисоветского военно-троцкистского заговора и то, что я был во главе его. Обязуюсь самостоятельно изложить следствию все, касающееся заговора, не утаивая никого из его участников и ни одного факта и документа. Тухачевский».*

Он действительно все рассказал, без утайки. Назвал фамилии. Что ни человек, то легенда первых лет советской власти. Фельдман, Примаков, Путьна... Об одном из участников хотел бы рассказать особо: Артур Христианович Артузов. Создатель советской контрразведки и разведки. Это он разрабатывал и был активным участником легендарных операций «Синдикат-2» и «Трест». Подвела его дружба с Тухачевским на уровне музыки и отстаивание своего мнения перед Сталиным. Он привык говорить все, что думает, Дзержинскому и Менжинскому. Эпоха поменялась, но Артузов этого почему-то не учел.

Первые пять маршалов (слева направо): М. Н. Тухачевский, К. Е. Ворошилов, А. И. Егоров (сидят), С. М. Буденный и В. К. Блюхер (стоят).

В письме народному комиссару внутренних дел он отмечал: *«Только Дзержинский придавал исключительное значение разбору на коллегии провалов и неудач в работе. На них он учил чекистов. Я бы очень хотел, чтобы и Вы признали этот метод полезным»*. Ежов с письмом ознакомился. И даже написал резолюцию, суть которой сводилась к тому, что в провалах действительно нужно разбираться. Так и поступили. Разобрались. Артузову был предъявлен целый букет диких обвинений: шпионаж, совершение террористических актов, подрывная деятельность. За каждым из этих пунктов стояло только одно – расстрел.

А. Х. Артузов, отец советской контрразведки.

Следствие было убеждено в том, что легендарного чекиста немцы завербовали через поляков еще в 1925 году. Работал Артузов непосредственно на Канариса и был в курсе всей многолетней подрывной деятельности Тухачевского против СССР. Но, очевидно, Артур Христианович говорил не совсем то, что от него требовалось. И к нему применили меры психологического воздействия. Похожие на те, которые в свое время применялись к Сиднею Рейли. Судить об этом можно по записке Артузова своему следователю. Написал он ее собственной кровью. В ней он пытался доказать, что шпионом не был, а, напротив, верой и правдой служил родной Коммунистической партии. Но ему не поверили. 21 августа 1937 года тройка Военной коллегии Верховного суда СССР вынесла вердикт: «Немедленно привести в исполнение приговор о

расстреле». Вслед за Артузовым зачистили весь цвет Иностранного отдела. Началась полная замена кадров. Стреляли и репрессировали всех подряд без разбора. Иначе в эпоху масштабных политических чисток не бывает.

Давайте кратко пройдемся по некоторым персоналиям. Просто для понимания процесса. Один из разработчиков операции «Трест» Джунковский. Расстрелян в 1937 году. Видное действующее лицо операции «Синдикат-2» майор государственной безопасности Сыроежкин. Лично привел в исполнение приговор над Сиднеем Рейли. Награжден орденами Ленина и Красного Знамени. Расстрелян в 1938 году за шпионаж в пользу Польши и участие в контрреволюционной организации. Один из руководителей операции «Трест» Стырне. Расстрелян в 1937 году. Комиссар госбезопасности 3 ранга Пузицкий. В свое время арестовал Савинкова. Награжден двумя орденами Красного Знамени и двумя знаками «Почетный работник ВЧК – ГПУ». Расстрелян в 1937 году за принадлежность к троцкистско-зиновьевскому блоку. Главный герой операции «Синдикат-2» Федоров. Награжден орденом Красного Знамени и знаком «Почетный работник ВЧК – ГПУ». Расстрелян в 1937 году за шпионаж. Замначальника контрразведывательного отдела Объединенного государственного политического управления Пиляр. Награжден орденом Красного Знамени и двумя знаками «Почетный работник ВЧК – ОГПУ». Расстрелян в 1937 году за шпионаж в пользу Польши и вредительство в органах НКВД... Этот список можно продолжать бесконечно.

Результаты незамедлительно сказались. Начальник политуправления разведки Ильичев с горечью констатировал: *«По существу, разведки у нас нет. Нет военных атташе в Америке, Японии, Англии, Франции, Италии, Чехословакии, Германии, Финляндии, Иране, Турции, т. е. почти во всех главнейших странах»*. Исправить ситуацию хотелось, но как это сделать, если все соратники Артузова оказались поголовно предателями, шпионами и диверсантами? А других просто не было!

Разведка – это ежедневный скрупулезный сбор, обработка и анализ сведений о противнике. Без этого ни одно государство обойтись не способно в принципе. Кровавый палач Ежов в своем последнем письме Сталину 23 ноября 1938 года выдал такое определение: «Главный рычаг разведки – агентурно-осведомительная работа». Когда эта самая разведка полностью уничтожена, о какой безопасности страны может идти речь? Кто ее будет обеспечивать? Расстрелянные нелегалы? Именно поэтому зачастую происходила форменная дикость. Вот вам лишь один пример.

Сегодня, когда в обществе речь заходит о советском разведчике в гитлеровской Германии, первое, что приходит на ум, – штандартенфюрер

СС Макс Отто фон Штирлиц. Волшебная сила кинематографа! Народный артист СССР Вячеслав Тихонов был настолько убедителен в этой роли, что многие до сих пор уверены: так и только так выглядели все рыцари плаща и кинжала. В ладно сидящей черной форме и красивой фуражке с серебряным черепом в виде кокарды. Любит шахматы. Всегда спокоен и готов в любой момент совершить самоотверженный подвиг на благо Родины. Не то что не допускающий в своей тайной работе ошибок, но тщательно просчитывающий и избегающий любой случайности. И именно поэтому коварные и хитрые враги не могут с ним справиться.

Социум вообще очень любит верить в легенды, которыми его активно пичкает кино. Вот, скажем, полицаи. Останови сегодня любого человека на улице, и он тебе сразу скажет, как выглядел классический презренный предатель, гитлеровский холуй и лизоблюд. Вечно небритый, пьяный и злобный. В потертом пиджаке явно с чужого плеча. В разбитой кепке, надвинутой на лоб, которая должна скрывать узкий лоб и быстро бегающие глазки. С бутылкой мутного самогона, заткнутой кукурузным початком, и мосинской винтовкой за плечом. Ездит на телеге, в которой обязательно лежит миска с вареными яйцами и салом, чтобы смачно закусывать первач. Полицай стремится при первых же признаках опасности упасть на колени и, рыдая, вымаливать прощение. Он даже умереть как мужчина не способен.

А как выглядят немецкие солдаты? Правильно, с закатанными рукавами, на ручищах – по пять пар часов. Идя в атаку, непременно горланят баварские песни. Каждый второй награжден Железным крестом обоих классов и удивительно немзыкально играет на губной гармошке. Ищут и, самое главное, находят «коммунистен, комиссарен унд юден». Именно в такой последовательности. Стреляют исключительно из пулемета, который нормальный человек даже в руках не удержит.

Ну а русский эмигрант из числа бывших офицеров обязательно должен сидеть в ресторане в расстегнутом кителе с золотыми погонами и, обливаясь пьяными слезами, петь «Боже, царя храни», отставая от музыки ровно на полтакта. А перед глазами его ностальгической вереницей проносятся расстрелы рабочих, порки крестьян, собственные фабрики и заводы. Только так, и никак иначе. И люди в это верят.

Уверяю: если вы посмотрите на фотографию Вилли Лемана, ставшего прототипом того самого Штирлица, то вам никогда в голову не придет, что это разведчик. Больше того – разведчик советский, а значит – герой в квадрате. С пожелтевшего от времени снимка на вас будет смотреть стареющий провинциальный учитель физкультуры, потрепанный долгой и

непростой жизнью. Ничего героического в его облике нет в принципе. Самый обычный человек. Встретив такого на улице, вы равнодушно пройдете мимо. Подумаешь, еще один обыватель. Однако первое впечатление будет обманчивым.

В. Леман – прототип знаменитого Штирлица.

Сотрудник германской полиции Леман добровольно согласился сотрудничать с советской разведкой. Ему был присвоен оперативный псевдоним «Брайтенбах». После прихода к власти нацистов и создания гестапо он стал трудиться в тайной полиции. Согласимся, иметь там своего агента – большая удача для НКВД. Тем более что он был на хорошем счету.

Принят в СС и даже повышен в звании. Это незамедлительно сказалось на объеме и качестве передаваемой им в Москву информации.

В 1936 году Леман был назначен начальником отдела контрразведки на предприятиях военной промышленности Германии. После этого в Москве узнали о начале производства в Германии нового вида военной техники: бронетранспортеров и самоходных орудий. Кроме этого, он передал информацию о постановке на конвейер цельнометаллических истребителей, о закладке 70 океанских подводных лодок, о разработке нервно-паралитических отравляющих веществ. И самое главное – сообщил о начале работ по созданию жидкостных ракет дальнего действия под руководством Вернера фон Брауна.

И вот в этот момент связь с ценнейшим агентом была потеряна. Дело в том, что с 1935 года с ним работал нелегал Василий Зарубин. После его отъезда в Москву работу Лемана курировал Александр Коротков. Но в конце 1938 года почти все, кто имел отношение к Леману, были отозваны на Родину и вскоре ликвидированы как враги народа. Сказались последствия дела Тухачевского. О такой мелочи, как функционирование иностранной агентуры, никто, разумеется, не подумал. Новые сотрудники еще не имели должных профессиональных навыков, а старые были успешно расстреляны без идиотской волокиты, как выражался Ильич.

В июне 1940 года, все еще не имея указаний из Москвы, Леман решился на отчаянный шаг. Он положил в почтовый ящик посольства письмо, в котором просил восстановить связь. Больше того, в письме указывалось, где и когда с ним можно встретиться. И даже сообщался пароль. Фактически Леман в тот момент совершил самоубийство. Автора, к счастью, не сочли сумасшедшим или провокатором. Письмо было переправлено в Москву, где было немедленно принято решение восстановить связь с «Брайтенбахом». В августе в Берлин прибыл Коротков. Единственный человек, оставшийся в живых после сталинских чисток, кто знал Лемана лично. Именно ему советский агент передал копию доклада Гейдриха «О советской подрывной деятельности против Германии», предназначавшегося для высшего руководства Третьего рейха...

Вы оценили подлинные последствия дела Тухачевского? Это вам не странные размышления некоторых публицистов о том, как Гамарник, останься он жив, сокрушил бы одной левой дивизии СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер» и «Дас Райх». Суровая правда эпохи. Именно поэтому об этом сегодня вспоминать как-то не очень принято. Хотя уже и агентурное дело Вилли Лемана рассекретили и опубликовали. А все потому, что

разведка входила в НКВД. А там, как известно, жертв не было. Одни только палачи.

Ненамного лучше обстояли с этой точки зрения дела и в иных государственных структурах. Посмотрим внимательно на ситуацию, например, в Народном комиссариате иностранных дел. В эпоху Чичерина и Литвинова внешнеполитическое ведомство СССР обладало высококультурными кадрами. Дипломаты, принятые на службу в первые годы советской власти, прекрасно владели юридической и дипломатической культурой того времени. Помогало им в этом знание иностранных языков и близкое знакомство с ведущими западными странами. Эти же критерии компетентности вплоть до середины 30-х годов не ставились под сомнение руководством страны, хотя и вызвали определенное идеологическое недоверие к их носителям. В частности, владение иностранными языками воспринималось как социально и политически сомнительное. Так, например, характеристика, данная ЦК в 1926 году будущему полпреду в Лондоне Майскому, гласила: *«Хорошо знает английский язык. Имеет кое-какие связи в Англии по старой своей меньшевистской деятельности. Эта связь является его плюсом и в то же время его минусом»*.

Первая волна арестов, инициированная Ежовым, совпала с публичными судебными процессами 1937 года и привела к постепенной ликвидации старого дипломатического корпуса. Бывший полпред в Лондоне и бывший замнаркома иностранных дел Сокольников предстал перед судом на процессе Пятакова и Радека и был приговорен к десяти годам тюрьмы. Еще один замнаркома иностранных дел, Крестинский, проработавший долгие годы полпредом СССР в Берлине, был приговорен к расстрелу на процессе по делу Бухарина в марте 1938 года. Дальше последовали аресты на уровне полпредов: Карахана, Розенберга, Антонова-Овсеенко, Подольского и Бродовского. Лишь Раскольникову удалось скрыться за границей.

На партийном собрании, состоявшемся в Народном комиссариате иностранных дел в июле 1939 года, Молотов открыто и громогласно критиковал своего предшественника: *«В вопросе о подборе и воспитании кадров не был вполне большевистским, так как товарищ Литвинов держался за ряд чуждых и враждебных партии и советскому государству людей и проявил непартийное отношение к новым людям, перешедшим в НКВД»*.

Под «чуждыми и враждебными партии и Советскому государству» людьми подразумевались дипломаты времен Чичерина и Литвинова.

Прежде всего – старые революционеры, имевшие иногда связи с противниками Сталина. Их политическая жизнь начиналась часто вне большевистской партии, и они успевали завести большое количество знакомств за границей в годы ссылки и в силу своей дипломатической деятельности. Некоторые из них все же избежали репрессий: Коллонтай, услугами которой правительство воспользовалось потом на мирных переговорах в Финляндии, Майский, оставшийся на своем посту в Лондоне, Трояновский и Штейн, хотя и отозванные со своих постов в Японии и Италии, но оставшиеся «в резерве».

После дела Тухачевского в аппарате НКВД произошла практически полная смена состава. Молотов вспоминал о послевоенных дипломатах как о простых исполнителях, а Коллонтай видела в новых служащих Наркоминдела причину дипломатических неудач СССР в 1946–1947 годах. Неспособны они были понять психологию лидеров других стран. Во многом эти изменения объясняют особенности советской внешней политики послевоенного времени. Но это уже другая история.

Пока же вернемся к Тухачевскому, он ведь у нас главное действующее лицо. В сухом остатке маршал и его окружение достаточно долгое время выражали открытое недовольство наркомом обороны Ворошиловым. По любому вопросу они имели альтернативную точку зрения, не забывая указывать, что считают Климента Ефремовича некомпетентным. В принципе, с этим отчасти можно согласиться. Кадровые военные действительно имели лучшую профессиональную подготовку. Но при этом с завидным постоянством высказывали настолько авантюрные предложения, что даже некомпетентный Ворошилов признавал их абсурдность.

Сталин внимательно следил за этим процессом. Он прекрасно понимал причину всех этих прозрачных намеков и ехидных улыбок, этого демонстративного отказа от соблюдения субординации. Тухачевский же сотоварищи уверовали в свою исключительность и неуязвимость. Они понимали, что арест маршала без веских доказательств невозможен. Прекрасно признавал это и Сталин. Однако в начале 1937 года его терпение иссякло. Ежов получил санкцию на задержание Тухачевского. Он, кстати, в тот момент уже не был первым заместителем народного комиссара обороны.

Красные командиры быстро поняли, что проиграли не сражение, а войну целиком. В первый же день после ареста большинство из них стали давать подробнейшие показания о своей деятельности, причем не только своей. В этой связи мне особенно нравится аргумент защитников

Тухачевского, что на первых допросах он своей вины категорически не признавал. Дело в том, что на тех самых первых допросах протоколы иной раз не велись в принципе. Поэтому утверждать, что принципиальный маршал стоически отбивался от гнусного навета, невероятно глупо.

Но это только прелюдия к главному: Тухачевского жестоко пытали, и он, не выдержав, оговорил себя и всех соратников. С этим не поспоришь. Действительно, пытки были разрешены. На сей счет существует шифротелеграмма Сталина секретарям обкомов, крайкомов и руководству НКВД о применении мер физического воздействия в отношении «врагов народа». Это достаточно большой по объему документ. Приведу лишь главное из него: *«Известно, что все буржуазные разведки применяют физическое воздействие в отношении представителей социалистического пролетариата, и притом применяют его в самых безобразных формах. Спрашивается, почему социалистическая разведка должна быть более гуманной в отношении заядлых агентов буржуазии, заклятых врагов рабочего класса и колхозников. ЦК ВКП считает, что метод физического воздействия должен обязательно применяться и впредь, в виде исключения, в отношении явных и неразоружающихся врагов народа, как совершенно правильный и целесообразный метод».*

Однако этот документ относится к 1939 году, а не к 1937-му. Понятно, что применять подобные меры могли и во время расследования дела Тухачевского. Только вот подтверждающих данных пока не найдено. Еще во времена Хрущева опросили всех выживших участников тех событий. Результат вышел неутешительный. Максимум, чего удалось достичь, – следствие давило на красных командиров. Но в этом не было чего-либо экстраординарного. Следователь всегда давит, не видя разницы, кто перед ним – маршал или сантехник. Профессия у него такая. Это только в кино все иначе выглядит.

Подождите, скажет мне иной читатель, ведь общеизвестно, что Якир вышел из кабинета следователя без петлиц на форме и с разорванным воротом гимнастерки. Значит, наверняка били командарма 1 ранга, трижды награжденного орденом Красного Знамени. И он, не выдержав методов заплочных дел мастеров, оговорил себя. С этим я согласен. Прошу только объяснить, как это утверждение соотносится с его письмом Сталину и Ворошилову: *«Следствие закончено. Мне предъявлено обвинение в государственной измене, я признал свою вину, я полностью раскаялся. Я верю безгранично в правоту и целесообразность решения суда и правительства. Теперь я честен каждым своим словом, а умру со словами любви к Вам, к партии и стране, с безграничной верой в победу*

коммунизма». В каком случае Якир говорил неправду: когда он давал чистосердечные показания о своей деятельности или когда писал руководителям страны? Или в обоих?

И. Э. Якир, один из главных фигурантов «дела Тухачевского».

Многие вообще не очень себе представляют, как проходило следствие по этому делу. Это вовсе не обмен короткими репликами на манер «Участвовали? Да!». Например, Тухачевский дал обстоятельнейшие показания по военному строительству в СССР с указанием тех ошибок, которые он допускал сознательно. Никакой следователь НКВД не мог в принципе знать того, что было известно бывшему первому заместителю

народного комиссара обороны. Некоторые сведения вообще относились к разряду совершенно секретной информации.

Точно так же поступил и бывший командир червонного казачества комкор Примаков. Вот что он, в частности, показал на следствии: *«Все средства: измена, предательство, поражение своей страны, вредительство, шпионаж, террор. Я назвал следствию больше 70 человек – заговорщиков, которых я завербовал сам или знал по ходу заговора. Состав заговора из людей, у которых нет глубоких корней в нашей Советской стране, потому что у каждого из них есть своя вторая родина. У каждого персонально есть семьи за границей. У Якира родня в Бессарабии, у Путны и Уборевича – в Литве, Эйдман связан с Прибалтикой».*

Предвижу возражение: подобного рода показаниям верить категорически нельзя. Все указанные товарищи были прославленными красными командирами, героями Гражданской войны и верными коммунистами. И подозревать их во вредительстве – дико. Еще раз хочу обратить ваше внимание на механизм следствия. Это вовсе не чинно восседающий за столом Павел Павлович Знаменский, неторопливо задающий вопросы и получающий быстрые ответы. «Дело Тухачевского» – это сложнейшие и обстоятельные многочасовые беседы. Лично мне невероятно сложно поверить, что подследственные смогли бы выучить наизусть свои показания. Боюсь, что подобное и сегодня никто не сможет сделать. Даже с нынешним-то уровнем образования. Что уж говорить про эпоху 30-х годов!

В. М. Примаков неоднократно высказывал недовольство высшим военным руководством СССР.

Именно подробность полученных на следствии данных являлась главным доказательством существования заговора. Наряду с добровольным согласием сотрудничать с органами. Два данных факта и позволили потом Сталину сказать: «Такая уйма показаний самих преступников и наблюдения со стороны товарищей, которые работают на местах, такая масса их, что, несомненно, здесь имеет место военно-политический заговор против Советской власти».

Есть еще один серьезный аргумент у защитников Тухачевского: «Армия осталась без талантливых офицеров». Все познается в сравнении. Возьмем, к примеру, будущего Маршала Советского Союза Константина Рокоссовского. Он был арестован летом 1937 года. Два года провел под следствием. Неоднократно подвергался пыткам. Ему выбили несколько передних зубов, сломали три ребра, молотком били по пальцам ног. Рокоссовский молчал. Его выводили во двор тюрьмы на расстрел и давали холостой выстрел. Но ложных показаний ни на себя, ни на других он не дал. Сравните с поведением участников дела Тухачевского. Подобного рода примеров можно привести десятки. Эти красные командиры затем громили вермахт и завершили войну в Берлине. Так осталась ли армия без талантливых офицеров?

Несостоявшийся Бонапарт на суде заявил, что стал заговорщиком, следуя неумолимой логике борьбы: хотелось достичь максимума. Это ему удалось сполна. Получил максимальное наказание – расстрел. Потянул за собой в могилу всех соратников. Каждый следующий попадавший под следствие в четырех случаях из пяти называл десятки фамилий, которые автоматически становились фигурантами новых дел. Во времена Хрущева это элегантно называли «прямым произволом Сталина и Ежова». Но этот фокус проходил только до публикации документов следствия.

Прошли годы, но уверенность некоторых граждан в том, что Тухачевский, Путьна, Гамарник, Примаков и их товарищи ничего такого не делали и даже не помышляли, а стали невинными жертвами, никуда не исчезает. Оно и понятно: документы читать мало кому интересно. Проще довериться, например, либеральному мыслителю Игорю Чубайсу. В июне 2016 года он заявил: *«Иосифа Сталина очередной раз возносят на пьедестал с надписью: «Отец победы», хотя в годы террора он уничтожил 2000 ни в чем не повинных высших красных командиров (приравненных к генералам)»*.

Пикантность ситуации состоит в том, что господин Чубайс документы следствий по этим делам в руках не держал. Ему это не нужно. Свое утверждение он готов легко доказать. Тех самых высших красных командиров было уничтожено 1006. Цифра огромная, никто не спорит. Но зачем ее умножать на два? Только ли в безграмотности дело? Уверен, что нет. Если попросить того же Чубайса перечислить расстрелянных командармов 1 и 2 ранга, то я сильно сомневаюсь, что он справится. А ведь их не так много – всего девятнадцать. Не очень сложно запомнить, даже с девичьей памятью. Только зачем это нужно? Выгоднее постоянно исполнять привычную вампуку на радость своей аудитории. Ей фамилии

расстрелянных тоже ни к чему. Без знаний проще жить и безоглядно верить в устойчивые мифы.

И последнее, о чем нельзя не упомянуть в связи с делом Тухачевского. По стране тогда прокатились многочисленные митинги с требованием нещадно покарать изменников. Именно это настроение общества стало во многом локомотивом политических репрессий. До сих пор историки спорят о том, почему в обществе было такое единодушное одобрение деятельности власти. Только ли страх перед опасностью самим попасть в число врагов народа двигал людьми? Выскажу свою точку зрения. На мой взгляд, многие тогда еще хорошо помнили о событиях февраля 1917 года. Тогда предательство политических элит (я о нем подробно писал в книге «Крах великой империи») обернулось распадом страны и национальным унижением. И какая-то часть населения, вероятно, не захотела повторения той истории.

Впрочем, общественные настроения в СССР в 30-е годы – отдельная увлекательная тема, которая, по большому счету, еще только ждет своих исследователей. К делу Тухачевского она, безусловно, имеет отношение, но косвенное.

«Длинный прыжок»: правда и мифы

На войне существует еще один малоизвестный, но зачастую решающий аспект – тайный. Я говорю о событиях, происходящих вдали от полей сражений, но имеющих очень большое влияние.

О. Скорцени

Едва ли я ошибусь, если предположу, что подавляющее большинство моих читателей знают и даже, вероятно, любят знаменитый советский фильм «Тегеран-43». Великолепное созвездие актеров обеспечило картине громкий успех. Игорь Костолевский и Наталья Белохвостикова, Армен Джигарханян и Ален Делон создали запоминающийся образ покушения на лидеров СССР, Великобритании и США. За прошедшие со съемок годы были рассекречены и опубликованы многие документы, посвященные тем событиям. Однако не то что изменить, но даже поколебать представление у аудитории они не смогли. Хотя реальное противостояние спецслужб оказалось гораздо интереснее вымышленных.

Не столь давно самое транспарентное СМИ в мире – радио «Свобода» – заявило, что «история о покушении на лидеров «большой тройки» – это пропагандистский миф, выдуманный в Кремле уже в послевоенные годы». Либеральная общественность радостно подхватила открывшуюся им внезапно долгожданную правду и с огромным энтузиазмом побежала ее распространять. Для этой категории граждан вообще нет и не может быть в принципе ничего более сладостного, чем оплевать историю собственной страны. А тут такой прекрасный повод: никто на Сталина не покушался! И на примкнувших к нему Черчилля и Рузвельта также. Все это ложь советского агитпропа.

Подходили с этой блестящей идеей про кремлевский миф и ко мне. Спокойно выслушивал. Поправлял очки. И вежливо интересовался: известно ли им, кто такой Иван Агаянц? Вопрос этот почему-то категорически не нравился. Ведь как все хорошо складывается: кремлевские пропагандисты придумали покушение, которого не было. А вы, вместо того чтобы быть сбитым с ног этой грандиозной новостью, про какого-то Агаянца интересуетесь. Фамилию эту они, естественно, в первый раз в жизни слышали. Приходилось рассказывать.

Для начала, как сказал бы уже упомянутый нами выше штандартенфюрер СС Макс Отто фон Штирлиц, информация к размышлению. В 1936 году Агаянц становится сотрудником внешней разведки. Первые командировки – Франция и Испания. Он принимает непосредственное участие в операции по выводу лидеров испанской Компартии Диаса и Ибаррури в Москву. После возвращения на Родину становится заместителем начальника отдела Первого управления НКВД СССР. Агаянца было за что повышать. Он свободно владел французским, персидским, турецким и испанским языками, хорошо знал английский и итальянский. После начала Великой Отечественной войны он отправляется резидентом НКВД в Иран. Именно он руководил мероприятиями по выявлению и ликвидации нацистской агентуры в стране.

Подождите, скажет мне иной читатель, все эти подробности жизни этого весьма незаурядного человека очень интересны, но какое они имеют отношение к теме, если никакого покушения не было в принципе? Да, немцы хотели бы ликвидировать разом Сталина, Черчилля и Рузвельта во время Тегеранской конференции в ноябре 1943 года, но не вышло. А все остальное – красивый миф со значительными вкраплениями сюжетов из кино. Спорить будете?

Это крайне неблагоприятное занятие – спорить с верующими людьми. Фанатичный блеск их глаз не способен потушить ни единый аргумент. Какие бы вы ни предоставили доказательства того, что покушение планировалось, результат известен заранее. Письменный приказ фюрера о немедленной ликвидации лидеров антигитлеровской коалиции? Так либеральная публика тут же объявит это наглой коммунистической фальшивкой, сфабрикованной, разумеется, по прямому указанию непосредственно Сталина. Логика их проста: если уж Иосиф Виссарионович заговоры против себя внутри страны придумывал и разоблачал, то никто не мешал ему заниматься тем же самым на внешнеполитическом уровне. Он ровно так и поступил.

Воспоминания участников операции? Там вам тут же скажут, что они приписали себе великие заслуги исключительно из корысти, в надежде на государственные награды, почести и иные материальные блага. Каждый либерально настроенный гражданин убежден: сотрудникам спецслужб верить категорически нельзя. Только если они не представляют близкие им по духу МИ-6 или ЦРУ. Во всех прочих случаях это, несомненно, очередная лубянская мистификация. Или даже провокация. Стыдно этого не знать.

Фотографии диверсантов Третьего рейха, которые они сделали на завершающем этапе операции и старательно сохранили для скеплично

настроенных великих знатоков истории спецслужб? Так они и это немедленно объявили бы фикцией и доказали, что на этих селфи изображен не условный Ганс Мюллер из полка особого назначения «Бранденбург-800», а какой-нибудь крестьянин Василий Васильков из Рязанской губернии, служивший в НКВД. Это он специально фотошоп сделал, чтобы запутать потомков. Но не на тех напал.

Даже если гипотетически допустить, что диверсанты в ту далекую эпоху вели прямой видеорепортаж с места подготовки террористического акта или, по крайней мере, снимали его по личному указанию обожаемого фюрера для дальнейшей демонстрации гражданам рейха в еженедельной германской хронике «Die Deutsche Wochenschau», то и в этом случае в ответ раздастся презрительный вопль: монтаж, невооруженным глазом видны постановочные сцены, актеры и массовка набраны с «Мосфильма». И сыграли они бездарно. Верить категорически нельзя.

Я сейчас вовсе не шучу. Именно так это и происходит с завидным постоянством. В Интернете и на различных эфирах. Сам неоднократно с этим сталкивался. Некоторые даже не отягощают себя долгими объяснениями, сразу презрительно, через губу, обвиняя вас в грубой и преднамеренной постоянной лжи по прямому заказу Кремля или Лубянки. Выстраивать с подобными гражданами даже подобие конструктивного диалога невозможно в принципе. С таким же успехом можно пытаться что-то доказать банке зеленого горошка. Остальным же я с удовольствием поясню некоторые детали того самого покушения.

Любому интересовавшемуся историей не по эфирам «Эха Москвы» известно, что во время Тегеранской конференции немецкие спецслужбы планировали операцию «Длинный прыжок». Руководить ею должен был непосредственно любимец Гитлера штандартенфюрер СС Отто Скорцени. До сих пор он считается диверсантом номер один в мире, хотя иных успехов, кроме похищения Муссолини, за ним почему-то не числится. Но биография у него действительно на зависть Джеймсу Бонду, не говоря уже о более скромных рыцарях плаща и кинжала.

Характер этот былинный воин имел соответствующий. Еще в годы своего студенчества 15 раз участвовал в дуэлях на шпагах. Тот самый шрам на левой щеке – печальный итог одного из таких поединков. Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты. Если у тебя в ближайших друзьях числится будущий начальник Главного управления имперской безопасности обергруппенфюрер СС Эрнст Кальтенбруннер, казненный потом по приговору Нюрнбергского трибунала за преступления против человечества, твой путь в жизни очевиден. Именно он рекомендует

Скорцени вступить в НСДАП, а в дальнейшем и в СС.

Будущий главный диверсант рейха сделал успешную карьеру. Во время аншлюса он лично арестовал президента Австрии Микласа и канцлера Шушнига. Стал заслуженным и авторитетным нацистом. Репутацию свою он активно поддерживал. Во время событий «Хрустальной ночи» себя, разумеется, не обделил и стал владельцем роскошной виллы. Ее хозяин, будучи евреем, бесследно исчез. Его никто и не искал. А Скорцени стал преуспевающим владельцем национализированных у евреев нескольких предприятий. Не сам, разумеется, – официально хозяином числился его тесть.

Такие люди, как Скорцени, не могут оставаться в стороне от любой мало-мальски серьезной заварушки, что уж тут говорить про войну. Начавшаяся Вторая мировая сначала принесла ему сплошное огорчение. Он мечтал служить пилотом в Люфтваффе, но стать воздушным асом не получилось. Скорцени к тому моменту уже достиг возраста тридцати лет. Пришлось идти в войска СС, а там люди с подобной репутацией чрезвычайно ценились. Да и трудно было бы самому Скорцени служить в вермахте. Его поведение чрезвычайно диссонировало с традициями прусского офицерства. А в тот момент германская армия был еще не той, что нынче.

О. Скорцени, «человек с тысячью шрамов».

В декабре 1939 года Скорцени был зачислен в запасной батальон «Лейбштандарта СС «Адольф Гитлер». Личная гвардия фюрера. Многие историки считают ее самой стойкой частью в мировой истории, что не отменяет совершенных ею разнообразных военных преступлений. Пробыл там будущий главный диверсант недолго. Уже в марте 1941 года он

получает первое офицерское звание – унтерштурмфюрер (лейтенант) артиллерийского батальона не менее элитной дивизии СС «Дас Райх».

Начавшаяся война против Советского Союза оказалась для Скорцени скоротечной. Уже в августе 1941 года он заболел дизентерией и попал в госпиталь. Там его наградили Железным крестом 2-го класса. На этом, по сути, его фронтовая карьера завершилась. Началась другая жизнь, больше похожая на приключенческий роман, в котором обильно перемешались правда и вымысел. И уже никто не разберется, чего больше было на обрывках пожелтевшей бумаги. Миф успешно подменил собой реальность.

В апреле 1943 года гауптштурмфюрер (капитан) Скорцени рекомендуется руководителем создаваемых частей особого назначения СС для проведения разведывательно-диверсионных операций в тылу противника. Именно он уже через несколько месяцев возглавит миссию по освобождению Муссолини, находившегося в заключении после свержения. Решение поручить Скорцени руководство операцией принимал лично Гитлер, выбравший его из шести кандидатур.

Он искал дуче по всей Италии. Главного союзника Гитлера постоянно перевозили с места на место. Наконец поиски увенчались успехом. Началась операция «Дуб». Классика жанра. В ней превосходно соединились невероятная дерзость, потрясающая удача и удивительная романтичность. Ни до, ни после спецслужбы не действовали так топорно. Но у Скорцени, по сути, и выхода другого не было. Особых знаний и навыков диверсионной работы гауптштурмфюрер СС не имел по определению. Расчет был сделан на внезапность и напор новичка. Это сработало.

Б. Муссолини и О. Скорцени. Звездный час «диверсанта № 1».

Была захвачена канатная дорога, ведущая к отелю, где содержался Муссолини. Диверсанты перерезали все телефонные линии. Последовала высадка десанта, и начался штурм. Сопротивления охранники дуче почти не оказали. Фактически итальянский диктатор был освобожден без единого выстрела. Его благополучно доставили в Мюнхен. Скорцени сразу же стал известен на весь мир. Гитлер наградил его за операцию Рыцарским крестом, Муссолини обещал орден «Ста мушкетеров». Но это награждение так и не состоялось.

Теперь возвращаемся к покушению на Сталина, Черчилля и Рузвельта в Тегеране в том же 1943 году. План был прост, как все великое и дерзкое, и во многом походил на успешную для Скорцени операцию «Дуб». Шесть немецких диверсантов, включая двух радистов, были десантированы в 70 км от иранской столицы. Им предстояло пробраться в Тегеран, наладить связь с Берлином, подготовить условия для высадки основного отряда во главе с самим Скорцени. Покушение планировали организовать 30 ноября. Дата была выбрана не случайно – день рождения премьер-министра Великобритании сэра Уинстона Черчилля. И вот этот момент в фильме «Тегеран-43» отражен абсолютно достоверно. Помните великолепный монолог Армена Джигарханяна? *«Две главные величины – время и место – мне уже известны. Теперь я точно знаю, что все трое встретятся 30 ноября приблизительно с 8 до 12 ночи в британском посольстве в Тегеране.*

Они сами об этом не знают, по крайней мере двое из них. Третий не придает этому значения. Пока. Это погребено в глубинах его сознания. Когда наступит время, все это всплывет. Из всего многообразия фактов, дат и мест меня только интересует британское посольство в Тегеране, только 30 ноября, только с 8 до 12 ночи. Да, день рождения. 30 ноября сэру Черчиллю исполняется 69 лет».

На подготовку операции ушло больше двух недель. Это только кажется, что организовать покушение невероятно просто. Все стало рабами голливудских мифов. В реальности трудностей значительно больше. Вы навьючены оружием и находитесь в другой стране, причем не европейской. Там ваш тип лица сам по себе примечателен на фоне местного ландшафта. И то, что у вас есть конспиративная квартира, мало что меняет. Против вас работают профессионалы, которые ничем не отличаются от местных жителей. Они тут свои. А вы – чужой, со всеми вытекающими из этого последствиями для дела.

Разумеется, резидентура Народного комиссариата внутренних дел тут же стала работать по немецким командос. Удалось получить информацию о том, где они находятся. Все шесть боевиков были схвачены. Когда Берлин узнал о провале группы, было решено отменить операцию. В Главном управлении имперской безопасности не тешили себя иллюзиями: если русским удалось оперативно засечь и обезвредить людей Скорцени, то нет никакого смысла посылать туда еще кого-то. Контрразведка начеку, вероятность нового провала чрезвычайно высока. Операция «Длинный прыжок» так и не состоялась.

А дальше начинается самое интересное во всей этой истории. Спустя двадцать лет после окончания Великой Отечественной войны Скорцени решил, что настало время делиться с благодарной аудиторией своими воспоминаниями. В частности, парижскому журналисту он поведал: *«Утверждают, что я должен был со своей командой похитить Рузвельта во время Ялтинской конференции. Это глупость: никогда мне Гитлер не приказывал этого. Сейчас я вам скажу правду по поводу этой истории: в действительности Гитлер приказал мне похитить Рузвельта во время предыдущей конференции – той, что проходила в Тегеране. Но из-за различных причин это дело не удалось обделать с достаточным успехом».*

То есть сам Скорцени подтверждает: операция готовилась. Но рукопожатным гражданам все равно кажется, что это была исключительно кремлевская провокация. Логика их рассуждений предельно ясна. Если «Длинный прыжок» не состоялся по воле Берлина, значит, вообще ничего не было. Мало ли какие проекты есть на бумаге. Главное в любом деле –

результат. Раз в Сталина, Черчилля и Рузвельта не стреляли или не швырнули бомбу, то никакого покушения в принципе и не было. Подумать, а как проводить операцию почти без шансов на успех, им недосуг.

Я многократно говорил, что наши либералы унаследовали все худшие качества комиссаров. Это в первую очередь исключительное презрение к чужому мнению и принципиальное нежелание признавать собственные ошибки. Благодаря вот таким могучим интеллектуалам Красная Армия в годы Великой Отечественной войны несла иной раз слишком большие потери. Неважно, есть у тебя возможность успешного наступления или нет, – велено действовать решительно. Колебаться вредно, промедление смертельно. И бросались роты и батальоны зачастую в абсолютно бессмысленные со стратегической точки зрения атаки на деревни или высоты, которые ты иной раз на самой подробной карте не найдешь. Ведь главное – действовать.

И совершенно бездумно отправлялись солдаты в лобовую атаку, не обращая внимания на неподготовленность операции, огневые точки противника и минные поля. Без разведки, артиллерийской подготовки и авиационного прикрытия. Единственным итогом подобной тактики становилась гибель людей. И вот тут-то эти интеллектуалы с чувством выполненного долга начинают яростно звонить в вышестоящий штаб и орать: «Резервы, мать вашу, дайте резервы, операция на грани краха!» И если пополнение все-таки прибывало, все повторялось с самого начала. Без малейших угрызений совести.

Немцы воевать по такой методике оказались не готовы. Представьте себе такую картину. В тиши служебного кабинета сидит руководитель Главного управления имперской безопасности обергруппенфюрер СС и генерал полиции Эрнст Кальтенбруннер. Сидит и размышляет, как бы ему побольше и побыстрее уничтожить врагов Третьего рейха. И понимает, что «коммунистен, комиссарен унд юден» – это все же вторично. Нужно убить Сталина. Желательно вместе с Черчиллем и Рузвельтом. Как называл их фюрер, гениального типа, слабовольного алкоголика и парализованного архимасона. Без этого счастье всех партайгеноссе и прочих камрадов никогда не будет полным. И вызывает он своего друга Отто Скорцени. Только ему под силу провести столь дерзкую операцию.

И. Сталин, У. Черчилль и Ф. Рузвельт во время Тегеранской конференции.

Немедленно отбираются шесть отъявленных головорезов. Несколько дней подготовки, и они отправляются выполнять приказ своего горячо любимого фюрера – уничтожить лидеров стран антигитлеровской коалиции. Но следует провал. Скорцени отправляется к Кальтенбруннеру и докладывает: успешно осуществить покушение сложно. Коварные азиатские большевики взяли всех наших агентов. Руководитель Главного управления имперской безопасности напряженно думает. И признает в итоге правоту Скорцени. Посылать снова людей в Тегеран – обречь их на верную смерть в сибирских лагерях. От плана отказываются.

Вопреки распространенным сегодня мифам, в СССР никто тайны из готовившегося покушения на Сталина, Черчилля и Рузвельта не делал. Уже 19 декабря 1943 года в газете «Правда» была опубликована любопытная информация: *«По сообщению вашингтонского корреспондента агентства*

Рейтер, президент Рузвельт на пресс-конференции сообщил, что он остановился в русском посольстве в Тегеране, а не в американском, потому что Сталину стало известно о германском заговоре. Президент заявил, что вокруг Тегерана находилась, возможно, сотня германских шпионов. Для немцев было бы довольно выгодным делом, добавил Рузвельт, «если бы они могли разделаться с маршалом Сталиным, Черчиллем и со мной в то время, когда мы проезжали бы по улицам Тегерана».

Но дискуссия в обществе все равно не стихает. Было ли в действительности покушение на лидеров СССР, Великобритании и США во время конференции? Хотя спорить вообще не о чем. Историки службы внешней разведки уже, вероятно, себе мозоль на языке набили, повторяя из года в год одно и то же. Вот только слушать их категорически не желают, и совершенно напрасно. Ибо сразу выяснится, что отсутствует в принципе предмет полемики. Согласно рассекреченным архивным документам, первое донесение о том, что немцы готовят покушение на Сталина, Черчилля и Рузвельта, пришло от знаменитого советского нелегала Николая Кузнецова. Прошли те времена, когда эту фамилию знал каждый советский школьник. Поэтому для моих молодых читателей придется провести краткий ликбез.

Н. И. Кузнецов, Герой Советского Союза.

Он лично ликвидировал одиннадцать генералов и высокопоставленных чиновников оккупационной администрации Третьего рейха. Список его жертв очень внушителен. Среди них – генерал Даргель, заместитель рейхскомиссара Коха, прославившийся карательными акциями против мирного населения, председатель Верховного суда на Украине Функ, вице-губернатор Галиции Бауэр, имперский советник Гель, генералы и офицеры вермахта и СС. Но Кузнецов был не просто ликвидатором, пусть и высочайшего класса. Он прежде всего был великолепнейшим

разведчиком.

Именно Николай Иванович весной 1943 года получил ценнейшие разведывательные сведения о подготовке Третьим рейхом крупной наступательной операции в районе Курска с использованием новых танков «Тигр» и «Пантера». Кроме этого, Кузнецов выяснил точное местонахождение полевой Ставки Гитлера «Вервольф» под Винницей. В его непосредственную задачу входил сбор информации о передвижении воинских частей вермахта, о планах гестапо и СД, о поездках высокопоставленных сотрудников рейха по оккупированным территориям. Кузнецов справлялся блестяще.

Так вот, о покушении на Сталина, Черчилля и Рузвельта Николай Иванович узнал из беседы со штурмбаннфюрером СС фон Ортелем. Тот совершил непростительную ошибку для профессионального разведчика: случайно проговорился и не придавал своим словам должного значения. А он всего лишь рассказал, как руководил разведывательной школой, где и готовились некоторые исполнители будущей операции. И даже пообещал привезти персидский ковер.

Не стоит также списывать со счетов знакомство советской агентуры с обстановкой в Тегеране. Именно благодаря этому удалось своевременно получить информацию о десантировании шести командос. Должен невероятно огорчить отрицающих покушение на лидеров стран антигитлеровской коалиции. В архиве службы внешней разведки хранится дневник унтершарфюрера СС Рокстрока. Он был радистом в той самой группе. Так вот, согласно этому безукоризненному свидетельству, мы можем судить, насколько серьезно немцы готовились к покушению.

Важно учитывать, что на помощь нашей нелегальной резидентуре в Тегеране были отправлены специальные оперативные группы Народного комиссариата внутренних дел и Главного управления контрразведки Народного комиссариата обороны. Совместными усилиями они предотвратили покушение на Сталина, Черчилля и Рузвельта. Это, кстати, возвращаясь к уже вечному вопросу о том, чем именно занимался СМЕРШ в годы Великой Отечественной войны.

Президент США пожелал лично увидеть кого-нибудь из офицеров, фактически спасших ему жизнь. Ему пошли навстречу. Сталин представил ему подполковника Кравченко. Рузвельт весьма удивился невысокому званию контрразведчика и попросил, чтобы за проявленный героизм он был произведен в генералы. Черчилль поддержал коллегу. Иосиф Виссарионович не стал отказывать союзникам по коалиции и произвел тридцатидвухлетнего сотрудника СМЕРШа в генерал-майоры.

И лишь в последние годы мы узнали про одного из главных героев той знаменитой операции советских спецслужб. Многие эпизоды биографии «Амира» едва ли когда-нибудь станут достоянием общественности. Существует непреложное правило: все, что относится к деятельности иностранных резидентур, не имеет срока давности. А значит, не подлежит рассекречиванию. Но и того, что нам сегодня известно, более чем достаточно, чтобы хранить память про этого безукоризненного советского офицера. Это Герой Советского Союза, полковник КГБ СССР Геворк Андреевич Вартамян.

В 1930 году, когда ему было шесть лет, его семья выехала в Иран. Отец Геворка был связан с иностранным отделом Объединенного государственного политуправления. Соответственно, командировка за границу проходила по линии разведки. Именно под влиянием отца он уже в 16 лет решил посвятить свою жизнь защите Родины на невидимом фронте. Геворк Андреевич так вспоминал спустя полвека про судьбоносную для него встречу в феврале 1940 года, когда он установил прямой контакт с резидентурой НКВД в Тегеране: *«Я вышел на встречу с советским резидентом. Это потом я узнал, что Иван Иванович Агаянц – легендарный советский разведчик. Был он человеком строгим и в то же время добрым, теплым. Долго я с ним работал, до конца войны, и разведчика из меня сделал он. Занят был, но встречался со мною, учил, натаскивал».*

Геворк Андреевич получил оперативный псевдоним «Амир» и первое задание: собрать группу из молодых и надежных ребят для помощи советской разведке. Вартамян не составило труда справиться с этим: состав группы был интернациональным. Все они были выходцами из СССР и буквально горели любовью к Родине. Их было семеро, готовых сражаться с нацизмом. И пусть тогда еще никакой профессиональной подготовки у них не было, иной раз не это главное. Тонкостям наружного наблюдения они учились на ходу. Эту семерку, передвигающуюся по Тегерану на велосипедах, Агаянц назвал «Легкой кавалерией». Потом их станет восемь – к ним добавится сестра одного из активных членов резидентуры Гоар. В дальнейшем она станет женой Вартамяна и проживет вместе с ним почти полвека на нелегальном положении.

Г. А. и Г. Л. Вартаняны, знаменитые советские разведчики.

В 1941 году двое из «Легкой кавалерии» попали под наблюдение полиции. Их пришлось срочно переправлять в Советский Союз. Вартанян, как имевший с ними постоянный контакт, был задержан полицией. Геворк Андреевич сделал вид, что готов сотрудничать. Согласился показать полиции людей, с которыми он якобы общался. Не обманул. Действительно показал. Только не тех. Мешавшие работать советской резидентуре были арестованы и провели в тюрьме полгода. Сам Вартанян пробыл в тюрьме три месяца.

Сегодня все почему-то уверены, что Иран в годы Великой Отечественной войны не представлял никакого интереса для немцев, а значит, и не таил опасности для Советского Союза. Наивное заблуждение. Речь даже не идет о стратегической важности региона, где сходились интересы великих держав. Достаточно будет одного факта: в те годы в Иране трудилось около 20 тысяч граждан Третьего рейха. Торговцы, банкиры, инженеры, военные инструкторы... Идеальная среда для внедрения нелегалов. Руководил резидентурой штурмбанфюрер СС Франц

Майер, и был он явно не из последних разведчиков в мире. Не забываем также про иранцев, работавших на Третий рейх. Группа Вартаняна выявила более 400 агентов. После советско-британской оккупации страны в августе 1941 года они были арестованы. Многие были потом успешно перевербованы для работы на СССР и Великобританию.

Но из этого вовсе не следует, что советские и английские нелегалы ходили по Тегерану под ручку и коротали вечера в неспешных беседах о творчестве мастеров фламандской живописи. Ничего подобного. Да, они были в тот момент союзниками, но кто знает, что последует завтра? Именно поэтому Вартанян получил из Москвы приказ поступить в открытую в Иране британскую разведшколу. Там готовили агентов для заброски в СССР. Геворк Андреевич смог установить личности обучавшихся, что помогло обезвредить их после отправки на задание. Последовал закономерный протест советской стороны, и разведшкола была закрыта.

С таким послужным списком девятнадцатилетний Геворк Вартанян и подошел к операции «Длинный прыжок». Благодаря действиям агентуры удалось установить, что немцы перекрасили волосы хной, один из группы изображал муллу. Сначала оружие, снаряжение и рацию везли на верблюдах, но в Тегеран доставили уже на грузовике. Конспиративная квартира (вернее, вилла) находилась в самом центре города, недалеко от посольств Великобритании и СССР. Очень удобно для организации наблюдения. Именно оттуда радисты вышли на связь с Берлином. Это их в конечном счете и сгубило.

Группа Вартаняна совместно с английскими коллегами запеленговала передачу. Сообщения смогли расшифровать. После тщательной подготовки операции все немецкие командос были захвачены. Некоторых удалось перевербовать. Началась привычная в таких случаях радиоигра. И тут встал логичный вопрос: стоит ли продолжать операцию? Покушение на Сталина – вовсе не шутка. Еще неизвестно, как отреагирует Москва и лично нарком Лаврентий Берия. А он мог и погоны за такое сорвать, и голову с плеч.

Действительно, поставим себя на место Берии. Наденьте мысленно пенсне и отправляйтесь на прием к Сталину в Кремль. Вы во всех деталях рассказываете великому вождю о ходе операции и в конце говорите: мы предлагаем передать в Берлин информацию, что все готово к приему основного отряда Скорцени. А есть ли, товарищ Берия, гарантия, что не переиграет нас главный гитлеровский диверсант? – спросит Сталин и пристально посмотрит вам в глаза. И пока вы будете думать, великий вождь продолжит неторопливо задавать вопросы. Вы убеждены, что не подали

перевербованные немцы своим подельникам сигнал о работе под контролем? А если групп будет не одна, а две? И не может ли так получиться, что исполнители покушения уже находятся в Тегеране, а все происходящее – дезинформация?

Согласимся, вопросы логичные. Отвечать на них нужно так, как требует Сталин: четко и кратко. И что мог бы сказать в такой ситуации народный комиссар внутренних дел? Гарантии того, что сигнал о работе под контролем не подан, у него нет. Как нет и уверенности в том, что пленные диверсанты сказали всю правду без утайки. Стоит ли ради этого рисковать жизнью любимого вождя ради взятия в плен Скорцени? Ответы очевидны. Именно поэтому в Берлин передали донесение: группа раскрыта, обеспечить проведение операции не представляется возможным. Только после этого руководство Главного управления имперской безопасности отказалось от «Длинного прыжка».

Дальнейшее было делом техники. За несколько дней до начала конференции лидеров стран антигитлеровской коалиции были проведены аресты немецких агентов. Последним взяли резидента. Штурмбаннфюрер СС Франц Майер ушел в глубокое подполье. Его удалось найти на армянском кладбище, где он работал могильщиком. Отрастил бороду и покрасил ее – не помогло. Обидно ему было сознавать, что главную операцию спецслужб Третьего рейха сорвала группа юношей под руководством девятнадцатилетнего Геворка Вартапяна. Некоторые из арестованных агентов были переданы англичанам, остальных вывезли в Советский Союз.

Проведению конференции больше ничего не мешало. Необходимо хотя бы кратко рассказать о том, что на ней происходило. Даже не в политическом смысле – об этом сегодня известно достаточно хорошо, – а в психологическом. Ведь готовившееся покушение на лидеров СССР, Великобритании и США было хоть и важным событием, но отнюдь не ключевым в те дни. Это сегодня, когда говорят про Тегеран-43, сначала вспоминают сорванную операцию Скорцени и лишь потом, да и то мимоходом, сами переговоры.

А ведь англо-советские отношения после визита Черчилля в Москву, когда он заявил Сталину, что второго фронта в 1942 году не будет, были в тот момент весьма натянутыми. Неудачи с поставками вооружения в северные порты СССР их только усугубили. В письме от 17 июля британский премьер сообщил, что на некоторое время посылка конвоев прекращается. Сталин ответил достаточно резко. Это был полный достоинства резкий протест против решения союзников в то время, когда

Красная Армия находилась в угрожающем положении под Сталинградом и остро нуждалась в поставках сырья и вооружений.

Второго фронта все не было, и англо-советские отношения закономерно продолжали ухудшаться. Личный представитель президента США Уилки заявил в Москве, что в Белом доме были не против начала военной операции против Третьего рейха в 1942 году, но Черчилль и английское военное командование чинили препятствия. Разгром армии Паулюса под Сталинградом несколько смягчил жесткость Сталина в отношении к союзникам по коалиции.

Параллельно советский лидер распустил Коминтерн. В условиях Второй мировой войны идеи всемирной революции окончательно перестали быть актуальными. А вот Запад они, конечно же, пугали. Именно поэтому упразднение организации было с удовлетворением и пониманием воспринято союзниками. В октябре 1943 года в Москве состоялась конференция министров иностранных дел стран антигитлеровской коалиции. Переговоры прошли в дружественной атмосфере. Иден и Корделл с удовлетворением восприняли возможность обсудить послевоенную политику со Сталиным и Молотовым. Принятое совместное заявление было важным шагом к образованию Организации Объединенных Наций. Дальше последовала Тегеранская конференция союзников.

Советская делегация на Тегеранской конференции. Слева направо: неизвестный британский офицер, генерал Д. Маршалл пожимает руку британскому послу в СССР А. Керри, член американской делегации Г. Хопкинс, переводчик, председатель СНК СССР И. В. Сталин, министр иностранных дел В. М. Молотов, председатель комиссии по вопросам перемирия К. Е. Ворошилов.

Первое заседание состоялось днем 28 ноября в советском посольстве. Английская и американская делегации насчитывали по 30 человек, тогда как со Сталиным были только Молотов, Ворошилов и переводчик Павлов. Выступая на конференции, лидер СССР говорил взвешенно, спокойно, свои мысли выражал весьма четко и лаконично. Больше всего его раздражали длинные и туманные речи, которыми зачастую грешил Черчилль. На конференции Сталин проявил интерес к непосредственным военным планам союзников, особенно относительно второго фронта. Он также много говорил о послевоенном устройстве Европы, будущем Польши и Германии, об установлении и сохранении мира.

Черчилль и Рузвельт много и охотно говорили о боевых действиях в

Восточном Средиземноморье, о вовлечении в войну Турции, о посылке англо-американских кораблей в Черное море. О чем угодно, кроме открытия второго фронта. Сталин же вновь вернулся к вопросу о высадке союзников во Франции. Распылять силы на операции в Средиземноморье было бы ошибкой. Надо все усилия сосредоточить на операции «Оверлорд». Черчилль, всегда увлекавшийся множеством вариантов в планах, противопоставлял этому возможность операций на Балканах. Терпение Сталина иссякло.

К концу заседания 29 ноября советский лидер, глядя в глаза премьер-министру Великобритании, сказал: *«Я хочу задать господину Черчиллю очень прямой вопрос относительно операции «Оверлорд». Премьер-министр и британская делегация действительно верят в эту операцию?»* – *«Если вышеуказанные условия для этой операции будут созданы ко времени, когда она созреет, мы будем считать своим прямым долгом перебросить через Ла-Манш все имеющиеся у нас в наличии силы против немцев»*, – ответил Черчилль. Это был типичный ответ опытного дипломата, полный оговорки и риторики. Сталин же хотел услышать простое «да», но от комментариев воздержался.

30 ноября Черчиллю исполнилось 69 лет. Как он вспоминал позднее, это был очень насыщенный событиями и памятный день. Утром британский премьер-министр попросил Сталина встретиться с ним, чтобы объяснить по поводу операции «Оверлорд». Переговоры продолжались менее получаса. Черчилль сказал, что он полностью поддерживает план высадки союзников во Франции, но не согласен с американским планом высадки в районе Бенгальского залива против японцев. Сталин вновь подчеркнул важное значение высадки на севере Франции и сказал, что эта операция будет поддержана мощным наступлением советских вооруженных сил. К удовольствию Иосифа Виссарионовича, открытие второго фронта было назначено на май 1944 года.

Вечером на ужине отмечали день рождения Черчилля. Однако он был омрачен одним неприятным инцидентом. Рузвельт произносил тост в честь начальника Генштаба Великобритании генерала Брука, но вдруг поднялся Сталин и заявил, что хочет продолжить тост. Затем он сказал, что Брук недостаточно дружелюбно относится к Красной Армии, не отдает должного ее прекрасным качествам, и он надеется, что в дальнейшем он будет питать больше дружеских чувств к солдатам Красной Армии.

Брук был очень удивлен такими словами и решил ответить: *«Я весьма удивлен, что вы, маршал, сочли необходимым выразить мне обвинения, которые не имеют под собой абсолютно никаких оснований. Вас ввели в*

заблуждение подобные макеты, и вы не заметили истинных чувств дружбы, которые я питаю к воинам Красной Армии». С непроницаемым лицом Сталин повернулся к Черчиллю и сказал: «Мне нравится этот человек. Он говорит правду. Я должен поговорить с ним потом». После ужина английский генерал подошел к нему и вновь выразил недоумение по поводу высказанных обвинений. Сталин, улыбнувшись, ответил: «Дружба, которая возникает из недоразумения, – самая крепкая». И крепко пожал руку англичанину.

Черчилль, по наблюдению его врача, в присутствии Сталина обычно нервничал. Советский лидер часто ставил английского премьер-министра в затруднительное положение своим незаурядным, дисциплинированным умом, евразийским взглядом на проблемы, тайной, которую Черчилль не в силах был понять. Но больше всего – реальностью абсолютной и непоколебимой власти, с которой главе британского правительства никогда не приходилось сталкиваться. Он старался добродушно воспринимать колкости и шутки Сталина, но однажды, на том памятном ужине, он так и не понял, шутил Сталин или говорил серьезно, и сорвался.

Говоря о наказании немцев после войны, Сталин сказал, что их Генштаб надо ликвидировать и что военная мощь Германии зависит от 50 тысяч офицеров, которых надо расстрелять. Может быть, это было сказано и серьезно, но фельдмаршал Паулюс и другие немецкие офицеры уже находились в советском плену, и отношение к ним было вполне уважительным.

Сталин верховенствовал на конференции. Его замечания были краткими и четкими, всегда били в точку. Он ни разу не ошибся в оценках военной обстановки. В этом отношении он превосходил и Рузвельта, и Черчилля. Обладая очевидным величием и незаурядностью, он не был лишен обаяния и иногда излучал простое человеческое тепло, что компенсировало его требовательность и непомерную жесткость, когда он защищал то, в чем видел интересы Советского Союза.

А теперь предлагаю вновь вернуться к тому самому «Длинному прыжку». Наблюдается парадоксальная коллизия. Либеральные граждане категорически не хотят верить в покушение на глав трех государств. Архивные документы в России сплошь сфальсифицированные, это понятно даже ребенку. Ветеранам КГБ СССР они не доверяют по определению. Но зато с огромным восторгом цитируют мемуары Скорцени. Разумеется, не в части Тегеранской конференции. Тут они считают, что знаменитый диверсант немного заговорился. А вот в остальном он категорически прав.

Должен их огорчить. Тот самый «коммандос рейха № 1» и «гений

секретных операций» не совершил ничего, что может восприниматься как образец действий специальных служб. В чем он несомненно достиг грандиозного успеха, – так это в самопиаре. Скорцени с таким редким усердием рекламировал свои свершения, подлинные и мнимые, что в какой-то момент все в мире уверовали: это гений диверсионной работы, которому необходимо слепо поклоняться.

И совершенно напрасно. Разбирать подробно все его многочисленные воспоминания и размышления я не стану. Это вообще тема, пожалуй, отдельной большой книги «Неправда в мемуарах битых немецких стратегов и гениев, которым помешало победить ничтожный фюрер и скверная погода в России». Пока же предлагаю пробежаться по страницам книги Скорцени, внимательно присмотреться к его откровениям, отнестись критически и потом ответить самим себе на простой вопрос: можно ли целиком и полностью им доверять?

Вот, к примеру, июнь 1941 года. Скорцени описывает, как его дивизию перебросили на территорию генерал-губернаторства (так во время оккупации называлась Польша). На самой границе СССР он готовился принять участие в боях с большевизмом. И сразу же совершен нордический подвиг: штурм Брестской крепости. Супердиверсант ковал себя в огне, как и положено каждому настоящему викингу. Валгалла замерла от такого безукоризненного проявления подлинного воинского духа. А я, прежде чем замирать в немом восторге, задам необычайно простой вопрос: вас совсем ничего не смущает в этом рассказе? Подскажу: все дело в части, в которой служил Скорцени. Напоминаю тем, кто уже забыл. Моторизованная дивизия войск СС «Дас Райх» входила в состав 46-го моторизованного корпуса 2-й танковой группы Гудериана, наступавшей в составе группы армий «Центр». Дивизия действовала южнее Минска, переправилась через Днепр у Могилева, принимала участие в боях у Ельни. А Брестскую крепость штурмовала 45-я пехотная дивизия вермахта. К ней, как несложно догадаться, Скорцени не имел никакого отношения. Если, конечно, не считать национальность. Дело в том, что она изначально комплектовалась из австрийцев.

Ладно, это не принципиально. Дело вкуса. Европейскому читателю гораздо приятнее будет узнать, что Скорцени не был замечен в многочисленных военных преступлениях дивизии «Дас Райх», а стоически штурмовал Брестскую крепость. За это, видно, и получил Железный крест 2-го класса. Потому что иных подвигов за гением диверсионной работы не числится. В воспоминаниях описан вообще лишь один пример: во главе пятерых солдат он отправился проложить связь с тылом дивизии. Почему

этим должен заниматься офицер артиллерийского дивизиона, а не штабные связисты, нам не объясняют.

Дальше – больше. В битве под Москвой, где до того непобедимый вермахт испытал первое унижение, Скорцени не участвовал – лечил в Вене приступ воспаления желчного пузыря. На этом его подвиги на фронте и завершились. Что не помешало размышлять на страницах книги о том, почему не была взята Москва. Откроем воспоминания Скорцени: *«Стратегия войны у рейха была лучше, наши генералы обладали более сильным воображением. Однако, начиная с рядового солдата и до командира роты, русские были равны нам – мужественные, находчивые, одаренные маскировщики. Они ожесточенно сопротивлялись и всегда были готовы пожертвовать своей жизнью. Когда наши позиции были атакованы вновь прибывшими сибирскими дивизиями, наши потери превысили 75 процентов».*

О. Скорцени и А. Гитлер. Фюрер приказал – офицер СС выполняет.

Самому Скорцени явно не хотелось пополнить собой список безвозвратных потерь вермахта. Он прекрасно понимал, что шансов выжить в этой мясорубке будет не очень много. Не ожидал он такого ожесточенного сопротивления от недочеловеков. А значит, безопаснее выполнять задания горячо любимого фюрера где-нибудь в другом месте. Можно в Европе, где тебя не обстреливают коварно вездесущие русские партизаны. А еще лучше – в глубоком тылу.

Знаменитое освобождение Муссолини только на первый взгляд кажется блестящей операцией спецслужб, которую старательно изучают спецназовцы всего мира, в глубине души мечтая повторить хоть какие-нибудь ее элементы, если уж невозможно превзойти ее в целом. Так вот, если внимательно изучить детали той акции, вы придете к прямо

противоположным выводам. Напомню, что диверсанты должны были прилететь на планерах. Согласимся, задумано эффектно, даже талантливо. За исключением некоторых пустяков. Два планера разбились. 31 диверсант погиб, еще 16 получили тяжелые травмы. Таким образом, потери составили свыше 40 % еще до начала операции. И счастье Скорцени, что охранники Муссолини не открыли стрельбу. Едва ли кто-то ушел бы живым из той заварушки.

Настоящей катастрофой закончилась его попытка оказать помощь отряду немцев в районе реки Березины. Дело в том, что Скорцени стал классической жертвой дезинформации. Никакого отряда к тому моменту уже давно не существовало. 18 августа 1944 года советский разведчик Александр Демьянов, которого немцы считали своим агентом под псевдонимом «Макс», доложил: в районе Березины более двух тысяч солдат и офицеров вермахта чудом избежали разгрома. Требуется немедленная помощь. Скорцени отправил на разведку восемь парашютистов. Все они были пойманы, некоторые согласились работать на НКВД и гнать дальше в Берлин дезинформацию.

А теперь откроем воспоминания гения диверсионной работы и посмотрим, как он описывает эти события: *«Наше радио уловило ответ. Сначала прошел настроечный сигнал, затем особый сигнал, означавший, что наши люди вышли на связь без помех (нелишняя предосторожность: отсутствие сигнала означало бы, что радист взят в плен и его силой заставили выйти на связь). И еще великолепная новость: отряд существует».*

Не скрывая радости, Скорцени взялся помогать. Для поддержки отряда было отправлено 13 радиостанций, 255 грузов с вооружением, обмундированием, продовольствием, боеприпасами и медикаментами. Не каждый интендант достигнет таких успехов в своей работе. И все это добро, разумеется, досталось сотрудникам НКВД. Но самое удивительное, что в марте 1945 года несуществующему отряду скинули с самолетов Железные кресты и пустые наградные листы, а командир был даже повышен приказом Гитлера в звании и стал кавалером Рыцарского креста.

Слышу возражение: откуда Скорцени было знать про секретную операцию советской контрразведки? Он получил информацию, проверил ее и действовал, как и положено в таких случаях. С этим я не спорю. Лишь скромно обращаю ваше внимание на нюансы. Март 1945 года. До краха тысячелетнего рейха остаются считанные недели. А где-то в белорусской глуши уже семь месяцев героически тонет в болотах и питается шишками немецкий отряд. И Скорцени не делает ни малейшей попытки

проанализировать ситуацию, трезво взглянуть на вещи. Но защитники гения на такие мелочи никакого внимания не обращают.

Но все это лишь прелюдия к апогею. Арденнская операция. Гитлер поручает захватить мосты и обеспечить тем самым успех немецкого контрнаступления. Действовать предстояло смело и решительно. Сил не жалели. В триумф искренне верили. Скорцени, не мелочась, формирует для выполнения задания танковую бригаду. 3300 солдат и офицеров, включая мотопехоту, артиллерийские и противотанковые подразделения. Их предполагалось одеть в американскую форму и дать соответствующее оружие. Разумеется, все они должны были говорить по-английски.

Согласимся, смелый замысел. Едва ли найдется в истории сопоставимый пример диверсионной операции. Молодец Скорцени, каждую мелочь продумал, каждый нюанс рассчитал! Лишнее доказательство того, что в Тегеране ему немного не повезло. А так бы точно осуществил покушение на лидеров антигитлеровской коалиции. Куда там Сталину и Черчиллю с Рузвельтом тягаться с таким-то исполином!

Признаюсь честно: я тоже так считал, когда четверть века назад впервые читал мемуары главного диверсанта. Был потрясен глубиной замысла и масштабом исполнения. И так же был уверен: спасло Иосифа Виссарионовича в Тегеране только чудо. И лишь потом, спустя годы, когда стали доступны во множестве источники по теме, я пришел к закономерному выводу: все это сплошная и безостановочная хлестаковщина. Выведенная, впрочем, на мировой уровень и с огромным успехом тиражируемая многими до сих пор.

Подождите возмущаться, сейчас я вам все популярно объясню. Уверяю, через пару минут вы придете точно к такому же выводу. Для начала вот вам маленький факт: из трофейной техники, которой предстояло вооружить ту самую бригаду, Скорцени получил целых два американских танка (один из которых был к тому же сломан), десяток бронемашин и грузовиков, а также несколько джипов. Вы сами, надеюсь, понимаете, что этого очень мало. И Скорцени принимает мудрейшее решение: недостаток техники возместить немецкими «тиграми» и самоходными установками «Фердинанд». То есть фактор внезапности сразу выбрасывается. Потому что только форменный идиот, увидев, что на тебя движется колонна «тигров» при поддержке «фердинандов», радостно воскликнет: о, это же наши парни из Алабамы и Кентукки, зададим мы немцам нынче жару!

На этом неприятности не закончились. Больше того, они с этого только начинаются. Стрелкового оружия на всю бригаду Скорцени также категорически не хватило. Боеприпасы почему-то взорвались, и вооружить

удалось лишь одну роту. Вместо американской формы головотяпы-интенданты зачем-то прислали английскую, да еще и с нашитыми на нее знаками военнопленных.

Но даже и это еще не все. Со знанием английского языка случилась форменная катастрофа. Во всей бригаде (а это, напомним, более трех тысяч человек) читать Шекспира в подлиннике способны были только десять бойцов. Что характерно, это были моряки. Остальные могли успешно исполнять роль только глухонемых американцев в английской форме со знаками военнопленных.

В результате, даже собрав в одну роту всех знающих язык противника и вооружив их правильным оружием, Скорцени ничего не достиг бы. Потому что именно у этих людей в принципе не оказалось никаких навыков диверсионной работы. И выполнить поставленную фюрером задачу они не могли бы при всем своем желании.

Я рассказываю столь подробно про этот яркий пример жизни в интеллектуальном тумане лишь с одной целью. Показать, что с таким подходом к делу совершить покушение на Сталина, а тем более на всех вместе лидеров стран антигитлеровской коалиции невозможно, как ни бейся. Да, мог быть достигнут какой-нибудь промежуточный успех. Так и получилось. План был дерзкий и на первом этапе сработал. Но провал – единственный и закономерный итог всей подобной деятельности.

Однажды один из представителей партии социалистов-революционеров с горечью заметил: «На тирана послали барышню с хлопушкой. Стоит ли удивляться неудаче?» Если кто-то не понял, речь шла о знаменитом покушении Каплан (я о нем подробно писал в книге «Тайна личности Ленина»). Так вот, эта методология «на тирана с хлопушкой» ярко проявилась и в данном случае. Несопоставимы масштабы Черчилля и Рузвельта со Скорцени. Про сравнение, даже гипотетическое, со Сталиным и говорить не приходится.

Скажу больше: во всем Третьем рейхе не нашлось ни единой фигуры, которой была бы под силу подобная акция. В следующей главе мы подробно рассмотрим еще одну попытку покушения на Сталина, и все с тем же результатом – между нулем и ничем. Одно дело – уничтожать людей в концлагерях, сжигать дотла деревни, вешать, расстреливать, морить голодом. И совсем другое – продемонстрировать хоть какую-то игру ума. С этим у исполнителей грандиозных замыслов фюрера категорически не сложилось.

Но при этом неправильно сознательно принижать деятельность советской контрразведки, а именно этим сегодня занимаются многие

публицисты. В данном случае НКВД и ГУКР СМЕРШ сработали блестяще, проведя образцовую операцию. Больше того – по сути, сформировав новые законы жанра. И огромная историческая несправедливость состоит в том, что Агаянц и Вартанян сегодня никому не известны, даже в России. Что уж тут говорить про Запад!

Убежден: будь в активе ЦРУ подобные операции, о них бы напоминали всем с завидным постоянством и необычайным упорством. Выходили бы подробные биографии, печаталась бы приключенческая литература, на основе которой Голливуд потом снимал бы один блокбастер за другим. Собственно, ровно это мы и наблюдаем в случае со Скорцени, хотя поводов для безостановочной глорификации своей персоны он предоставил, мягко говоря, немного. Но свято место пусто не бывает. И именно поэтому все ассоциируют «Длинный прыжок» исключительно с гитлеровским диверсантом, а вовсе не с теми, кто его переиграл.

Справедливо ли это? Прозвучит, наверное, парадоксально, но чекисты той эпохи жили по принципу «Когда начинаются выстрелы, разведка заканчивается». Скорцени любил бряцать оружием. Агаянц и Вартанян считали, что мысль всегда должна опережать действие. Так они и войдут в историю. Гитлеровский диверсант – объект восхищения у европейского обывателя, нелегалы – у российских интеллектуалов. Каждому свое.

Акция «Цеппелин»

Очень многое изменилось с того далекого дня, когда Гитлер предрек, что война против Советского Союза будет всего лишь «игрой в песочном ящике».

А. Шнеер

В первые широкая общественность узнала об этом деле только в 1986 году. Постарался писатель Ростислав Самбук, чей роман «Фальшивый талисман» пользовался определенным успехом на волне перестройки и нового мышления. После распада Советского Союза обсуждение еще одной попытки покушения на Сталина приняло привычную парадигму «очередная масштабная фальсификация чекистов». Даже вышедшие потом два популярных художественных фильма «Убить Сталина» и «Операция «Китайская шкатулка» с блестящим актерским составом из Домогарова, Пореченкова, Лавроненко и Смолякова не внесли успокоения в разгоряченные умы.

Главную роль в самой, пожалуй, серьезной попытке покушения на Верховного главнокомандующего должен был исполнить Петр Таврин. Его настоящее имя – Петр Иванович Шило. Родился в одной из деревень Черниговской области. Почему немцы сделали ставку именно на него, хотя под рукой находились многочисленные белогвардейцы, не скрывавшие своей ненависти к Сталину? Они бы с радостью взяли за ликвидацию вождя народов, видя в этом свой священный долг.

Это только так кажется, что русскому эмигранту не составило бы труда выдать себя за советского человека. То, что они говорили на одном языке, – устойчивый миф. За двадцать лет, прошедших после революции, язык жителей СССР обогатился столькими новыми словами, выражениями и аббревиатурами, что эмигранты зачастую не понимали, о чем вообще идет речь. Простой пример. Кладут перед вами на стол пару картофелин и задают вопрос: «Где должен быть командир?» Любой, кто видел фильм «Чапаев», разумеется, тут же уверенно отвечал: «Конечно, впереди, на лихом коне!» А откуда это было знать бывшему штабс-капитану армии генерала Врангеля, который последние двадцать лет прожил в Европе?

Поэтому немцы, наученные многочисленными провалами своей агентуры в первые годы войны, закономерно сделали ставку на граждан

СССР, перешедших под знамена Третьего рейха. Советский быт они знали прекрасно и при удачном раскладе могли бы обмануть сотрудников контрразведки СМЕРШ. Тем более что их готовили на совесть. Немцев можно обвинять во многом, но халтурить они не любят. И если им велели подготовить агента для выполнения особо секретного задания, это будет сделано со всем должным усердием. Тем более что биография у Таврина была на редкость удачной для этого.

В детстве он батрачил на зажиточных крестьян. Потом переехал в город и занялся вербовкой рабочих на строительство промышленных предприятий. Во время одной из командировок проиграл пять тысяч рублей в карты. Деньги были казенные. Недолго думая, Шило пустился в бега, но неудачно. Его арестовали и заключили в тюрьму. Но ему удается бежать. Вместе с сокамерниками он каким-то образом разломал кирпичную стену.

Началась жизнь в подполье. Шило разъезжал по всей стране, от Иркутска до Воронежа. Там, в Воронеже, он женился, взял фамилию супруги. И появился в стране новый законопослушный гражданин Петр Иванович Таврин. Чтобы блюсти законы на совесть, он поступил в юридический институт. И даже был принят на работу в прокуратуру. Впрочем, долго трудиться на этой ниве ему не пришлось – последовал очередной арест. Вы, наверное, уже не удивитесь, узнав, что Таврину удалось сбежать из тюрьмы и во второй раз. По подложным документам он скрывался на Урале, работая в тресте, связанном с золотом. Оттуда его и призвали в армию.

В феврале 1942 года Таврин отправляется на фронт. Служил он офицером интендантского отдела при штабе 359-й стрелковой дивизии. Хорошо проявил себя и стал командиром пулеметной роты. Был представлен к ордену Красной Звезды, замененному при утверждении на медаль «За отвагу». Но получить награду Таврин не успел – неожиданно для однополчан сбежал к немцам. Это был самый роковой побег в его и без того рискованной жизни. Теперь он стал изменником Родины. И, вероятно, не тешил себя иллюзиями, что будет с ним, если попадет в руки советской контрразведки.

Позвольте, скажет иной читатель, но что-то же должно было произойти, чтобы без пяти минут орденосец вдруг решил перейти на сторону противника. Наверняка какой-нибудь политрук или особист начал к нему присматриваться, а Таврин не выдержал. В принципе, все так и было. 29 мая 1942 года его вызвали к уполномоченному Особого отдела 1196-го саперного полка капитану Васильеву. И задал он ему простой вопрос: а для чего это бойцу победоносной Рабоче-крестьянской Красной

Армии потребовалось менять фамилию?

Таврин понял: второй разговор может закончиться новым арестом. И по законам военного времени его вполне могут прислонить к стенке. Никто особенно долго с ним разбираться не станет. Обвинят в шпионаже – долго ли? А прощаться с жизнью он категорически не хотел. Поэтому уже на следующий день, не дожидаясь повторной встречи с особистом, вызвался пойти в разведку. Там он оторвался от своей группы и успешно сдался в плен первым встреченным им солдатам вермахта.

Его не отправили в концлагерь на медленную смерть. И не расстреляли. Напротив – зачислили в разведывательно-диверсионную школу. Программа специального обучения включала в себя, помимо традиционных для этой сферы деятельности навыков стрельбы, работы с рацией, ориентирования на местности, уроков грима, особенностей ухода от погони, вождения машины и мотоцикла, также и сугубо психологические аспекты. По ним Таврин и получил свои первые задания. Сначала ему поручили вычислять неблагонадежных. Слишком многие агенты, переброшенные за линию фронта, тут же сдавались СМЕРШ. А раскрыть в полной мере загадочную советскую душу немцам так до конца войны толком и не удалось. Вся надежда была на таких, как Таврин.

Второе задание Таврина хоть и лежало в той же плоскости, но было уже значительно сложнее. Необходимо было выявить в лагере военнопленных антифашистскую группу и сорвать готовящийся побег. Он справился с этим. О перспективном агенте руководство разведшколы доложило в Берлин. Таврин был вызван в столицу Третьего рейха к начальнику 6-го отдела Главного управления имперской безопасности оберштурмбаннфюреру СС Хайнцу Грейфе.

Это был весьма незаурядный человек. К своей работе всегда подходил творчески – сказывалось полученное образование. Сегодня большинство рассуждающих про руководителей СС почему-то считают, что это сплошь малограмотные лавочники. Таковые, безусловно, в «черном ордене» имелись в достатке. Но были и такие, как Грейфе. Он окончил школу с блестящими результатами, стал стипендиатом Немецкого национального академического фонда и поступил на юридический факультет Лейпцигского университета.

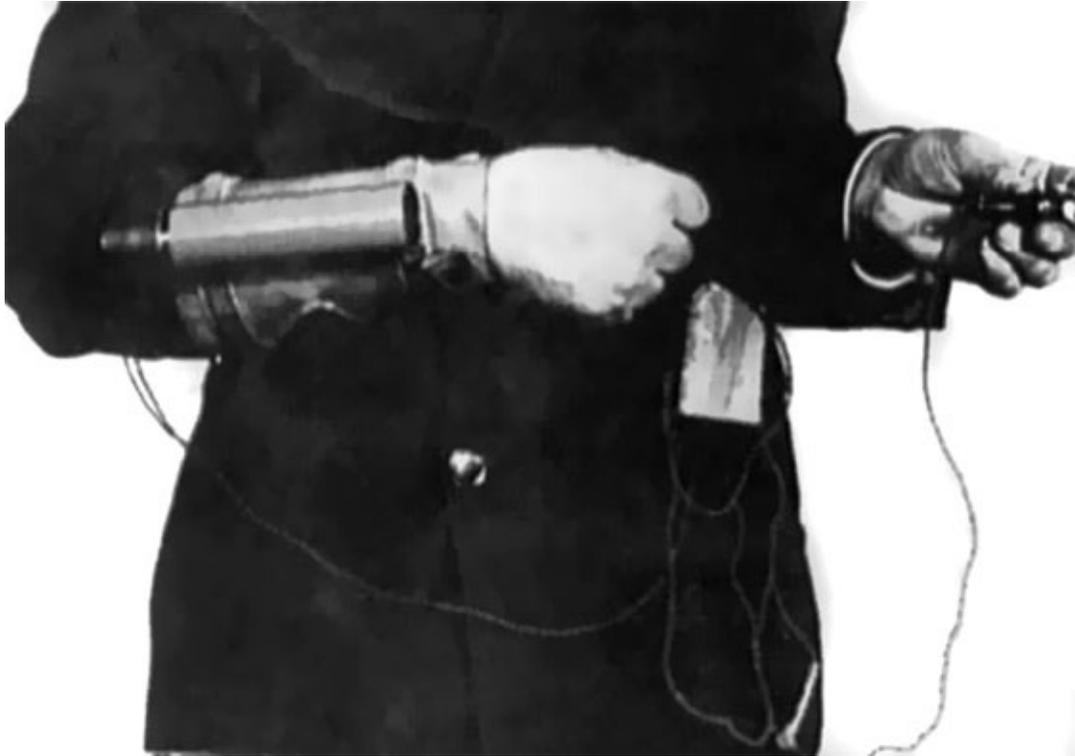
Оберштурмбаннфюрер СС Х. Грейфе. Именно он разработал план покушения на Сталина.

В конце 1935 года он начал работать в Тайной государственной полиции (гестапо). Проявил себя хорошо и достаточно быстро был повышен в должности лично Рейнхардом Гейдрихом. Грейфе стал начальником отделения гестапо и СД в Тильзите (ныне город Советск Калининградской области). В его обязанности входило создание широкой агентурной и подпольной сети в Литовской ССР. Судя по событиям лета 1941 года, справился со своей работой он успешно.

Доктор Грейфе был человеком с фантазией. Умел мыслить масштабно. Именно он разработал план создания специального разведывательно-диверсионного подразделения «Предприятие Цеппелин». Эта секретная

часть должна была в кратчайшие сроки массово подготовить агентуру из числа советских военнопленных. После их переброски в тыл Красной Армии они должны были заниматься разведкой, саботажем, пропагандой и диверсиями. Грейфе очень любопытно обосновывал необходимость подобного рода деятельности: *«Нельзя ограничиться десятками групп для разложившейся деятельности, они для советского колосса являются только булавочными уколами. Нужно забрасывать тысячи. Даже при самом тщательном обучении и отборе агентуры следует считаться с тем, что большой процент ее ненадежен, часть ее является сознательно предательским элементом, часть отсеется как неспособная».*

Таврина начали готовить к выполнению особого задания: убийства кого-нибудь из руководителей СССР. Руководил этим процессом штурмбаннфюрер СС Отто Краус. Тренировочный лагерь был во Пскове. Там Таврин под руководством немецких инструкторов осваивал новейшие образцы оружия. В частности, новейший портативный гранатомет «Панцеркнакке», специально сконструированный для покушения оружиейниками СС. Сделан он был в одном экземпляре (сейчас это чудо немецкой техники хранится в музее ФСБ). Технические характеристики были очень серьезными. С расстояния в 300 метров выстрел пробивал броневые плиты толщиной 35–40 мм. Нужно учитывать, что рассчитан гранатомет был на девять выстрелов. Это, кстати, был запасной вариант оружия для покушения. Основным предполагал использование пистолета, вмонтированного в авторучку. Стрелял он разрывными отравленными пулями.

Портативный гранатомет «Панцеркнакке». Из него должны были убить Сталина.

Таврина знакомят с самим Скорцени (он снова появляется в нашей истории). После недолгой беседы главный диверсант рейха приходит к выводу, что Таврину вполне под силу будет убить Сталина. Для подготовки к акции террориста отправляют в замок Фриденталь. Он находится в часе езды от столицы Третьего рейха. За Тавриным наблюдают круглые сутки, фиксируют личные качества, психологическую и физическую устойчивость. С ним отрабатывают буквально каждый шаг операции.

Грейфе лично разработал детальный план, утвержденный потом Кальтенбруннером. Выглядел он так: Таврина самолетом доставляют в глубокий советский тыл. Он пробирается в Москву, легализуется и начинает внимательно изучать маршруты передвижений Сталина и систему прохода на территорию Кремля. После этого проникает на одно из торжественных собраний и убивает Верховного главнокомандующего. Помогать ему в этом должен был только один агент – жена Таврина Лидия Шилова. Уроженка Винницкой области до этого успела закончить рижскую разведшколу «Цеппелин».

Лучшие специалисты СД принялись готовить десятки советских документов, печати и штампы. Под Таврина подгонялась трофейная

советская форма. Он должен был стать Героем Советского Союза в звании майора. Все должно быть солидно, и для него специально печатают номера газет «Правда» и «Известия». Там на первых полосах – списки награжденных Указом Президиума Верховного Совета СССР. Среди них, разумеется, и Таврин.

В таком деле мелочей не бывает. Встал вопрос о достоверности легенды. Согласно ей, орденосец Таврин был тяжело ранен в бою. Но, разумеется, никаких следов от неприятельских пуль на теле террориста не было. Немцы предложили сделать специальную хирургическую операцию, чтобы одна нога стала короче другой. Таврин категорически отказался. После недолгих раздумий был реализован альтернативный план: в одной из лучших клиник Германии скальпелем имитируют тяжелое осколочное ранение живота и левого бедра. Все это, конечно же, удостоверяется справками из госпиталей и медсанбатов.

Грейфе прекрасно понимал: советская контрразведка – противник серьезный. Одна даже самая незначительная на первый взгляд ошибка, и операция может быть провалена. Значит, нужно было сделать так, чтобы к Таврину проявляли как можно меньше интереса. Добиться этого можно было только одним путем – сделать его офицером СМЕРШа. И стал диверсант обладателем удостоверения, что он является заместителем начальника отдела контрразведки 39-й армии 1-го Прибалтийского фронта. А его напарница становится младшим лейтенантом, секретарем Особого отдела дивизии. Они получают командировочные предписания о том, что следуют по вызову в Главное управление контрразведки Наркомата обороны СССР.

А если у проверяющих вдруг возникнет вопрос: что забыл в Москве заместитель начальника контрразведки армии в момент ожесточенных боев с фашистским агрессором? Для этого готовится специальный пакет. На нем – все атрибуты государственной важности и секретности. Его-то и должен доставить майор Таврин непосредственно в Наркомат обороны. Но и этого явно недостаточно. Кто знает, сколько проверок предстоит пройти диверсанту? Нужно двойное, а лучше – тройное прикрытие. В разведке это называется «накрыть двойным одеялом». Для этого Таврин получает документы на все возможные случаи жизни: паспорта и военные билеты, права, дипломы об образовании, продовольственные и денежные аттестаты, партийные билеты. Граверы СС потрудились тогда на славу.

Таврин был вооружен по последнему слову техники. Пистолеты с разрывными и отравленными пулями, «Панцеркнакке», малогабаритная магнитная мина, которую можно было взорвать с расстояния, передав

сигнал на определенной радиочастоте. Но совершить успешное покушение мало – надо еще суметь скрыться. Таврину подготовили мотоцикл, способный развивать скорость до 120 километров в час. Суммарные затраты на операцию превысили пять миллионов рейхсмарок. Сумма просто колоссальная.

5 сентября 1944 года. С рижского военного аэродрома взлетает самолет и берет курс на восток. На его борту – два террориста. Их цель – организовать и осуществить покушение на Верховного главнокомандующего Сталина. Если помимо него удастся ликвидировать еще и Берию с Молотовым, будет совсем хорошо. Но операция сразу началась с неудачи. Посадка вышла неудачной. Самолет был обстрелян, один двигатель загорелся. После приземления быстро выкатили мотоцикл, на котором Таврин с Шиловой и уехали. На свободе им оставалось гулять недолго.

Начальник Гжатского районного отдела НКВД старший лейтенант милиции Ветров получает сообщение: ночью в направлении Можайска пролетел вражеский самолет. Он был обстрелян зенитной артиллерией в районах Кубинки, Можайска и Уваровки. Самолет повернул на обратный курс, но был вынужден совершить посадку из-за воспламенения двигателя. Возможно, была произведена выброска диверсантов. Всем отделам НКВД обратить на это самое пристальное внимание

В ночь на 6 сентября старший лейтенант Ветров заступил на дежурство. Его пост находился по дороге из деревни Карманово в сторону Ржева. Около 6 часов утра он заметил движущийся в его сторону мотоцикл с коляской. Остановил его, внимательно посмотрел на мужчину в дорогом кожаном пальто с погонами майора государственной безопасности и его спутницу. Потребовал документы. Водитель мотоцикла с деланным равнодушием расстегнул пальто. Взору Ветрова предстали два ордена Красного Знамени, ордена Ленина, Александра Невского, Красной Звезды. И самое главное – Золотая Звезда Героя Советского Союза.

Представьте себя на месте старшего лейтенанта. Перед вами не просто орденосец, а Герой Советского Союза! Про то, что он старше вас по званию, можно даже не говорить. Как и про то, что он из государственной безопасности. А ну как потом жаловаться станет начальству на самоуправство какого-то уездного милиционера? Стружку снимут капитально. Могут и погоны сорвать или во враги народа записать. Это у нас запросто, тем более в условиях военного времени. Другой бы, может, и связываться не стал, отпустил бы майора на мотоцикле с миром. Но Ветров проявил в тот день образцовое служебное соответствие.

У К А З

ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР О ПРИСВОЕНИИ ЗВАНИЯ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ОФИЦЕРСКОМУ И СЕРЖАНТСКОМУ СОСТАВУ КРАСНОЙ АРМИИ

За образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом отвагу и героизм присвоить звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая звезда»

1. Капитану Абрамчук Николаю Ивановичу.
2. Старшему лейтенанту Барданову Ивану Александровичу.
3. Младшему лейтенанту Гайдаш Алексею Никитовичу.
4. Старшему лейтенанту Гаркуша Кузьме Дмитриевичу.
5. Лейтенанту Елдышеву Анатолию Алексеевичу.
6. Майору Комарову Виктору Степановичу.
7. Гвардии Капитану Кочергину Егору Петровичу.
8. Гвардии Подполковнику Мизерному Нестеру Даниловичу.
9. Гвардии старшему сержанту Муравьеву Николаю Савельевичу.
10. Гвардии старшему лейтенанту Пояркову Владимиру Александровичу.
11. Гвардии капитану Таврину Петру Ивановичу.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
М. КАЛИНИН.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
А. ГОРКИН.

Фальшивый приказ о присвоении Таврину звания Героя Советского Союза

Он спокойно посмотрел на награды майора и принялся изучать удостоверение офицера. Заместитель начальника отдела контрразведки СМЕРШ 39-й армии, майор государственной безопасности Петр Иванович Таврин. Направляется в Москву для детального медицинского обследования полученных в боях за советскую Родину ранений. В удостоверение аккуратно вложена вырезка из газеты «Правда»

о присвоении звания Героя Советского Союза. Ветров внимательно изучил удостоверение. Все печати на месте. Скрепки правильные, ржавые.

Мало кто знает, но многие диверсанты Третьего рейха были разоблачены даже не офицерами армейской контрразведки СМЕРШ, а самыми обычными патрулями. Происходило это до смешного просто: немцы делали скрепки для документов из нержавеющей стали, в СССР они были из обычной стали и поэтому ржавели. Достаточно было одного взгляда на документ, и сразу становилось ясно, кто перед тобой. У Таврина в удостоверении скрепка была отечественной, не придерешься. В таком же идеальном порядке документы были и у спутницы майора, его жены Лидии Ивановны Шиловой.

Думаю, что девять из десяти старших лейтенантов милиции на том бы и успокоились. Отдали бы честь, пожелали счастливого пути, долго смотрели бы вслед мотоциклу, увозящему заслуженного и героического фронтовика на лечение. Но Ветров поступил как настоящий профессионал. Как известно, мелочей в розыскной работе не бывает. На любой нюанс необходимо обращать самое пристальное внимание. Зачастую то, что кажется вам сначала незначительным пустяком, потом окажется самым главным. Он еще раз внимательно посмотрел на Таврина. Было что-то не так в этом майоре. Но что именно?

Документы в полном порядке. Держится спокойно и с соответствующим его статусу достоинством. Придаться вроде не к чему. Стоп: одежда! Всю ночь шел дождь. Ветров к тому времени простоял на посту три часа и вымок насквозь. На Таврине же и его супруге одежда была абсолютно сухой. Не было даже пятнышек грязи. А они должны быть, если путешествуешь на мотоцикле под дождем по проселочным дорогам. Значит, ехали они не на мотоцикле. Тогда на чем? И где потом взяли этот самый мотоцикл?

На все эти размышления у Ветрова ушли считанные минуты. Помните фильм «В августе 44-го» и сцену, где капитан Алехин за пять минут разоблачает матерого немецкого диверсанта? Это был вовсе не художественный вымысел. История Ветрова – яркий пример высочайшей профессиональной работы НКВД в годы Великой Отечественной войны. И то, что ее выполнил не специально подготовленный волкодав из ГУКР СМЕРШ, а обычный советский милиционер, – особенно замечательно.

Ветров предлагает Таврину и его супруге проехать в райотдел милиции. Нужно соблюсти формальности: поставить в документы отметку о выходе из прифронтовой зоны. Без нее никак нельзя. Следующий патруль остановит, и будут у товарища майора неприятные минуты объяснений, как

он сюда попал. Таврин подвоха не почувствовал, довод милиционера был здоровым. Раз нужно, значит, проедем в райотдел. Пока ему там ставили в удостоверение личности офицера отметку, Ветров обыскал мотоцикл. Увиденное его удивило. Было от чего удивляться: «Панцеркнакке», магнитная мина, пистолеты, гранаты. Слишком много «зубов» для отправляющегося на лечение в Москву майора государственной безопасности.

П. И. Таврин в немецком лагере подготовки, 1944 год.

Ветров немедленно докладывает о находке в Главное управление контрразведки. Он понимает: этим делом должны заниматься совсем другие люди. За Тавриным и его супругой немедленно высылают самолет. На Лубянке к встрече готовились давно. Знали даже, что боевик попытается проникнуть в Москву в форме офицера госбезопасности. Сработала заграничная агентура СМЕРШ. Настал момент задержания гостей, хватит им уже на свободе гулять. Пора давать показания в кабинете следователя.

Патруль видит приближающийся к ним мотоцикл и показывает:

останавливайтесь. Таврин подчиняется. Ему ничего не угрожает. Все документы в порядке, ордена на гимнастерке подлинны. Патруль проверит все скорее для проформы, отдаст честь и пожелает Герою Советского Союза счастливого пути. Но старшина не торопится. Он внимательно осматривает документы и просит Таврина пройти с ним. Нужно поставить в документы отметку. Но майору государственной безопасности это почему-то не нравится. Он начинает нервно говорить, что везет секретный пакет и патруль не имеет права останавливать его. В Москве его уже ждут, дорога каждая минута. Но потом остывает и идет в сопровождении патруля в дом. Это его последние шаги на свободе.

Оперативники госбезопасности мгновенно скручивают Таврина. Он выглядит потрясенным – явно не ожидал провала и не готовился к нему психологически. С непониманием смотрит на окруживших его людей. Пытается заявить, что они ответят за самоуправство, и быстро осекается. Он видит, как из его мотоцикла вытаскивают боевой арсенал. И если от гранат и пистолетов он еще мог бы теоретически отвертеться, то «Панцеркнакке» и магнитная мина – совсем другая история. Тут даже самому зеленому следователю все будет ясно с первого взгляда.

А оперативники наносят уже следующий психологический удар. Они связываются со штабом 39-й армии и интересуются, где сейчас майор государственной безопасности Таврин? Абсолютно равнодушно выслушивают ответ: такой офицер у них по спискам личного состава не значится. После этого следует звонок в Главное управление контрразведки СМЕРШ: служит ли в их ведомстве Петр Иванович Таврин? Ответ снова отрицательный. Террорист понимает: отпираться бессмысленно. Он готов дать чистосердечное признание. И сразу переходит к главному: его цель – убийство Верховного главнокомандующего.

Сегодня большинство россиян стали рабами многочисленных мифов последних 25 лет. Почему-то принято считать, что сотрудники Народного комиссариата внутренних дел и Главного управления контрразведки СМЕРШ не пытались перевербовать арестованных немецких диверсантов, не проводили радиоигр с противником, а сразу всех ставили к стенке. От костоломов ничего другого ждать не приходится. Научились фальшивые дела лепить да показания у интеллигентов кулаками выбивать. А в годы Великой Отечественной войны вообще вразнос пошли, стреляли всех подряд. Повезло тому, кто получил 25 лет в ГУЛАГе. В некоторых книгах нынче так и пишут: «Оперуполномоченные НКВД и НКГБ и вся прочая палаческая шваль, мразь и сволочь». Оценили?

Как быстро мы забыли, что войска Народного комиссариата

внутренних дел за годы Великой Отечественной войны провели 9292 операции по борьбе с бандитизмом. Было ликвидировано 47 451 и задержано 99 732 преступника. Мы теперь не вспоминаем, что на Параде Победы 24 июня 1945 года первым на Красную площадь ступил сводный батальон со знаменами и штандартами побежденных вермахта и войск СС. Сформирован этот батальон был из военнослужащих полков и дивизий НКВД. Теперь они у некоторых отечественных публицистов стали «швалью и сволочью».

Иного после многочисленных фильмов типа «Штрафбат» и «Сволочи» наивно было бы ожидать. Какой фильм ни посмотришь – обязательно в числе главных отрицательных героев будет особист или контрразведчик. Ни малейших признаков хоть какой-нибудь игры ума они не демонстрируют априори. Я не знаю, где получили такое представление о работе Народного комиссариата внутренних дел и ГУКР СМЕРШ авторы сценариев подобных сериалов. Но на примере дела Таврина покажу, что происходило в действительности.

Таврин «поплыл». В таких случаях сразу начинается вербовка. Многие считают, что допрос – это как в классических советских детективах. Быстро поговорили и разошлись, довольные друг другом. Абсолютная ерунда. В ту эпоху допрос иной раз проводился по 6–8 часов. Если следователь уставал, его подменяли, а подозреваемый продолжал давать показания. С ним беседовали на множество тем, но в протокол вносилась лишь сухая выжимка. Представьте, сколько средний человек успеет рассказать часа за четыре. А показания уместятся лишь на двух-трех страницах. В них содержится главное.

Повторяю, Таврин «поплыл». Это значит, что его не отпускали в камеру собраться с мыслями, чтобы защищать себя. Напротив, немецкого диверсанта прессовали по всем правилам работы следователя. Вопрос слева, вопрос справа. Темп на зависть спринтерам. Без передышки. И в момент, когда у него иссякли моральные силы, сделали предложение, от которого нельзя было отказаться. В данном случае – «сыграть концерт для Берлина». Так на профессиональном языке называлась радиоигра.

Таврину сразу популярно объясняют исходные позиции: он живет, пока приносит пользу советской Родине. Задумает вилить – сразу встанет к стенке. Ему говорят это в жесткой форме, чтобы не вздумал дать сигнал о работе под контролем. Можно, конечно, посадить за ключ своего радиста, но всегда есть риск, что в Центре увидят мимолетное изменение почерка. Проще перевербовать «пианиста» и внимательно следить, чтобы он не сделал ничего лишнего. Точку, например, не пропустил или не ответил не

так, как обычно.

Никакой самодеятельности. Начало операции под кодовым названием «Туман» утверждает лично начальник Главного управления контрразведки СМЕРШ, заместитель народного комиссара обороны СССР генерал-полковник Виктор Абакумов. И делает он это с санкции народного комиссара внутренних дел Лаврентия Берии. Под полным контролем специалистов с Лубянки Лидия Шилова садится за ключ. Берлин получает первое сообщение от своих диверсантов: прибыли на место, приступаем к выполнению задания. Все проходит гладко.

Начальник ГУКР СМЕРШ В. С. Абакумов.

Непосредственное руководство проведением операции осуществлял старший оперуполномоченный 3-го отдела ГУКР СМЕРШ майор Григорий

Григоренко. После окончания физико-математического факультета Полтавского педагогического института он был призван на службу в органы государственной безопасности. В годы Великой Отечественной войны служил в отделе по противодействию разведывательно-диверсионной деятельности германских спецслужб. В его обязанности входила организация радиоигр с противником с целью передачи дезинформации. В частности, Григоренко имел непосредственное отношение к операции «Загадка». В ее рамках СМЕРШ выявил агентов Главного управления имперской безопасности из подразделения «Цеппелин-Норд» и получил представление о планах противника в отношении Московского железнодорожного узла. Именно поэтому предстоящая с Берлином ответственная радиоигра была доверена именно ему.

Руководитель операции «Туман» майор госбезопасности Г. Ф. Григоренко.

Подождите, скажет иной читатель, а для чего понадобилось морочить голову сотрудникам Главного управления имперской безопасности? Очевидно, что Таврин – товар штучный, агентов с такой подготовкой много

не бывает, и каждый день их засылать в Москву не получится. Не проще ли было объявить по радио голосом Левитана, что наши славные органы государственной безопасности раскрыли подлейший заговор против товарища Сталина? Гитлер, известный своим неуравновешенным нравом, жестко бы наказал руководителей своей разведки. Мог бы их обвинить в измене, и расстреляли бы всех в подвалах гестапо. Пока новые люди, назначенные на эти должности, войдут в курс дела, пока придумают что-то, наши войска уже будут в Берлине. К чему такие сложности?

Основная цель операции «Туман» заключалась вовсе не в том, чтобы с правого плеча кителя Кальтенбруннера был сорван погон. В Народном комиссариате внутренних дел прекрасно понимали: война скоро закончится разгромом Германии. Но останется их агентура. Кем и когда она будет использоваться против СССР? Значит, нужно заставить как можно больше нелегалов выйти из тени и выманить на свою территорию хорошо подготовленных агентов «Цеппелин».

Игра стоила того, чтобы рискнуть. Тем более что Таврин и его супруга взялись активно помогать. У них больше не было фамилий, только агентурные номера – «35» и «22». Обычная история в практике спецслужб. Например, похищенный в 1937 году в Париже председатель Русского общевойскового союза генерал Миллер содержался во внутренней тюрьме под невероятно редкой фамилией Иванов. И только очень узкий круг сотрудников НКВД знал, кто это такой на самом деле. Так же было и в случае с Тавриным.

Шилова послушно регулярно выступала с «концертами» для Берлина. Передавала, какую сложнейшую работу они с супругом ежедневно выполняют с риском для жизни, чтобы приблизить выполнение ответственного задания. Одна из радиogramм, в частности, гласила: *«Познакомился с врачом женщиной, имеет знакомых в Кремлевской больнице. Обрабатываю»*. У кураторов в РСХА складывалось ощущение, что ликвидация Сталина близка как никогда. Никто и мысли не допускал, что агентов перевербовали.

Донесения Таврина Берлин получал с завидным постоянством. Был, например, рапорт, что испортилась батарея для радиостанции. Если не получится срочно доставить новую в Москву, связь оборвется. Срочно нужна помощь. И желательна поддержка нелегалов. Вдвоем устроить покушение на Сталина невероятно сложно. Нет, Таврин, конечно, очень старается и мечтает оправдать возложенное на него высокое доверие самого фюрера, но силы больно неравны. В Берлине вошли в положение. Подчинили ему группу агентов, действовавших в тылу. Разумеется, все они

уже вскоре давали показания на Лубянке.

Последнее сообщение ушло в Главное управление имперской безопасности 9 апреля 1945 года. Вспомним, что это был за день. Войска 3-го Украинского фронта, продолжая уличные бои в Вене, заняли центр города, захватив при этом здания парламента, городской ратуши, Главного полицейского управления, центрального городского телеграфа, центрального европейского банка и оперного театра. Южнее столицы Австрии войска фронта с боем заняли город Берндорф.

К вечеру 9 апреля 1945 года пал Кенигсберг. Остатки гарнизона во главе с комендантом крепости генералом от инфантерии Ляшем и его штабом прекратили сопротивление и сложили оружие. Немецкие войска в боях за столицу Восточной Пруссии потеряли более 100 тысяч солдат и офицеров, 3,5 тысячи орудий и минометов, 128 самолетов, около 90 танков. Маршал Василевский отметит в своих воспоминаниях: *«Гитлер не мог примириться с потерей города, объявленного им лучшей немецкой крепостью за всю историю Германии и «абсолютно неприступным бастионом немецкого духа», и в бессильной ярости приговорил Ляша заочно к смертной казни».*

В тот самый день, когда Таврин в последний раз вышел на связь с Берлином, министр пропаганды Третьего рейха Йозеф Геббельс записал в своем дневнике следующую сакраментальную мысль: *«Со всей энергией я буду настаивать на том, чтобы в настоящее время во всех вооруженных силах были отменены отпуска. При нынешнем критическом положении ни один солдат не должен иметь права на поездку в отпуск – все обязаны сражаться».* А ценнейший агент, готовящий покушение на Сталина, сообщает своим руководителям, что подготовка идет полным ходом. Еще немного, еще чуть-чуть, и задание фюрера будет успешно выполнено. Готовьте обещанный паспорт фольксдойче и 100 тысяч рейхсмарок вознаграждения.

Закончилась война. Но на конспиративной квартире Таврина и Шиловой еще несколько лет ждали возможного появления агентов Третьего рейха. Никто к участникам покушения на Сталина так и не пришел. Спектакль сильно затянулся, пора было заканчивать. 16 августа 1951 года Петру Ивановичу Шило-Таврину было предъявлено обвинение в совершенных им преступлениях. Статьи Уголовного кодекса привычные: 58 – 1 и 58 – 8 – измена Родине. Собственно, сам диверсант признавал добровольный переход на сторону противника и обучение в разведшколе. Но категорически отрицал, что собирался выполнять задание немцев. Не помогло. 1 февраля 1952 года Военная коллегия Верховного суда СССР

закономерно определила агентам «Цеппелин» высшую меру наказания. 28 марта того же года приговор был приведен в исполнение в отношении Таврина. Шилова пережила его на несколько дней.

Казалось бы, все закончилось. Но вопросы остались. Начнем с простого. Дело № 308 было сдано в архив 20 марта 1948 года – без малого через три года после разгрома Третьего рейха. Неужели в контрразведке действительно верили, что могут появиться агенты уже давно несуществующего СД и передать Таврину новое ответственное задание? Я прекрасно знаю, что еще в июле 1946 года была сформирована «Организация Геллена», а значит, сохранялась опасность того, что человека, готовящего покушение на Сталина, могли бы навестить. Но как тогда объяснить упрямый факт: все остальные многочисленные игры советской контрразведки продолжались лишь несколько месяцев после капитуляции Третьего рейха?

Давайте посмотрим на проблему сугубо с юридической точки зрения. Операцию «Туман» следовало прекращать еще в начале 1946 года, если не раньше. При этом нужно было возобновлять следствие по делу диверсантов «Цеппелин» Таврина и Шиловой уже в свете новых обстоятельств, а именно добровольного и, главное, качественного участия в операции контрразведки по обезвреживанию немецкой агентуры в СССР и организации серьезного канала по передаче дезинформации для Берлина. Согласно всем правилам, Министерство государственной безопасности должно было закончить дело и передать в соответствующие инстанции документы, подтверждающие содействие арестованных следствию. Кроме этого, должно было прозвучать пожелание учесть все вышеизложенные обстоятельства при вынесении приговора. Но этого почему-то в 1946 году не произошло.

Вопросы на этом не заканчиваются. Напротив, они активно множатся. Для чего потребовалось столько лет держать диверсантов без суда во внутренней тюрьме? Во-первых, это нецелесообразно. Советские органы государственной безопасности можно обвинить во многом, но уж явно не в этом. Вся предыдущая и последующая история силовых структур СССР показывает, что целесообразность всегда считалась догмой. А во-вторых, подобные действия нарушали все существовавшие в стране процессуальные нормы. Без острой необходимости центральный аппарат МГБ на это явно не пошел бы.

Напоминаю, что еще 9 ноября 1939 года наркомвнудел Берия подписал приказ «О недостатках в следственной работе органов НКВД». Необходимо было установить жесткий контроль за соблюдением всех уголовно-

процессуальных норм. В документе подчеркивались многочисленные примеры небрежного проведения следствия или обращения с документами. Больше того, считалось недопустимым, чтобы в тюрьме находился заключенный, на которого не было заведено дела. В случае с Тавриным делом, разумеется, было заведено сразу после его ареста, но процессуальные нормы между тем были нарушены.

Идем дальше. Дело диверсантов «Цеппелина» слушалось в исключительном порядке с применением норм уголовно-процессуального права. Они были утверждены Постановлением Президиума ЦИК СССР от 1 декабря 1934 года «О порядке ведения дел о подготовке или совершении террористических актов». Статья № 467 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, в частности, гласила: «Обвинительное заключение вручается обвиняемым за одни сутки до рассмотрения дела в суде». Параллельно в статье № 470 все того же Уголовно-процессуального кодекса РСФСР говорилось о том, что приговор к высшей мере наказания приводится в исполнение немедленно после вынесения.

Теперь смотрим внимательно на дело Таврина и Шиловой. Суд начался 1 февраля 1952 года. Обвинительное заключение участникам покушения на Сталина было вручено 26 января. Но расстреливают приговоренных не в начале февраля, а 28 марта и 2 апреля соответственно. Причины такой странной волокиты мне лично неизвестны. Допускаю, что они вообще едва ли когда-нибудь станут достоянием общественности. Но сам факт странной оттяжки расстрела зафиксирован.

Переходим наконец к главному вопросу: а зачем вообще нужно было расстреливать Таврина и особенно Шилову? Не спешите меня обвинять в попытке отмазать от справедливого возмездия подлого изменника Родины, готового по заданию разведки противника убить Верховного главнокомандующего. Сейчас объясню, что тут не так. В ходе битвы на Курской дуге управление контрразведки СМЕРШ Центрального фронта и отдел контрразведки СМЕРШ Орловского военного округа провели успешную радиоигру «Опыт». Продолжалась она больше года. Три перевербованных немецких агента активно сообщали в свой Центр дезинформацию. Когда надобность в игре отпала, были подведены итоги. Главное действующее лицо за успешную работу было освобождено из-под стражи и указом Президиума Верховного Совета СССР награждено орденом Отечественной войны II степени. Остальные участники Особым совещанием при Народном комиссариате внутренних дел СССР были приговорены к различным срокам наказания – от 10 до 20 лет.

Это вовсе не исключение из правил. Так поступали регулярно с

агентами, добровольно согласившимися на радиоигру с противником. Я прочитал, разумеется, не все опубликованные документы по теме, но думаю, что знаю об этом достаточно много. Хотя, может быть, это и не очень скромно. Но тут дело в другом: не могу я навскидку назвать ни одного случая, чтобы агента после окончания успешной радиоигры расстреляли. Этой участи избежали даже те, кто участвовал в карательных акциях оккупационных властей. Многие сейчас удивятся, но уголовные дела в отношении этих людей прекращались, кого-то выпускали на свободу, а некоторых даже награждали орденами. Достаточно вспомнить хотя бы командира первой русской национальной бригады СС «Дружина» Гиль-Родионова.

Теперь смотрим внимательно на Таврина. Его можно и нужно было обвинить в дезертирстве, сознательном переходе на сторону противника, обучении в разведшколе и согласии убить Верховного главнокомандующего. Все это неоспоримо. Но, с другой стороны, на высшую меру это не очень тянет по реалиям практики работы спецслужб в годы Великой Отечественной войны. Ведь ничего во славу Третьего рейха он совершить просто не успел. Был взят на первом же этапе операции, сразу дал чистосердечные показания, в радиоигре участвовал добросовестно. И все-таки, как видите, получил чекистскую пулю.

Я не знаю, что стало причиной. Могу лишь предположить: в деле Таврина было что-то такое, что категорически не позволяло оставлять его в живых. Вероятно, этот документ засекречен и едва ли когда-нибудь станет достоянием общественности. Умение хранить свои секреты – основа основ деятельности спецслужб. Примем эту вечную константу. Но, к сожалению, именно это позволяет сегодня многим недобросовестным публицистам активно спекулировать на истории «Туман». Сейчас я вам покажу, как это происходит.

Выступает небезызвестный в либеральных кругах деятель и начинает вам доказывать, что все это – сплошная лубянская мистификация. Таврин-де не был хорошо подготовленным террористом и, разумеется, не мог совершить покушение на товарища Сталина. Гранатомет его не подходил для прицельной стрельбы, не говоря уже о том, чтобы стрелять с руки. В этом случае ему бы просто оторвало руку, и он бы умер от потери крови. Дальше – больше. Не проводя никаких экспертиз, этот мудрейший ум вам обстоятельно докажет, что гранатомет был сделан не из крупповской стали, а из уральской. И пока вы пораженно будете смотреть на него, он нанесет последний удар, после которого бой заканчивается за явным преимуществом одной из сторон. Готовы? Получите.

Известный историк Борис Соколов еще 18 лет назад доказал, что человека по фамилии Таврин с документами на имя майора и сотрудника контрразведки СМЕРШ немецкий самолет в сентябре 1944 года не высадил, а, наоборот, собирался эвакуировать как ценного агента. В качестве доказательства используются фотографии из дела «Туман», которые, по мнению Соколова, являются грубым фотошопом. Все ясно? На душе у вас сейчас, вероятно, очень грустно. Я так красиво и подробно рассказал историю Таврина, а выясняется, что все это неправда. Но не торопитесь. Сейчас на этом примере я покажу, как сегодня фальсифицируется история.

Этот самый Борис Соколов известен как автор книг на любую тему. Его библиография уже давно значительно больше, чем академическое собрание сочинений Федора Михайловича Достоевского. Пишет он с невероятной скоростью, и делает это весьма своеобразно. Например, в своей работе «Тайны Второй мировой» Соколов использовал фрагмент современного порнографического рассказа, выдав его аутентичный источник. И это вовсе не единичный факт.

Венцом академической деятельности Соколова стал подсчет потерь Красной Армии в годы Великой Отечественной войны. Сначала он насчитал 14,7 млн павших советских солдат и офицеров. При зрелом размышлении он пришел к закономерному выводу, что этого слишком мало, и выдал следующую цифру – 26,4 млн. Чтобы читатель содрогнулся, он заявил, что немцы на Восточном фронте потеряли всего 2,6 млн. То есть соотношение потерь составило 1 к 10. Это вообще любимая пропорция всех российских либералов.

Естественно, Соколову не поверили и попросили объяснить, как он вывел столь дикую цифру. Готовы удивиться? В потери СССР он включил и демографическую убыль (то есть тех, кто мог бы родиться, но не родился), а в случае с Третьим рейхом элегантно обошелся без этого. Да еще и сфальсифицировал данные по численности населения. Но еще более интересен сам механизм подсчета. Всем интересующимся историей Великой Отечественной прекрасно известно, что всего было мобилизовано (с учетом довоенного числа военнослужащих) 34,5 млн человек. Из них непосредственными участниками войны было около 27 млн. После разгрома гитлеровской Германии в рядах Красной Армии числилось около 13 млн человек. А значит, погибнуть 26,4 млн солдат и офицеров просто не могли.

Полагаю, уже и ребенку ясно: перед нами неутомимый профессиональный фальсификатор. В какой-то момент даже коллегам

Соколова стало неудобно. В мае 2016 года он был исключен из Вольного исторического общества с формулировкой «за нарушения научной этики». Так они тактично назвали очередной случай плагиата. Не может человек без этого. Как Навальный не может не писать еженедельно ахинею, так и Соколов не может не позаимствовать чей-то интеллектуальный труд.

А теперь важный вопрос: вы будете после этого доверять его смелым выводам по фотографиям в деле Таврина? Тем более есть у меня такое подозрение, что с архивным делом Соколов не работал, а свои умозаключения сделал по фотокопиям в каком-нибудь журнале. В самом деле, зачем учить географию, если извозчик есть? К сожалению, со времен Фонвизина мало что поменялось в психологии отдельных граждан.

Ладно, оставим в покое либеральные страдания и искания. Это бесконечная тема, которой когда-нибудь в будущем профессиональные психиатры посвятят, вероятно, не одну монографию. Тема ведь благодатнейшая. Я же вам хочу рассказать о другом. Гораздо более интересном. С одним из участников этого покушения на Сталина мне довелось быть знакомым лично еще с конца 90-х годов. Больше того, по мнению некоторых могучих умов, именно Гаспарян стал виновником его смерти. Заинтригованы? Тогда обо всем по порядку.

Еще несколько лет назад Николай Рутченко был весьма уважаемым французским пенсионером. О нем говорили в восторженных тонах. Вот яркий образец: *«Всегда производил впечатление человека, которого не могло сломить ничто. От общения с ним веяло старой, какой-то могучей силой прежних времен. Но всегда и везде главной в его помыслах и действиях оставалась Россия»*. Согласимся, сильно сказано. Перед глазами встает образ патриота, который неустанно служит своей стране. Автор многочисленных книг по истории Белого движения. Человек с потрясающей харизмой. Прекрасный рассказчик. Глядя на него, никогда не подумаешь, что перед вами хладнокровный убийца. Впрочем, об этом он никогда не рассказывал. Да и вообще о своем участии в Великой Отечественной войне Рутченко предпочитал не распространяться.

Мог лишь очень кратко сообщить, что был призван в армию и попал в плен. Верховного главнокомандующего Сталина он считал преступником, ответственным за политические репрессии 30-х годов, и поэтому добровольно согласился сотрудничать с немцами. Стал переводчиком на оккупированных германской армией территориях СССР. Осознал преступные цели канцлера Германии Адольфа Гитлера и попал в концлагерь за антинемецкую деятельность. Такой вот убежденный борец против диктатур. После войны поселился во Франции и занялся наукой. Но

была у Рутченко и совсем другая жизнь, о которой он старательно пытался забыть.

Август 1941 года. В первые, самые тяжелые месяцы войны советские войска терпели одно поражение за другим. В немецком плену оказалось свыше 2 млн солдат и офицеров. В том числе и студент-историк из Ленинграда лейтенант НКВД Николай Рутченко. Он не был расстрелян и не умер от голода в лагере, как сотни тысяч граждан СССР. Зная немецкий язык, он практически сразу согласился служить переводчиком в германской полиции безопасности. Именно в нее входили карательные группы специального назначения, которые осуществляли массовые казни гражданских лиц на оккупированных территориях. Жертвами в первую очередь были евреи и цыгане.

Из донесения в Берлин сотрудника немецкой полиции безопасности капитана Рейхена: *«Расстрелы, совершаемые людьми моего подразделения, в каждом случае проводились быстро и незаметно. В каждом случае расстреливаемых заключенных под каким-либо предлогом доставляли на место, где гражданское население не могло проходить, и там выстрелом в затылок убивали. Почти во всех случаях до сих пор удавалось сделать так, что люди, которые должны быть уничтожены, не подозревали о предстоящем расстреле»*. По оценке представителя обвинения от США на послевоенном Нюрнбергском процессе над военными преступниками Тэйлора, *«зверства, совершенные вооруженными силами и полицией Германии, были такими потрясающе чудовищными, что человеческий разум с трудом может их постичь»*. До окончания войны в мае 1945 года не дожил каждый пятый из оказавшихся под немецкой оккупацией 70 млн граждан СССР.

Рутченко недолго был простым переводчиком. В полиции безопасности служило достаточно много немцев, родившихся в Латвии и Эстонии. В начале XX века эти страны входили в состав Российской империи, поэтому большинство жителей знали русский язык. Рутченко требовался для другой работы. Для начала ему доверили проводить допросы. Из послевоенных показаний жителя Ленинграда Даниила Петрова: *«Расстреливали в парке, недалеко от здания полиции безопасности. Но прежде был допрос у Рутченко. Простоватое лицо лет тридцати. Мне все это врезалось в память навсегда. Закрою глаза и вижу, как сегодня. Меня поразило разговор по-русски и главное – русский человек в германской офицерской форме. Такого я до этого не видел. Меня он отправил в лагерь смерти. Конечно, Рутченко мог оправдаться приказом начальства, но он и не пробовал»*.

В дальнейшем карьера Рутченко в полиции безопасности шла по нарастающей. Он получал оружие с немецких складов для проведения карательных операций против гражданского населения. Из показаний бывшего сотрудника полиции безопасности Ольги Колоколовой: *«Рутченко лично расстрелял на моих глазах трех человек. От других офицеров я неоднократно слышала, как Рутченко принимал участие в казнях»*. Ее слова подтверждает и бывший курсант разведшколы Бене: *«Рутченко рассказывал, как выстрелом в лицо из немецкого офицерского пистолета снес всю черепную коробку у заключенного. Я запомнил его слова: «Немецкое оружие гораздо лучше советского»*. Параллельно Рутченко обучал курсантов в специальной разведывательной школе. Все они должны были стать руководителями Ленинграда после взятия города немцами. Рутченко рассматривался оккупантами как будущий глава комитета образования. Но Ленинград взять не удалось. 872 дня длилась блокада города немецкими войсками. За это время погибло около 1,5 млн жителей. Из них 97 % – от голода.

Рутченко же продолжал испытывать немецкое оружие. В ноябре 1943 года в столице Латвии Риге он вместе со своей ротой участвовал в насильственной отправке трех тысяч евреев из гетто в концентрационный лагерь Аушвиц (в России его привыкли называть Освенцим). Из показаний сотрудника полиции безопасности Никарева: *«Мы с оружием подъехали к гетто, где немцы держали евреев за колючей проволокой. Там уже находились эстонские и литовские полицейские подразделения. Евреев начали выгонять из помещений, подвалов и сажать в машины. Если кто-то пытался спрятаться – полицейские кидали гранаты и стреляли. На машинах их отвозили на станцию и посадили в эшелон. Всех отвезли в немецкий Аушвиц. Там их раздевали и отправляли в баню. Дверь закрывалась и запускался газ. Потом трупы сжигали»*. Точное количество погибших в этом лагере смерти установить невозможно. Немцы не вели учет своих жертв. По самым минимальным данным, в лагере было убито 180 тысяч евреев.

Руководил операцией капитан полиции безопасности Павел Делле. До этого он принимал личное участие в расстреле мирных граждан в Риге, а впоследствии возглавлял карательную группу на территории Ленинградской области. Именно ему подчинялся Рутченко. Он, кстати, совместной службы с Делле не отрицает. И даже написал в своих воспоминаниях: *«Я был вызван к коменданту. Майор сидел за столом вместе с капитаном. Он представил его, назвав Павлом Делле, который занимается всеми русскими делами в Риге. Делле встал, пожал мне руку и*

сказал, что очень рад меня встретить. Как оказалось, ему уже рассказывали про меня немецкие офицеры. И хорошо отзывались обо мне».

Вот и Делле высоко оценил Рутченко. Когда он спустя время принял участие в подготовке покушения на Сталина, то позвал и своего помощника. Рутченко стал готовиться вместе с диверсантом Тавриным. На первом же допросе тот показал: *«Одну из групп возглавляет Рутченко. Она насчитывает свыше 100 человек и готовится для развертывания басмаческого движения в Средней Азии. Рутченко до войны являлся преподавателем истории одного из ленинградских институтов. Во время войны он под Ленинградом перешел на сторону немцев и с тех пор активно работает в немецких разведывательных органах».* Эти показания подтвердила на допросе и бывший сотрудник гатчинской полиции безопасности Мария Каганова: *«Рутченко давал мне инструкции по выявлению враждебных немцам лиц, коммунистов и евреев».*

Деятельность Рутченко была по заслугам оценена на Родине. Под достаточно высоким № 58 он значится в знаменитом списке № 1 военных преступников, разыскиваемых советскими спецслужбами. Но при этом Москва не требовала от Парижа экстрадиции Рутченко. Казалось бы, почему? Совершенных им преступлений хватило для вынесения трех смертных приговоров. Однако кровавый след Рутченко был разбросан по десяткам следственных дел, и в отдельную разработку он не попал. Были преступники и серьезнее, выдачи которых и добивалась в первую очередь Москва. К Рутченко отнесли по остаточному признаку. Никто ведь 60 лет назад не мог бы представить себе, что пройдут годы и убийца станет уважаемым писателем, в своих книгах рассуждающим о нравственности и духовных основах общества.

Но при этом сам Рутченко сторонился журналистов. Не устраивал презентаций своих книг и не выступал на телевидении. Вероятно, понимал, что одно его неосторожное слово способно заставить людей заинтересоваться деталями биографии парижского писателя. Так и получилось. Моему коллеге Александру Кудакаеву во время работы над документальным фильмом «Охотники за нацистами» все же удалось побеседовать с Рутченко:

– Вы знаете, что в России вас до сих пор разыскивают как военного преступника?

– Я не понял вашего вопроса.

– Показания Ольги Колоколовой. Может быть, помните такую по Гатчине?

– Не помню.

– Пигулевского тоже не помните?

– Также не помню.

Рутченко совершил роковую ошибку, непростительную для профессионала. Он прокололся на мелочи. В этом коротком диалоге он подтвердил главное: в полиции безопасности он служил. Только вот свою подчиненную не помнит. Хотя ему нужно было отрицать сам факт своей причастности к карательному ведомству гитлеровской Германии. О каком-то старческом слабоумии не может идти и речи. Рутченко перестал давать интервью российским журналистам. Но наши западные коллеги, если захотят, конечно, подтвердят: с памятью у бывшего сотрудника полиции безопасности все было в порядке. Он до самой смерти с легкостью цитировал десятки документов из своих книг, держал в уме сотни фамилий. Только про свое участие в казнях мирного населения забыл. Зато его хорошо запомнили бывшие подчиненные. Из показаний курсанта разведшколы «Ленинград» Пигулевского: *«Рутченко был связан с Ригой, в совершенстве владел английским и немецким. 20 июля 1942 года он пришел ко мне и заговорил про политические перспективы России. Рассказывал про сотрудничество с офицером тайной гитлеровской политической полиции гестапо».*

Немногочисленные защитники Рутченко говорят, что документам советских спецслужб верить нельзя. Чтобы убедительно доказать его вину, нужны чуть ли не собственноручные донесения Рутченко в Берлин о его личном участии в казнях. И живые свидетели. Таких документов, вероятно, не существует. Как не существует и поименного списка всех расстрелянных в киевском Бабьем Яру. Известно только, что в этом месте осенью 1941 года немцы убили свыше 100 тысяч евреев и военнопленных. И свидетелей уже не осталось. Но осталась память о совершенных ими преступлениях. Она не позволяет нам сегодня забыть, что у выносивших и исполнявших смертные приговоры были имена, фамилии и воинские звания. Одним из них и был лейтенант гитлеровской службы безопасности Николай Рутченко. Он смог избежать суда и умер в своей парижской квартире. Он мог до гробовой доски рассказывать, что был просто переводчиком и боролся против Сталина. Но обманывал он только самого себя.

А Гаспарян какое имел отношение к смерти военного преступника, спросит меня иной читатель? Не сам же он же с ледорубом прокрался в Париж? Не стрелял же лично в пожилого человека? Не подсыпал ему подло цианистый калий в чай? Конечно нет. Но иной раз и слово убивает. Много лет я вел на радио популярную историческую программу «Теория заблуждений». Были в ней и выпуски про пособников оккупантов, лично

участвовавших в казнях. Про палача Хатыни Катрюка, например, рассказывал. Дошла очередь и до Рутченко. Было это в конце апреля 2013 года. Та программа произвела эффект разорвавшейся бомбы.

Мой телефон в буквальном смысле раскалился от звонков и писем. Многие были тогда в шоке. Рутченко – уважаемый человек, часто бывал в российском посольстве в Париже. Он передавал в «Дом русского зарубежья» в Москве редчайшие документы из своего архива. Его книги открыто продаются в крупных магазинах и считаются уже классикой по истории Белого движения. И вот последовали такие неблагоприятные факты из его жизни. Нет ли ошибки? Не опорочил ли уважаемого человека известный журналист?

Никакой ошибки. Документы по Рутченко хранятся в архиве Управления ФСБ по Санкт-Петербургу. Они многократно публиковались. Но, как и всегда в подобных случаях, мизерным тиражом. Обыватель, естественно, даже не подозревает об их существовании. На таком фоне Рутченко, конечно же, удавалось сохранять респектабельный вид. Но только до определенной поры. Пока я их не озвучил в эфире на многомиллионную аудиторию и не показал на сайте программы.

Но окончательно Судный день для Рутченко наступил после публикации моей статьи о нем во влиятельной американской газете. На этот материал был выделен целый разворот, в том числе для фотокопий документов. Попросили написать максимально просто – для западного читателя. Объяснить ему то, что всем в России известно с детства. Например, что такое гестапо. Только в первый день статью «Парижский убийца» на сайте газеты прочитало больше двух миллионов человек. А спустя сутки Рутченко отдал богу душу. Не покаившись в содеянном в годы Великой Отечественной войны.

В смерти писателя и бывшего лейтенанта полиции безопасности Третьего рейха обвинили, разумеется, меня. Ясное дело, умучил благородного старца. Некоторые особенно не отягощенные извилинами обещали жаловаться на меня во всевозможные инстанции. Испытывал ли я тогда угрызения совести? Нет. Открывал документы по зверствам немцев и их пособников на оккупированных территориях и начинал перечитывать. Понимал, что на месте расстрелянных могли оказаться мои родные или близкие. Их казнили такие вот рутченки. Хладнокровно убивали в затылок, вешали на площадях, сжигали живьем, отправляли в концлагеря.

Я жалею только об одном: Рутченко избежал суда. Он должен был ответить перед народом своей страны, которую предал, за совершенные преступления. Он заслужил смертного приговора, пусть нынче на него и

мораторий. Для таких преступлений нет срока давности. Уповаю теперь лишь на то, что Суд Божий вынес ему справедливый вердикт.

Покушения, которых не было

Я ничего не предпринимаю, но не буду препятствовать, если это сделает кто-либо другой.

В. фон Браухич

Не столь давно довелось мне услышать блистательный монолог. К бесконечному срыву покровов с очень непростой эпохи Сталина я уже давно привык. Но вот эти откровения прозвучали необычайно свежо. Полностью цитировать не буду, чтобы не утомлять вас долгими разглагольствованиями очередного неугасимого светильника разума. Тезисно это выглядит следующим образом: духовно-нравственное опустошение было привнесено в народ при Сталине в силу принудительного лицемерия. Каждодневная и обязательная ложь, быстро входившие в привычку двоемыслие и цинизм, искусственный энтузиазм, демонстрация общественно-полезной, но насквозь фальшивой активности разрушали душу. Человек учился разоблачать замаскировавшихся врагов, наймитов империалистических разведок и с душевным подъемом одобрять мудрые решения партии и правительства, чтобы героически пожертвовать собой.

Вступать с этим в полемику бессмысленно. И привел я подобный страстный монолог лишь для того, чтобы показать: именно с таких воззрений нынче многие и оценивают покушения на Сталина. Вот возьмем, к примеру, операцию «Медведь» – хитрый план японской разведки по ликвидации Иосифа Виссарионовича во время его отдыха в Сочи. Во многих книгах по теме эти события описываются одинаково. Был некий беглый полковник НКВД Люшков. И задумал он осуществить покушение во время приема товарищем Сталиным лечебных ванн. Набрал себе в сообщники шесть белогвардейцев из «Союза русских патриотов». И только благодаря деятельности советского нелегала Лео (кто это такой – до сих пор неизвестно) зловерные козни были предотвращены. Когда диверсанты пытались пересечь советско-турецкую границу, по ним открыли пулеметный огонь. Трое погибли, трое поспешили ретироваться.

Вот объясните мне, почему, критикуя «каждодневную и обязательную ложь» в эпоху Сталина, наши либералы сами лгут чуть ли 24 часа в сутки? На кого рассчитан рассказ про операцию «Медведь»? Начнем с простого:

в 30-х годах звания «полковник НКВД» не существовало. Упомянутый Люшков был комиссаром государственной безопасности 3 ранга, что соответствует званию генерал-лейтенанта. Далее: «Союз русских патриотов». Такая организация действительно функционировала. Но не в Японии, а во Франции, и не в 30-х годах, а во время Великой Отечественной войны. И объединял этот самый «Союз» не врагов товарища Сталина, а напротив. Не случайно он потом будет переименован в «Союз советских патриотов», многие участники которого торжественно получают советские паспорта.

Г. С. Люшков, комиссар госбезопасности 3 ранга, ставший перебежчиком.

Вернемся к Люшкову. Я не понимаю восторга некоторых публицистов от его деятельности. Уже договорились до того, что стали сравнивать его со Штауффенбергом. Очень принципиальный человек был. Настоящий патриот. Другой просто не мог бы произнести таких слов: *«Я до последнего времени совершал большие преступления перед народом, так как я активно сотрудничал со Сталиным в проведении его политики обмана и терроризма. Я действительно предатель. Но я предатель только по отношению к Сталину»*. А вот теперь давайте рассмотрим деятельность этого изменника только по отношению к руководителю государства. Люшков передал японцам сведения исключительной важности: о дислокации войск на Дальнем Востоке, строительстве оборонительных сооружений, информацию о планах развертывания армии в Сибири и на Украине, раскрыл военные радиокоды. И вишенка на торте – выдал всех известных ему агентов советской разведки.

А был еще и психологический удар. Японские газеты растиражировали показания Люшкова, попутно увеличив в десять раз его данные по числу узников ГУЛАГа на Дальнем Востоке. Откуда впоследствии либеральные умы возьмут информацию о десятках миллионов политических узников советских лагерей, из которых до освобождения доживали единицы. С этой точки зрения покушение на Сталина действительно состоялось. И вышло удачным, чего нельзя сказать про другую историю. И не только потому, что Сталин к тому моменту был уже три года как мертв. Слишком уж бездарно сработали организаторы.

Апрель 1956 года. Прошло чуть больше месяца с момента доклада Хрущева «О культуре личности и его последствиях» на XX съезде Коммунистической партии Советского Союза. Известный американский журнал «Лайф» опубликовал материал на тему исключительной международной важности: за что был расстрелян маршал Тухачевский? Читатель погружался в увлекательный мир величайших военных гениев всех времен, невинно убиенных азиатскими ордами кровавых сталинских чекистов. И, разумеется, не обошлось в этом деле без роковых тайн. А до них читатель всегда жаден.

Началось все с перебежчика Орлова. Статус обязывал его выделяться на фоне когорты неутомимых разоблачителей СССР. И он очень старался. Должен признать, получилось у него неплохо. Вот характерный пример творческого осмысления проблемы: *«Это сообщение является самым сенсационным и, конечно же, тщательно охраняемым секретом в чудовищной карьере Иосифа Джугашвили, вошедшего в историю под*

именем Сталин. Эта тайна терзала душу Сталина и обрекала на смерть любого, кого подозревали в проникновении в нее». Оценили?

Поставьте себя на место западного читателя. Что он знал про Советский Союз? Исключительно то, что писали газеты про кровавого диктатора Джо, который загеноцидил все население своей страны и оккупированной им Восточной Европы. Про всесильное МГБ, которое готово ликвидировать любого врага коммунизма в любой точке мира. Про армию, которая подло грозит всему миру ядерным оружием. А тут вдруг читателю сообщают, что есть сокровенная тайна. Прямо как в русских сказках: смерть Кощея находится на конце иглы, игла – в яйце, яйцо – в утке, утка – в зайце, заяц спрятан в ларце, ларец висит на дубе, который, в свою очередь, растет на далеком острове Буяне.

Вот скажите, что такого еще можно было рассказать про Сталина, чтобы западный обыватель, побледнев, привстал со стула? Ежедневное собственноручное отрывание голов младенцам? Тайная операция по спасению Гитлера в мае 1945 года? Регулярные сатанинские мессы? Или что Сталин на самом деле женщина? Это все банально. Учитесь мыслить масштабно. Орлов так и поступил. Он нокаутировал аудиторию: Сталин – банальный провокатор, до революции бывший тайным агентом царской охраны.

Но огорошить почтеннейшую публику недостаточно. Надо это сделать убедительно, чтобы никто не посмел сомневаться. Лучше всего придать этому шпионский флер, в нужном месте не договорить, кое-где глубокомысленно закатить глаза. И вообще всем своим видом демонстрировать невероятную важность собственной персоны. Орлов сработал по высочайшим стандартам теории Станиславского. Итак, в 1936 году он попал в автомобильную катастрофу и вынужден был лечиться в Париже. Там его навестил двоюродный брат – заместитель начальника НКВД Украины, комиссар государственной безопасности 2 ранга Зиновий Кацнельсон. И, чтобы взбодрить изнывающего в клинике родственника, рассказал ему важную государственную тайну.

Когда коварный Сталин только-только надумал известить Тухачевского с Гамарником, он приказал народному комиссару внутренних дел Ягоде собрать компромат на вождей Рабоче-крестьянской Красной Армии. Сначала документы предполагалось изготовить, но хитрый и прозорливый Генрих Григорьевич предложил гораздо более перспективный план. Он отправил проверенного сотрудника в Ленинград, где хранился архив департамента государственной полиции. Там наверняка что-нибудь да найдется пикантного. На том и порешили. В результате чекист Штейн

обнаружил папку, в которой хранилась анкета с прикрепленной фотографией Сталина.

Радость была всеобъемлющей. Штейн уже видел, как за находку важного свидетельства пламенной революционной деятельности любимого вождя его повысят в звании и наградят орденом Красного Знамени. Изображение рисовало невероятно приятную картину. Георгиевский зал Кремля. Пусть и не лично Сталин, но хотя бы всесоюзный староста Михаил Иванович Калинин торжественно произносит: «Поздравляю вас, товарищ Штейн, с заслуженной наградой и благодарю за верность нашей советской Родине и родной Коммунистической партии». А чекист ответит, как положено: «Служу трудовому народу!» И будут потом на улицах долго смотреть пионеры вслед орденосцу и мечтать стать такими же верными последователями Сталина и Ленина, как Штейн.

Но счастье было недолгим. Внимательно прочитав найденный документ, несостоявшийся кавалер ордена Красного Знамени внезапно осознал, что не награды ему стоит ждать, а выстрела в затылок. Потому что документы свидетельствовали вовсе не о неутомимой подпольной работе будущего вождя народов, а о его провокаторской деятельности. Штейна пробрал могильный озноб.

Вне себя от ужаса, он понесся в Киев к своему лучшему другу – народному комиссару внутренних дел Украины, комиссару государственной безопасности 1 ранга Балицкому. Тот был потрясен ничуть не меньше Штейна. Вместе они еще раз скрупулезно изучили каждый документ и пришли к печальному выводу: да, товарищ Сталин активно сотрудничал с царской тайной полицией до середины 1913 года. Настроение у обоих испортилось необычайно. Каждый хорошо понимал: носители таких сведений долго не живут. Они получили повестку на тот свет.

Из любой безвыходной ситуации существует минимум один выход, не считая самоубийства. Можно было бы, в принципе, продумать схему, согласно которой доблестные чекисты разоблачили коварные козни врагов и помешали им опорочить любимого вождя с помощью грубой фальшивки. Да, скорее всего товарищ Сталин не поверил бы и все равно отправил их в расстрельный подвал, но так хотя бы шанс был. Балицкий же поступил на редкость глупо. Он поделился полученными сведениями с командующим Украинским военным округом Якиром, который, в свою очередь, сообщил обо всем Тухачевскому, а тот – своему ситному другу Гамарнику. В результате о документах не знал уже только ленивый. Так возник заговор военных, за участие в котором они все очень скоро были расстреляны.

В этом месте Орлов настолько увлекся описанием увлекательной детективной истории с участием Кацнельсона, Штейна и Балицкого, что внезапно произнес слова, которые ему ни в коем случае нельзя было говорить: *«Внезапное осознание того, что тиран и убийца, ответственный за нагнетание ужасов, был даже не подлинным революционером, а креатурой ненавистной охранки, побудило заговорщиков к проведению своей акции. Они решились поставить на карту свою жизнь ради спасения страны и избавления ее от вознесенного на трон агента-provokatora»*. Не будем мелочными и не станем заострять внимание на незначительной мелочи: кому именно была ненавистна царская охранка? Неужели поручику лейб-гвардии Семеновского полка Тухачевскому? Так он вроде бы тогда честно сражался за веру, царя и Отечество, не имея никакого отношения к революционной активности большевиков. Соответственно, и претензий к деятельности охранки у него быть не могло.

Повторяю, это мелочь. Важнее иное. Благодаря откровениям Орлова рухнет как карточный домик и исчезает как снег под лучами солнца тщательно оберегаемый миф о безвинно убиенных красных командирах-гениях, которых истребил невероятно мнительный и потрясающе мстительный Сталин. Сами подумайте: как это Тухачевский может быть невинной жертвой, если в его планах значилось избавление страны от диктатора? Любой нормальный человек понимает, что речь идет о совершении государственного переворота. Подобное деяние однозначно трактуется уголовным законодательством, согласно которому Михаил Николаевич и его друзья понесли наказание.

Далее Орлов выражает глубокие соболезнования потомкам, что важнейшие документы о деятельности товарища Сталина в дореволюционную эпоху куда-то стремительно исчезли в том самом злополучном 1937 году. Но нет такой крепости, которую не могли бы взять большевики. Наш неутомимый разоблачитель хоть и стал перебежчиком, но привычки, приобретенные в родном советском обществе, сохранил и даже приумножил. Поэтому сразу после выражения многословных огорчений по поводу подлого уничтожения Сталиным компромата он торжественно переходит к главному: *врешь, Иосиф Виссарионович, не возьмешь*. Уцелела чудом фотокопия, и попала она не абы к кому, а к самому Генеральному секретарю ЦК КПСС Никите Сергеевичу Хрущеву.

И так удачно все вышло, что произошло это ровно накануне проведения XX съезда. Хрущев был настолько потрясен открывшейся ему внезапно истиной, что, выдергивая из почти и без того лысой головы

остатки волос, рыдая и матерясь, взялся переписывать свою почти готовую речь к делегатам. Так и родился знаменитый доклад «О культе личности и его последствиях». Но не знал Хрущев, в силу своей ограниченности, что истинное положение вещей известно только Орлову, который являлся единственным носителем тайны Кацнельсона.

На западного читателя это, разумеется, произвело глубокое впечатление. Ему, не знающему советских реалий, не могла быть очевидна вся дикость подобного построения доказательной базы. В стране тогда не просто болтали, а делали это зачастую вместо производственных успехов. Особенно грешили им деятели Российской социал-демократической партии большевиков с дореволюционным стажем. Многие считали себя обделенными высокими постами и государственными наградами. И рассуждали о том, что у власти оказались явно не те, кому следовало бы. Их, верных ленинцев, отодвинули в сторону, а заправляет всем бывший народный комиссар по делам национальностей. Должность-то мизерная, а ведь как поднялся!

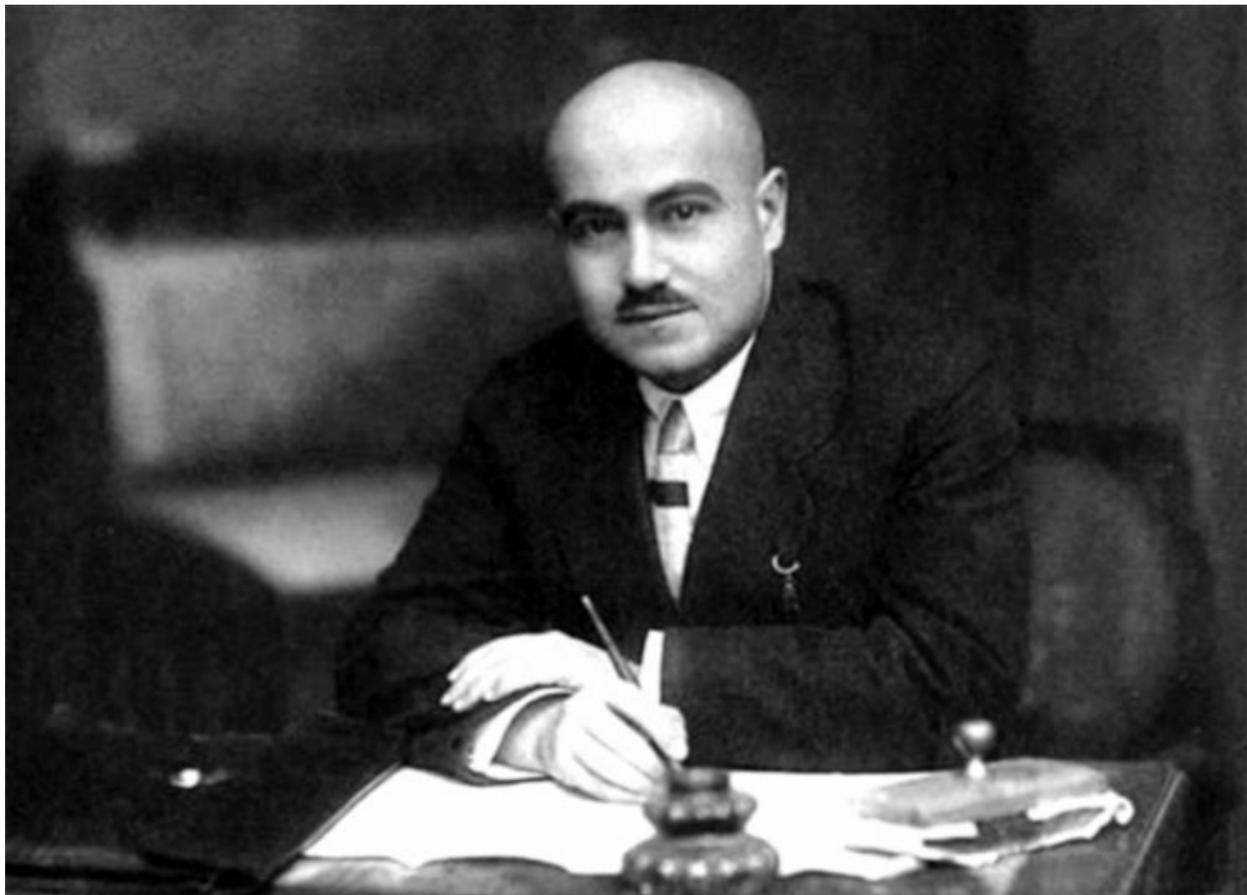
Повторяю, об этом болтали на любом уровне: от недовольных в ЦК партии и Совнарком до обиженных на заседаниях общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев. И не какой-то незначительный по меркам страны Кацнельсон, которого в любой момент можно было заменить на условных Гогоберидзе или Вальцмана, а гораздо более знаковые фигуры. И что, всех расстреливать за распространение слухов про товарища Сталина? Ведь о чем только ни судачили: и что жену Сталин собственноручно застрелил, и Николаева на Кирова натравил, и с Троцким плохо поступил, и с Каменевым, и с Зиновьевым. Многих обидел великий вождь, но истину poznали только благодаря Кацнельсону.

Он, кстати, у нас сегодня числится невинной жертвой политических репрессий и, разумеется, сразу же был реабилитирован после смерти Сталина. Талантливый организатор и верный член Коммунистической партии, он бы задал жару немцам, доживи до июня 1941 года! Одним только орлиным взором обратил бы в бегство печально знаменитую дивизию СС «Флориан Гайер». Так позвольте мне рассказать о некоторых фактах из жизни Зиновия Борисовича, чтобы каждый смог однозначно самому себе ответить на простой вопрос: можно ли доверять его безукоризненно честному мнению?

Он получил юридическое образование в Московском государственном университете, пусть и незаконченное. В годы Гражданской войны последовательно был заместителем председателя Особого отдела Юго-Западного фронта и Особого отдела 12-й армии. Кацнельсон прославился

демонстративным попранием всех возможных правовых норм и исключительной даже для эпохи смуты беспощадностью. После разгрома Белого движения на юге России он стал начальником ЧК Архангельской губернии. Отличился жесточайшим подавлением выступлений старообрядцев и бунтов среди малых народов. Больше всех досталось коми и удмуртам.

И в дальнейшем Кацнельсон оставался верен своему образу. Именно он помешал Берии найти компромисс с меньшевиками, которые пользовались популярностью в Грузии. Результат вышел закономерным – многочисленные крестьянские волнения. Только личное участие Лаврентия Павловича в переговорах с восставшими помогло избежать масштабного кровопролития. Кацнельсон же был отправлен курировать раскулачивание на Северный Кавказ. Справился блестяще (с его точки зрения, разумеется). Залил кровью регион. И пока великий писатель Шолохов лично не пожаловался Сталину на творящийся там полный беспредел, не угомонился.

З. Б. Кацнельсон, комиссар государственной безопасности 2 ранга.

Последовал перевод по той же линии на Украину. Сначала начальником Харьковского областного отдела ОГПУ, а потом и вовсе был назначен заместителем народного комиссара внутренних дел Украины. Тут Кацнельсон начал действовать в свойственной ему людобойской манере. Он несет прямую ответственность за массовые репрессии в республике по итогам закона от 1 декабря 1934 года. Именно подобные деятели заваливали ЦК донесениями о готовящихся террористических актах озлобленных и неуравновешенных отщепенцев из числа пособников мировой буржуазии. Таким образом и создавались предпосылки для масштабного развития политических репрессий в 1937–1938 годах.

Кацнельсона снова повысили – сделали заместителем начальника строительства канала «Москва – Волга» по режиму. В его обязанности входил контроль за условиями содержания заключенных. Вы, зная теперь подробности биографии этого, уж простите, упыря, будете после этого удивляться большому проценту смертности заключенных? А потом последовал арест даже без предъявления стандартных обвинений в работе на парагвайскую разведку, и Кацнельсона прислонили к стенке. Он этого заслужил. И подозреваю, что Сталин ничего, кроме омерзения, в момент вынесения смертного приговора не испытывал.

Теперь возвратимся к поставленному ранее простому вопросу: вы верите в свидетельство этого самого Кацнельсона о работе Сталина на царскую охранку? Не торопитесь, подумайте спокойно. Оцените этого человека непредвзято. Даю подсказку: даже на Западе, с их-то ненавистью к политическому строю в России, далеко не все поверили. А ведь там подробности работы комиссара государственной безопасности 2 ранга в органах ВЧК – НКВД были, разумеется, неизвестны. Именно поэтому теорию Орлова нужно было поддержать более авторитетным свидетельством. Что и было с успехом сделано тем же самым журналом «Лайф» в одном из следующих номеров.

Дочь великого русского писателя Льва Николаевича Толстого проживала в США. Она и предала огласке на специально созванной для этого пресс-конференции еще один «уникальный» документ – письмо от 12 июля 1913 года. Автор – полковник Еремин, заведующий Особым отделом Департамента полиции, курировавший деятельность Российской социал-демократической партии большевиков. Входящий номер письма – 2989. Я приведу его полностью и потом разберу по пунктам. Итак:

*«Начальнику Енисейского охранного отделения Железнякову.
Совершенно секретно. Лично.»*

Милостивый государь Алексей Федорович! Административно высланный в Туруханский край Иосиф Виссарионович Джугашвили-Сталин, будучи арестован в 1906 году, дал начальнику Тифлисского Управления ценные агентурные сведения. В 1908 году начальник Бакинского охранного отделения получает от Сталина ряд сведений, а затем, по прибытии в Петербург, становится агентом Петербургского охранного отделения. Работа Сталина отличалась точностью, но была отрывочная.

После избрания Сталина в Центральный комитет партии в городе Прага, Сталин, по возвращении в Петербург, стал в явную оппозицию правительству и совершенно прекратил связь с Охраной.

Сообщаю, милостивый государь, об изложенном на предмет личных соображений при ведении Вами розыскной работы. Примите уверение в совершенном к Вам почтении».

Журнал «Лайф» тут же опубликовал факсимиле этого письма и подробно рассказал о его происхождении. После Гражданской войны документ, находившийся, разумеется, в руках колчаковцев, был благополучно вывезен ими в Маньчжурию, а оттуда в США, где хранился долгие годы у русских эмигрантов. Его подлинность подтвердил сам бывший жандармский генерал Спиридович. А это вам не какой-нибудь там Кацнельсон. Фигура видная. Что в Российской империи, что в эмиграции. Авторитетом пользовался серьезным. Мы ставить его под сомнение не будем, но скромно обратим внимание на нюансы.

Начнем с простого. Почему полковник Еремин, связанный с ценным агентом с 1908 года, называет его не привычным псевдонимом, а новым? Далеко не все члены Российской социал-демократической партии большевиков знали до революции, кто такой Джугашвили-Сталин. Скажу больше, сам Ленин в 1915 году просил своих соратников выяснить фамилию «Кобы». Это при его-то памяти. Оценили? Повторяю: какой смысл в совершенно секретном письме использовать псевдоним, который может быть неизвестен адресату?

Идем дальше. В письме грубейшим образом попираются все принятые в Российской империи правила делопроизводства. Некоторые положения действуют и до сих пор. В служебной переписке обязаны указывать должность и чин адресата и автора письма. Обратите внимание на текст. Почему-то пропущен чин Железнякова, и сам Еремин прекрасно обходится без должности и собственного чина. Больше того, даже собственную фамилию не указывает. Ограничивается скромной подписью.

Теперь внимательно смотрим на текст письма. Зачем сообщать в захолустный Енисейск такую информацию? Ценных агентов берегут, о них

не говорят кому попало даже внутри собственного ведомства. Допустим, начальнику в Енисейске приспичило узнать, чем ему может пригодиться в будничных заботах по сохранению спокойствия в державе Джугашвили-Сталин. В этом случае он напишет соответствующий запрос по инстанции. И получит ответ, который должен начинаться с фразы: «В ответ на ваше письмо сообщаем...» В нашем случае этого почему-то нет.

Сколько очевидных ляпов при самом беглом взгляде на «документ»! Чтобы увидеть их, не нужно даже обладать опытом работы в спецслужбах, достаточно быть просто внимательным человеком. Таким, к сожалению, не был Никита Сергеевич Хрущев. И вместо того, чтобы по примеру товарища Сталина послать этот источник в такой-то матери, поручил КГБ провести проверку обнародованных данных. Чекисты поморщились, но приказ выполнили. Обстоятельно все изучили и вынесли вердикт.

Полковник Еремин действительно служил заведующим Особым отделом Департамента полиции с 1910 года по июнь 1913-го. После этого был переведен на службу в Финляндию. Таким образом, дата с приведенным письмом не совпадает на месяц. Открываем журнал исходящей корреспонденции Особого отдела Департамента полиции за 12 июня 1913 года. Документ № 2988 не отправлялся. Больше того: номера исходящей корреспонденции за интересующий нас период не четырехзначные, а шестизначные. Пытливым умам даже сообщу, что нумерация в Департаменте полиции начиналась с 93001.

Идем дальше. Снова внимательно смотрим на письмо. Адресовано оно начальнику Енисейского охранного отделения Железнякову. Существует список общего состава чиновников отдельного корпуса жандармов за 1913 год. В нем такой человек действительно указан. Но вот какая досада, не Алексей Федорович, а Владимир Федорович. И не начальником Енисейского охранного отделения он служил, а был прикомандирован к тому самому Енисейскому жандармскому управлению без штатной должности.

Обращаю ваше внимание на важные обстоятельства. КГБ проверял эти сведения по прямому указанию Генерального секретаря ЦК КПСС после доклада «О культе личности и его последствиях». Сами понимаете, ни малейших причин исказить информацию и обелять Сталина в тот момент у чекистов не было. Именно поэтому приведенных данных вполне достаточно, чтобы осознать: перед нами – заурядная фальшивка. И надо иметь очень своеобразный мозг, чтобы верить в нее 2016 году. Тем более что не является тайной, как готовилось и осуществлялось это психологическое покушение на Сталина.

«Письмо» было распрекрасно известно в кругах русской эмиграции. Впервые оно упоминается еще в 1934 году. Спустя три года его владельцы, входившие в «Союз русских фашистов» в Маньчжурии и имевшие тесные связи с представителями террористической организации «Братство русской правды», попытались его выгодно продать. Сразу двум разведкам – японской и немецкой. Самураи не готовы были платить золотом за кот в мешке и провели экспертизу документа. Результат вышел понятно каким, и от фальшивки отказались. Специалисты Третьего рейха обратились за консультацией к членам Национально-трудового союза нового поколения. Так тогда назывался всем хорошо известный НТС. Уж на что они были лютыми врагами советской власти, но даже им не пришло в голову выдавать грубую подделку за подлинный документ.

Это успешно сделали американцы. И в свидетели себе взяли уже упоминавшегося генерала Спиридовича. Как же мог профессионал, а генерал им, несомненно, являлся, не заметить всех диких нестыковок этого документа? Быть может, чувствовал себя душевно не очень хорошо? Нет, все было прозаичнее. Я прошу прощения за длинную цитату, которая сейчас последует. Но это надо читать полностью! Это настолько прекрасно и показательно, что даже в комментариях не нуждается. Готовы удивиться?

«Не является ли письмо Еремина подложным? Нет. И своими недоговорками, и всей своей «конспирацией» оно пропитано тем специальным розыскным «агентурным» духом, который чувствуется в нем и заставляет ему верить. Это трудно объяснить. Но я это чувствую, я ему верю. Этой внутренней правдой письмо и взволновало меня. Я долго не мог успокоиться, прочитав его. Это удивительный документ. Где-то в рассказах кавказцев о Сталине было указано, что его подозревали там, в молодости, в выдаче сотоварищей. Где-то это было. Верить надо содержанию письма, его внутреннему духу. Они категоричны. Сталин предавал своих».

Тут можно было бы и поставить точку в этой истории, но в современной России нашлись сотни людей, которые продолжают упорствовать в своих заблуждениях на счет подлинности этого письма. Их диапазон очень широк – от публицистов до докторов исторических наук. Последние особенно радуют. Один из них, в частности господин Арутюнов, заявил, что еще в 1961 году, работая в Центральном государственном архиве Октябрьской революции и социалистического строительства, изыскал важный документ в фонде Департамента полиции Енисейского губернского жандармского управления. Не ставя под сомнение заслуги этого человека перед отечественной историей, позволю скромно

заметить, что такого архивного фонда в ЦГАОР СССР никогда не было. А значит, найти письмо полковника Еремина в несуществующем фонде попросту невозможно. Но кого и когда останавливали такие мелочи, если перед тобой великая цель?

А. И. Спиридович, генерал-майор Отдельного корпуса жандармов.

Одно это, в принципе, может свидетельствовать о крайне прискорбном явлении: представление общества об истории родной страны уже который год находится в коме. Государство привычно обреченно тратит значительные средства на искусственную вентиляцию легких. Дежурят у постели больного вице-премьеры правительства и спикеры

Государственной думы. Иногда призовут в отчаянии какого-нибудь народного целителя, который невероятным усилением воли и призывом на помощь всех святых, в земле российской просиявших, все-таки заставит пациента на пару минут открыть глаза и посмотреть вокруг равнодушным, никого не узнающим взором. Этим мгновениям будут потом посвящены многочисленные пространные монологи легиона экспертов по никаким вопросам. Но улучшения состояния больного не последует принципиально.

О чем вообще можно говорить, если у нас профессионалы, которым за их интеллектуальную деятельность платит казна, демонстрируют иной раз настолько потрясающее невежество, что хочется попросить президента страны закрыть на пару лет исторические учреждения. Невозможно все время находиться в интеллектуальном тумане, но и выйти из него с такими поводырями нельзя. Взять хотя бы мой любимый пример. Экс-профессор МГИМО и, разумеется, доктор исторических наук Андрей Борисович Зубов, ныне полезший зачем-то в политику в рядах «Парнаса».

Выглядит он уходящей натурой. Вальяжный, горящие убежденным блеском глаза, эмоциональная, хотя и неторопливая, речь. А главное – ухоженные усы. С такими усами на плакатах первых лет советской власти когда-то красовались помещики и фабриканты. Дополняет картину монокль. Для полноты образа барина не хватает самой малости: сигары, цилиндра и трости. Впрочем, можно обойтись и без них, типаж не пострадает.

Широкой общественности Зубов стал известен после заявления о том, что возвращение Крыма в состав России ничем не отличается от аншлюса Австрии. Но это были еще цветочки. Потому что в дальнейшем Андрей Борисович с завидным постоянством начал выдавать одно удивительное откровение за другим. Не знаю, кому как, но мне невероятно понравилась вот эта бесценная мысль доктора исторических наук: *«Степан Бандера сражался не с Украиной, а с тоталитарной советской системой, которая уничтожала всех граждан за любое инакомыслие. Поэтому любая попытка освободить их от этого государства уже была элементом справедливости. И в этом смысле бандеровское движение более оправданно с точки зрения морали, чем сталинское Советское государство. Вот это надо объяснять – последовательно и системно».*

Тут можно было бы рассуждать чрезвычайно долго. Ограничимся лишь одним фактом. «Волынская резня», которую устроили бандеровцы. По разным оценкам, до 100 тысяч погибших. Теперь зададимся простыми вопросами. Является ли это преступление против человечества борьбой с советской тоталитарной системой? Считается ли убийство многих тысяч

поляков справедливым, как утверждает Зубов? С точки зрения какой морали можно оправдывать уничтожение людей по национальному признаку? Известны ли господину профессору программные документы краевого провода ОУН? Вопросы можно продолжать еще долго.

Член Политбюро ЦК ВКП (б) А. А. Жданов.

Я это рассказываю с одной целью: до тех пор, пока подобные господа будут расцениваться обществом как авторитеты в своей сфере, наше представление о невероятно сложной сталинской эпохе так и замрет навечно на уровне «письма Еремина». И можно проводить посвященные исправлению этой прискорбной ситуации заседания правительства хоть каждый день – ничего не изменится. Как сказал классик, разруха не в клозетах, а в головах. В нашем случае – проблема в идеологии, под которую подгоняются факты.

Есть у этой ситуации и удручающие последствия. В тени великого эпоса «Сталин был агентом царской охраны» остается гораздо более

интересное «дело врачей». Готовились ли покуситься люди, давшие клятву Гиппократа, на членов советского правительства и лично товарища Сталина или нет? Профессиональные освоители грантов иностранных демократических фондов вывели универсальную формулу – «одна из многочисленных провокаций диктаторского режима Сталина, который сам инспирировал это дело». С кем ни поговоришь, только это и услышишь. Без подробностей. Никто не может назвать не то что фамилии этих врачей, но даже ответить на простой вопрос: когда и с чего начинается это самое дело?

Сегодня про Андрея Александровича Жданова если и вспоминают, то исключительно в свете бредовых утверждений экспертов «Эха Москвы» о том, что он объедался в блокадном Ленинграде пирожными да ананасами. Запущен был этот миф еще во времена перестройки. Авторы никак не могли поверить, что все представители советского партийного руководства жили весьма скромно. Некогда им было посмотреть, например, на список личных вещей Сталина, который был составлен после его смерти. Аскет во всем, он настоятельно требовал того же и от своего окружения. И относился к любым злоупотреблениям соответственно. Впрочем, это отдельная история.

Вернемся к Жданову. Он был, выражаясь современным языком, одним из политических тяжеловесов сталинской эпохи. Умер еще не старым человеком. Но ничего загадочного в его смерти нет: Жданов страдал от гипертонии, атеросклероза, грудной жабы и сердечной астмы. Огромная нагрузка в работе, частые многочасовые ночные совещания у Сталина, постоянное нервное перенапряжение – все это способно расшатать даже самое богатырское здоровье. Жданов задыхался во время разговора, лицо покрывалось розовыми пятнами. После нескольких фраз он делал паузу и глубоко втягивал в себя воздух.

Именно со смерти Жданова и начинается то самое «дело врачей». Виной всему – многочисленные спекуляции западных изданий. Если английские газеты подчеркивали близость покойного к Сталину и характеризовали его как одного из самых видных деятелей Коммунистической партии, то, например, в некоторых французских СМИ последовали сенсационные заголовки из серии «Убит главный ненавистник демократии». Естественно, что в СССР на это обратили внимание. Успешный поиск и разоблачение врагов были одним из ярчайших проявлений всей сталинской эпохи. Разумеется, и в этом случае отказываться от традиции не стали. Хотя и выдержали паузу.

13 января 1953 года на четвертой полосе газеты «Правда» в разделе

«Хроника ТАСС» появилась заметка «Арест группы врачей-вредителей». В ней, в частности, говорилось: *«Преступники признались, что они, воспользовавшись болезнью товарища Жданова, неправильно диагностировали его заболевание, скрыв имевшийся у него инфаркт миокарда, назначили противопоказанный этому заболеванию режим и тем самым умертвили товарища Жданова»*. Естественно, что не одним только Андреем Александровичем ограничивались планы врагов. Список потенциальных жертв включал в себя маршалов Василевского, Говорова и Конева, адмирала Левченко, генерала Штеменко и многих других видных деятелей Советского государства. Сталин не упоминался, но он считался главной целью любого заговора по умолчанию.

Надо понимать особенности той эпохи. Для любого советского человека статья в главной газете страны априори считалась путеводной звездой. Не нужен даже вердикт прокурора, все предельно ясно даже ребенку. В обществе немедленно развернулась масштабная пропагандистская кампания с требованием жестоко покарать «убийц в белых халатах». И только смерть Сталина, наступившая через полтора месяца, остановила не менее грандиозное повторение массовых арестов 1938 года.

Сегодня мы можем восстановить хронологию тех событий. В Министерство государственной безопасности СССР поступило заявление врача Кремлевской больницы Тимашук. Она выражала глубокие сомнения в профессиональных способностях светил отечественной медицины. Оставить такой сигнал без проверки органы, разумеется, не могли. В обстановке строгой секретности следственная часть по особо важным делам взялась за работу. С амбулаторных карт всех высших руководителей партии, государства и армии сняли копии. Изменили фамилии пациентов и отправили фельдъегерской почтой в ведущие медицинские институты страны. А затем внимательно изучили вердикты врачей.

Вы сомневаетесь, каким именно он был? Разумеется, была успешно вскрыта *«целенаправленная работа по расшатыванию здоровья и обострению имевшихся заболеваний всех пациентов без исключения»*. По-новому взглянули и на смерти Горького, Фрунзе, Куйбышева, Щербакова. И, разумеется, Жданова, боль от потери которого была еще свежа у всего советского народа. О полученных результатах расследования немедленно доложили руководству страны. Последовало решение об аресте кремлевских врачей.

Как мы помним в случае с делами Енукидзе и Петерсона, Тухачевского и Гамарника, основой для следствия послужили многочисленные

оперативные мероприятия. Здесь все было значительно проще. Письмо врача Тимашук – и закрутилась без раскочки карательная машина. Но что содержалось в исходном документе и, главное, когда оно было написано? Случилось это еще в августе 1948 года. Место действия – правительственная дача на Валдае. Воздух там был целебным и, как рассчитывал Жданов, должен был ему помочь.

Но член Политбюро и секретарь Центрального комитета Всесоюзной Коммунистической партии большевиков был уже слишком больным человеком. Состояние его нисколько не улучшалось от отдыха на природе, а, напротив, стремительно ухудшалось. Из Кремлевской больницы к нему едут врачи. Жизнь ответственного работника Советского государства под угрозой. Жданова нужно спасти.

Л. Ф. Тимашук, инициатор «дела врачей»

Откроем следственное дело врачей. Терапевт Майоров на одном из допросов рассказал, как происходили события: *«Прилетела врач-кардиографист Тимашук. Проведя электрокардиографические исследования, Тимашук сообщила мне, что она считает, что у Жданова инфаркт. Я ответил, что, согласно клиническим данным, непохоже. Однако она продолжала утверждать, что у Жданова все-таки инфаркт. Это озадачило не только меня. Единодушно пришли к выводу, что Тимашук не права, и диагноз инфаркта миокарда не подтвердили, продолжая лечить Жданова от прежнего заболевания».*

То есть перед нашими глазами предстает классический пример образованщины. Ох уже эта вечная манера удивительных людей безапелляционно высказывать свою точку зрения и упорствовать в заблуждениях. Многие наивно полагают, что это массово происходило в нашей стране исключительно в лихие девяностые. Поверьте, в эпоху Сталина это случалось гораздо чаще. Такие вот Тимашуки заняли посты после массовых репрессий 1938 года, и именно их деятельная глупость закономерно привела ко многим печальным последствиям первых месяцев Великой Отечественной войны. Но спрашивать с них за это было бессмысленным занятием. Сталин это хорошо понимал.

Тимашук, разумеется, яростно продолжала отстаивать внезапно открывшуюся ей истину и требовала строгого постельного режима для больного. Была Лидия Федосеевна советским человеком той эпохи и понимала, что нужно перестраховаться. А лучший способ для этого успешно проверен прошлым десятилетием – донос в компетентные органы. 29 августа 1948 года она пишет жалобу на деятельность своих коллег начальнику Главного управления охраны МГБ СССР генералу Власику. В письме подробно сообщается о различиях в оценке состояния здоровья Жданова.

После проверки сведений о поступившем сигнале докладывают Сталину. Многие, наверное, сейчас подумали, что было тут же открыто уголовное дело, обыски и аресты начались у всех фигурантов истории. Заговор против лидеров государства – не шутка. Как бы не так! На сообщении главы МГБ Абакумова проставлена резолюция Генерального секретаря: «В архив». Туда письмо Тимашук и отправилось. Вспомнили о нем только через четыре года. Все это время положение бывшего гинеколога, которая перепрофилировалась в терапевта, было сложным. Слишком серьезное заявление она сделала, не будучи при этом лечащим врачом Жданова. Поставила под сомнение авторитет ведущих

специалистов. Письменно отказалась от собственного диагноза. В любой момент ее могли уволить из Кремлевской больницы с «волчьим» билетом.

Казалось бы, в истории пора ставить точку. Странная женщина сделала громкое заявление, ее выводы вполне ожидаемо не подтвердились. Нечего расследовать. Не с чем идти к прокурору. Именно так чекисты считали вплоть до появления так называемого «дела Еврейского антифашистского комитета». Тогда в их поле зрения попал профессор 2-го Московского медицинского института Яков Этингер. Будучи подлинным научным светилом в своей области, он регулярно привлекался к лечению лидеров Советского государства. Был он, разумеется, хорошо знаком и со многими врачами из Кремлевской больницы.

М. Д. Рюмин, заместитель министра Министерства государственной безопасности СССР.

Именно этот факт и не понравился следователю по особо важным делам Министерства государственной безопасности СССР полковнику

Рюмину. Был он крайне неприятным человеком, если выразаться тактично. А если назвать вещи своими именами, это был безмозглый костолом. Одно только его прозвище говорит о многом – «Кровавый карлик». Согласимся, чтобы заслужить такое после Ежова, нужно было очень постараться. Михаил Дмитриевич себя в этом смысле не жалел, буквально горел на работе.

Его подследственные в полной мере испытывали на себе весь арсенал жестких методов допроса. Но не только этим был славен Рюмин. Он лично написал донос на своего непосредственного начальника Абакумова и потом вел следствие, превратив создателя СМЕРШа в инвалида. Его все три года заключения держали в кандалах, в холодной камере в половину человеческого роста. Но вины своей Виктор Семенович не признал. Невероятной внутренней силы был человек.

Рюмина же эта неудача не подкосила. На его счету и так называемый «сионистский заговор», когда врагами народа были объявлены еврейские деятели культуры и искусства. Не обошел он своим вниманием и евреев – офицеров МГБ. Стоит ли удивляться, что на основе показаний профессора Этингера Рюмин тут же слепил новое громкое дело о врачах-убийцах, которые неправильным лечением убивают руководителей партии и правительства?

Он проявил такое рвение, что несчастный профессор умер в камере после одного из допросов. Следствие шло полным ходом и подтверждало опасения Сталина, что без масштабного заговора тут не обошлось. Одно лишь незначительное обстоятельство портило общую картину: не было собрано серьезной доказательной базы. Рюмин сбил кулаки о несчастных врачей, которые упорно не признавали за собой вины. Но фактов не было. И тут кто-то вспомнил про письмо Тимашук. Ее немедленно вызвали и обстоятельно допросили. После этого и появляется то самое сообщение ТАСС про «врачей-убийц».

№ 223/154.

КАЗ ПРЕЗДИИ ВЕРХОВНОИ РАДИ СРСР
КАЗ ПРЕЗИДУМА ВЕРХОВНАГО СОВЕТА СССР
СРР ОЛИИ СОВЕТИ ПРЕЗИДУМИНИИГ ФАРМОНИ
СРР ЖОГАРТЫ СОВЕТИ ПРЕЗИДУМИНЫИ УКАЗЫ
KAZ PREZIDIUMI VERCHOVNOI RADI SRSR
KAZ PREZIDIUMI VERCHOVNOGO SOVETA SSSR
SRR OLII SOVETI PREZIDUMINIIG FARMONI
SRR JOGARTY SOVETI PREZIDUMINYI Uказы

PSRS AUGSTAKAS PADOMES PREZIDIJA DEKRETS
СССР ЖОГОРКУ СОВЕТИНИИ ПРЕЗИДУМУНИИ УКАЗЫ
УКАЗЫ ПРЕЗИДУМИ СОВЕТИ ОЛИИ СССР
KAZ PREZIDIUMI VERCHOVNOI RADI SRSR
KAZ PREZIDIUMI VERCHOVNOGO SOVETA SSSR
SRR OLII SOVETI PREZIDUMINIIG FARMONI
SRR JOGARTY SOVETI PREZIDUMINYI Uказы
PSRS AUGSTAKAS PADOMES PREZIDIJA DEKRETS

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении орденом Ленина врача
Тимашук Л.Ф.

За помощь, оказанную Правительству, в деле
разоблачения врачей-убийц наградить врача **ТИМАШУК**
Лидию Федосеевну орденом ЛЕНИНА.

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР -
(Н.Шверник)

Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР -
(А.Горкин)

Москва, Кремль.
20 января 1953 г.

д.№ 180.

Указ о награждении Л. Ф. Тимашук орденом Ленина. После смерти Сталина его отменяют.

Изначально список отщепенцев славного советского общества был

невелик – всего девять фигурантов. Вошел в него и профессор Егоров. Его вина состояла в том, что он понизил в должности Тимашук после истории с ее диагнозом Жданову. То есть проявил себя как социально чуждый элемент. Но следствию этого было мало. Не может заговор против лидеров Советского государства и лично Сталина состоять из каких-то девяти человек. Поэтому на основе их показаний были арестованы еще десятки людей.

Тимашук стала известна всему Советскому Союзу. Это от ее недремлющего классового сознания не укрылась предательская и преступная деятельность «врачей-отравителей». Ее наградили высшей наградой страны – орденом Ленина. Газета «Правда» писала в те дни: *«Имя врача Лидии Федосеевны Тимашук стало символом советского патриотизма, высокой бдительности, непримиримой, мужественной борьбы с врагами нашей Родины. Она помогла сорвать маску с американских наймитов, извергов, использовавших белый халат врача для умерщвления советских людей».*

До сих пор не смолкают споры: чем бы закончилось «дело-врачей», проживи Сталин дольше? В годы перестройки был популярен миф о том, что шпионов и двурушников в медицинских халатах планировали повесить на Красной площади. Странное утверждение. Обычно в СССР избегали подобной театральности. Большинство врагов народа было расстреляно подальше от людских глаз. Исключение сделали для самой отпетой дряни – пособников немцев в годы Великой Отечественной войны. Например, фигурантов Краснодарского процесса казнили на центральной площади города в присутствии около 50 тысяч человек. Однако подобные исключения лишь подтверждают правило.

Всех фигурантов «дела врачей» спасла смерть Сталина. В развернувшейся в Политбюро борьбе за наследство эта постыдная история была однозначно лишней. Поэтому арестованных без лишней шумихи освободили, немедленно восстановили на работе и полностью реабилитировали. Их место в камерах заняли другие люди. Прежде всего – Рюмин. Его арестовали через 12 дней после кончины великого вождя и учителя, а через год с небольшим Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила его к высшей мере наказания с конфискацией имущества. С расстрелом долго тянуть не стали.

Тимашук повезло больше. Ее не поставили к стенке и даже не привлекли за дачу ложных показаний. Всего лишь лишили ордена Ленина. Раз нет «дела врачей-убийц» – нет и никакого подвига. Нечего обесценивать главную награду страны. А чтобы Лидии Федосеевне совсем

уж обидно не было, ее наградили спустя год орденом Трудового Красного Знамени за долгую и безупречную службу. Безукоризненная формулировка, не придерешься.

А сейчас я скажу то, что очень многим может категорически не понравиться. Но и не произнести этих слов не смогу. Надо быть честным. Тимашук очень сложно упрекнуть в чем-то серьезном. Да, она не была светилом советской медицины и поставила ошибочный диагноз Жданову. Так случается регулярно. Не побоялась отстаивать свою точку зрения. Хотела сделать как лучше, но получилось, к сожалению, как всегда. Если вдуматься, то ее донос – классический пример человека, который радеет за дело. Другой вопрос, что в эпоху тотальной образованщины она встала в один ряд с большими учеными.

Едва ли она писала свое письмо в надежде получить повышение по службе или заработать иные материальные блага. По сути же, благодаря деятельности даже не Рюмина, а Хрущева ее имя стало нарицательным. А при чем тут Никита Сергеевич? – гневно спросит меня какой-нибудь сверяющий пульс жизни с «Эхом Москвы». Дело в том, что Тимашук стала фигурантом того самого доклада «О культе личности и его последствиях». Большинство тех, кто восхищается хрущевской принципиальностью, этот документ никогда не читали. Поэтому познакомлю их с таким хрущевским пассажем: *«Собственно, никакого «дела» не было, кроме заявления врача Тимашук, которая, может быть, под влиянием кого-нибудь или по указанию (ведь она была негласным сотрудником органов госбезопасности), написала Сталину письмо, в котором заявляла, что врачи якобы применяют неправильные методы лечения».*

Вдумайтесь в реалии той эпохи. Достаточно одного предложения, озвученного с большой трибуны, в котором к тому же, вероятно, сознательно искажается подлинный ход событий, и к тебе на всю оставшуюся жизнь приклеивается постыдное клеймо провокатора, да еще и антисемита. И слушать твои объяснения никто не станет, можешь даже не стараться. Коллеги начнут смотреть на тебя с искренним презрением. «Шестидесятники» будут неистово проклинять тебя до самой смерти. А тот самый Хрущев уже и думать про тебя забыл. Такая вот цена за участие в очередном несуществующем покушении на Сталина.

Кстати, о заговорах, которых не было. После «письма Еремина» и «дела врачей-убийц» те события не только значительно померкли, но и полностью оказались на обочине общественного внимания. А ведь было время, когда их активно обсуждали. Давайте исправим эту несправедливость. Интересного в них, конечно, крайне мало, но наше

общее представление об эпохе они, несомненно, дополнят.

Первое так называемое покушение произошло в ночь на 26 августа 1931 года. Место действия – Ривьерский мост в Сочи. Правительственный «Бьюик», в котором находились Сталин и Ворошилов, попал в аварию. Охрана открыла стрельбу. Шофер грузовика, с которым столкнулась машина Генерального секретаря, с места происшествия скрылся. Его, разумеется, быстро нашли. В ту ночь он был страшно пьян, своей вины в ДТП не отрицал. Но и намерений убить Иосифа Виссарионовича и Климента Ефремовича, разумеется, не имел.

Спустя месяц произошло еще одно экстраординарное событие. Сталин отдыхал на правительственной даче в Гаграх. В один из дней он захотел совершить морскую прогулку к мысу Пицунда. На обратной дороге катер был обстрелян из винтовки. Раненых и убитых не было. Немедленно провели следствие. Выяснилось, что стреляли пограничники: их забыли предупредить об этом катере. Однако все три выстрела были предупредительными. Старшему наряду пограничников сержанту Лаврову дали пять лет лагерей. После смены народного комиссара внутренних дел с Ягоды на Ежова его дело истребовали из архива, и ставший «орудием троцкизма» сержант был расстрелян как террорист.

Следующий эпизод произошел в мае 1935 года. Самолет Ант-20 столкнулся в воздухе с И-5. Обе машины упали на землю, все члены экипажей и пассажиры погибли. Официальная версия – несчастный случай и халатность. Но за границей заговорили о покушении на Сталина. Варшавская газета «Меч» напечатала обращение пилота И-5 Брагина, в котором он, признавая себя противником большевизма, собирался сознательно пойти на таран самолета, где должны были находиться Сталин, Молотов, Орджоникидзе и Каганович. Но, скорее всего, речь идет о фальшивке. В Речи Посполитой ими не брезговали. Ни тогда, ни сейчас.

Особняком стоит в этом перечне, пожалуй, лишь дело Николая Дмитриева. Это самая мутная история. В ноябре 1942 года он спрятался на Лобном месте Красной площади. Как только из Спасских ворот Кремля выехала правительственная машина, этот красноармеец-дезертир открыл огонь. Он успел сделать несколько выстрелов, прежде чем был схвачен охраной. Только одна из пуль попала в цель. Была разбита фара в автомобиле председателя комитета продовольственно-вещевого снабжения Красной Армии Анастаса Микояна. Никто не пострадал.

На допросе террорист заявил: *«До войны наши руководители в газетах и по радио всегда утверждали, что, если начнется война, мы будем драться на территории противника. А вышло наоборот – немец все*

дальше идет, уже до Москвы дошел. Сколько людей полегло. Вот я и решил устроить свой личный суд над верховной властью за обман народа». Считалось, что Дмитриев был психически болен. Проведенное следствие не выявило ни единой его связи с врагами народа. Кристально чистая биография парня из рабочей семьи. Это не помешало спустя восемь лет расстрелять бывшего рядового Московского корпуса ПВО по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР.

Вот, казалось бы, классическое покушение. В лучших традициях боевой организации партии социалистов-революционеров. Только эпоха тогда была уже совершенно иной. И одиночка, даже обладая профессиональной подготовкой, совершить его был неспособен. Позвольте, скажет мне кто-то, но Штауффенбергу почти удалось взорвать Гитлера, а Освальд убил Кеннеди. Все так, за исключением одного пустяка. Система охраны вождей СССР подобные операции исключала в принципе.

Сталин далеко не случайно называл себя лучшим учеником Ленина. Он таковым и был во всем, в том числе в вопросах обеспечения собственной безопасности. История покушения Каплан (о нем я подробно рассказывал в книге «Тайна личности Ленина») была тщательным образом изучена соответствующими ведомствами. И выводы были сделаны правильные. Потому и не нашлось желающих внести в кабинет товарища Сталина бомбу в ноябре 1941 года. При советской системе охраны вождя отечественный аналог графа Штауффенберга был бы остановлен если не на первом посту охраны, то на втором – с гарантией в 300 %.

В стране, где шпиономания на определенном этапе была едва ли не ключевой сферой интересов общества, иначе и быть не могло. Это только в последние тридцать лет у нас безостановочно льют грязь на силовые ведомства. Но в то время на территории Советского Союза царил всепоглощающий культ НКВД. «И недаром лучшие чекисты боевые носят ордена» – это не просто строчка из популярной тогда песни. Если угодно, это образ жизни. Мечта каждого комсомольца. И с этой точки зрения Сталин был великолепно защищен. Чего, кстати, нельзя сказать про Гитлера. На драгоценную жизнь фюрера германской нации неблагодарные немцы покушались более 40 раз. И хотя было в Третьем рейхе гестапо папаша Мюллера и не менее преданный вождю «Гитлерюгенд», толку от них было немного.

А вот когда Иосиф Виссарионович зачем-то заменил своего многолетнего начальника охраны, тогда и случились события, которые многими расцениваются как убийство. К этой истории мы и переходим.

Загадка смерти Сталина

В эти скорбные дни все народы нашей страны еще теснее сплачиваются в великой братской семье под испытанным руководством Коммунистической партии, созданной и воспитанной Лениным и Сталиным.

Из обращения ЦК КПСС к народу 5 марта 1953 года

Полагаю, среди моих читателей нынче много тех, кто не застал реалий жизни в Советском Союзе в силу юного возраста. Им, привыкшим к тому, что любая информация всегда доступна, будет невероятно трудно поверить в существование черного книжного рынка. Тогда, в самом конце 80-х – начале 90-х годов, в Москве хорошие новинки можно было иной раз достать только у спекулянтов на Кузнецком Мосту. Они были способны ловко извлечь из пакета модный детектив или что-то популярное в жанре политических мемуаров. Это сегодня ты зашел в Интернет и читай все, что твоей душе угодно. А в то время нужно было изрядно постараться, чтобы, например, достать воспоминания вдовы Бухарина или «Они окружали Сталина». А ведь тиражи тогда были не чета нынешним.

Однажды увидел я в руках у одного из таких «жучков» маленькую неприметную книжку. Название ее буквально сбивало с ног, хотя в газетах и журналах перестроечной эпохи каких только смелых откровений ни звучало. Но эта книга выделялась даже на их фоне. Ее, вероятно, можно было и не читать. Достаточно название запомнить и потом осознать: «Загадка смерти Сталина». Любому сразу становится понятно, что не просто так умер великий вождь. Было что-то нечисто в этом деле.

Каюсь, купить книгу в ту далекую уже эпоху мне не удалось. Слишком много за нее просили. У школьника таких денег просто не было. Полагаю, что и не каждый взрослый готов был бы сразу выложить значительную часть своей зарплаты за маленькую книжку. Цена действительно сбивала с ног, и понятно почему: вышла «Загадка смерти Сталина» в издательстве «Посев», которое принадлежало Народно-трудовому союзу. Было у советской власти два главных врага: НТС и ЦРУ. Поэтому и цена на ярую антисоветчину была соответствующая. Но название и автора книги я запомнил и при первой возможности спустя годы книгу ту достал и

внимательно изучил.

Написал ее Абдурахман Авторханов. Нынче это имя ничего не скажет подавляющему большинству россиян. А во времена перестройки оно звучало. Один из виднейших советологов, близкий к НТС, многократно выступал на радио «Свобода». А до этого в его жизни были участие в пропагандистской группе ЦК ВКП (б) и добровольный переход на сторону гитлеровцев. Он и там служил по ведомству пропаганды. И после войны любимому занятию не изменял. Автор многих книг, среди которых «Сила и бессилие Брежнева», «Империя Кремля» и, разумеется, «Загадка смерти Сталина».

Ей выпала невероятно счастливая жизнь. На нее, разумеется без указания названия и автора, с завидным постоянством ссылаются и записные демократы, и убежденные сталинисты. И хотя книгу эту в нашей стране никогда не издавали, почти все интересующиеся темой ее читали. В пересказе десятков авторов. Зачастую они говорили цитатами из Авторханова объемом по пять-шесть страниц. В самом деле, зачем напрягаться, если все уже благополучно придумано и написано? И нет опасности быть уличенным в плагиате. Такова судьба многих произведений, вышедших в русской политической эмиграции. Авторы давно умерли и в суд не подадут.

«Загадка смерти Сталина» написана целиком на открытых источниках и построена на трактовке автором фактов, действительно имевших место. В ее пользу говорит и невероятно увлекательный стиль изложения вместе с очень простым языком. Никакого умножения смыслов. Все будет понятно даже неподготовленному читателю, тем паче что кроме названия существует еще и подзаголовок – «Заговор Берия». Тут уж самый непонятливый должен уяснить суть дела.

Именно это произошло в массовом порядке. Сначала на Западе, а после распада Советского Союза и у нас. Кого ни спросишь, все убеждены, что Сталина сжили со света коварные и неблагодарные соратники. Приступая к этой главе, я специально поинтересовался у своих читателей в твиттере на сей счет. Разумеется, мне тут же кратко пересказали канонический труд Авторханова, почему-то ссылаясь на Мухина, Полторанина и десяток других столь же характерных авторов конспирологической направленности.

Позвольте, скажет мне иной любознательный читатель, но зачем же вводить в заблуждение? За последние годы были рассекречены многие документы по теме. Да, с фактической точки зрения новые данные ничего к нашему знанию этой истории не добавляют. Но по целому ряду косвенных

признаков можно судить, что Сталин пал жертвой покушения. Об этом свидетельствует фальсификация даты произошедшего у вождя народов кровоизлияния в мозг. А еще и место действия зачем-то скрывали. Хотя какая разница, где это произошло: в кремлевской квартире или на кунцевской даче?

А еще нельзя забывать про очень подозрительную задержку с вызовом врачей, которая, в свою очередь, множится на весьма странное поведение ближайших соратников вождя. Речь в первую очередь идет про Лаврентия Берия и Георгия Маленкова, в тот момент соответственно члена Политбюро ЦК КПСС и фактически заместителя Сталина по партии. Не так они должны были себя вести в тот тяжелый миг, совсем не так. И обратили на них внимание в те дни слишком многие. Это и дочь вождя Светлана, и сотрудники охраны Генерального секретаря, и врачи, пытавшиеся спасти Иосифа Виссарионовича. Так что был заговор! И не нужно спорить попусту.

В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов, Г. М. Маленков, Н. С. Хрущев, Л. П. Берия на трибуне Мавзолея. Март 1953 года.

Собственно, я и не собираюсь. Однако должен сделать важное уточнение. Косвенные факты, относящиеся к болезни Сталина, скорее всего, действительно подтверждают версию заговора. Но, к огорчению многочисленных конспирологов, если этот самый заговор и был, то возник стихийно, а не стал итогом многомесячных разговоров вокруг до около людей из ближнего сталинского круга. Предпосылки действительно существовали. Сталин, судя по всему, планировал полную замену партийной элиты по методу 1937 года. Соответственно, и выступление

многолетних верных соратников было против нового Политбюро ЦК КПСС и правительства, которые было сформировано по итогам XIX съезда КПСС. На выходе же получается, что не лишали Сталина власти Берия, Маленков и Хрущев. Иосиф Виссарионович сам упустил ее из рук в результате инсульта.

Вижу, как возмущается в эту минуту иной мой читатель. Какая, в самом деле, разница – стихийный заговор был против Генерального секретаря или тщательно подготовленный и выверенный? Главное в любом деле – достигнутый результат. Его заговорщики, безусловно, получили. Сталина похоронили, власть между собой быстро поделили. А все остальное – чистая софистика.

Я уже многократно говорил: большинство бед происходит от спешки. Сначала думайте и только потом действуйте. Те самые косвенные факты, которые все с такой любовью и трепетом обсуждают уже минимум лет тридцать, свидетельствуют о другом: Берия, Маленков и Хрущев задержали сообщение о болезни вождя для того, чтобы, распустив сформированный Сталиным президиум ЦК КПСС, начать руководить страной на троих. Власть в стране меняется между кровоизлиянием утром 1 марта и приходом к Сталину врачей спустя сутки.

Во всем мире написаны сотни биографий Сталина. Все авторы, описывая события марта 1953 года, используют две версии. При всем богатстве конспирологических теорий больше не нашлось. Основу первой составляют мемуары Хрущева. Он единственный из трех основных участников этих событий, кто оставил потомкам личное свидетельство. Вторая версия строится на воспоминаниях охранников. Появилась она значительно позднее исповеди Никиты Сергеевича. В принципе, обе стороны описали события примерно одинаково, отклонения зафиксированы лишь во второстепенных деталях. Скажу даже больше: Хрущев и охранники Сталина скорее дополняют друг друга, чем противоречат. Именно поэтому суммарное представление можно считать объективной картиной событий.

И вот тут следует первый неприятный вывод: красиво сложенная и многократно озвученная десятками авторов теория о злодейском заговоре Берии, Маленкова и Хрущева против Сталина не имеет под собой ни единого серьезного основания. Все построение базируется только на мотивах у этой тройки. Действительно, в первые месяцы 1953 года Иосиф Виссарионович представлял для Лаврентия Павловича, Георгия Максимилиановича и Никиты Сергеевича угрозу. Каждый из них не первый день жил на свете и расценивал внутривластные тенденции

последнего времени как перспективное приглашение на скамью подсудимых, со всеми крайне неприятными последствиями.

Но прежде чем мы посмотрим пристально на события марта 1953 года, предлагаю ненадолго заострить внимание на одной незначительной детали: здоровье товарища Сталина. Почему-то большинство рассуждающих про тот самый заговор выносят эту часть истории за скобки. словно был Иосиф Виссарионович весь из дамаской стали, поэтому и случилось то самое кровоизлияние в мозг абсолютно неожиданно для всех. А ведь здоровье вождя много лет оставляло желать лучшего, мягко говоря.

Тот образ жизни, который привык вести Сталин, способен был оперативно отправить на больничную койку любого самого здорового человека. А великий вождь своим привычкам не изменял не то что годами – десятилетиями. Не выдерживали соратники, получая инфаркты и инсульты, и только Иосифа Виссарионовича никакая серьезная хворь не брала. Разбивалась о его стальной характер. Но это только на первый взгляд.

В 1946 году Сталин, вероятно, перенес инсульт. Я не случайно употребил здесь слово «вероятно». Дело в том, что история болезни вождя народов (а это многочисленные анализы, данные измерений давления, кардиограммы и т. п.) была впоследствии уничтожена. Поэтому мы можем только предполагать, что заболевание было серьезным. Сталин начал работать в «малых кремлевских кабинетах». Так называли специально построенные беседки в парке ближней дачи.

Мы живем в эпоху бесконечного срыва покровов. В последнее время появилась очередная теория о том, что Сталин был лодырем, каких свет не видел. В кратком изложении она выглядит так: если суммировать время приемов в кабинете за любой месяц или год, то получается, что в среднем он работал два-три часа ежедневно. Примерно раз в неделю участвовал в заседаниях Политбюро, проходивших в течение трех-четырёх часов. Но в эти дни в своем кабинете Сталин уже, как правило, не принимал. Кроме этого, он не посещал заводов и фабрик и очень редко бывал в Наркоматах. Почти вся его работа заключалась в приеме в кабинете и на заседаниях Политбюро. В итоге это демонстрирует очень слабую загруженность.

И. В. Сталин с неизменной трубкой.

Даже нет смысла подробно опровергать эту ахинею. Достаточно открыть журнал посещений кабинета Сталина. Он уже давно опубликован. Но даже не это главное. Все и всегда познается в сравнении. Я пока не встречал сведений, чтобы мудрейший вождь германского народа Адольф Алоизович Гитлер до войны на регулярной основе проводил совещания, например с оружейниками и конструкторами. А вот у Сталина почему-то Шпагин, Дегтярев, Токарев, Микоян, Гуревич и многие другие постоянно вызываются в Кремль. Я назвал пять фамилий, а можно назвать 500, причем из любой области. Результат будет тот же.

Очень легко рассуждать по любой теме, не имея ни малейшего представления о ней. Со времен незабвенного «волны падали вниз стремительным домкратом» ничего не поменялось. Вы попробуйте поговорить сначала три часа с оружейником, потом пару часов с писателем, а на десерт – час с народным комиссаром иностранных дел. И всюду вы демонстрируете глубокое знание темы и понимание стоящих на повестке дня проблем. Попробуйте в таком режиме пожить месяц. По итогам сможете, вероятно, порассуждать про слабую загруженность в кабинете лечащего вас врача.

Специалистам из Кремлевской больницы трудно завидовать. Неблагодарная у них была работа. Они честно пытались убедить товарища Сталина заниматься своим здоровьем не только во время отпуска. Тщетно. Единственное, чего удалось достичь, и то не сразу, Сталин бросил курить. Этот поступок был предметом особой гордости Иосифа Виссарионовича. Было чем гордиться, ведь курил он почти полвека. Какие воспоминания близко знавших его людей ни откроешь, обязательно наткнешься на эпизод о том, как Сталин медленно набивает трубку табаком из своих любимых папирос «Герцеговина Флор».

Но принципиального улучшения здоровья не произошло. Во-первых, логичным следствием этого стали проблемы с давлением, изменение цвета лица и чрезмерная раздражительность. А во-вторых, если глубоко копнуть, то выяснится, что курение было наименьшим злом. Гораздо больше проблем здоровью доставляли иные привычки Сталина: распорядок дня и долгие застолья с алкоголем. Как многие знают, он работал в кремлевском кабинете до глубокой ночи. Спать уезжал на дачу в Кунцево. Но перед сном всегда был обильный кавказский ужин с вином. В результате постепенно сложился такой ритм жизни: приезд в Кремль в 16 часов, работа до 23 часов, отъезд на дачу, ужин до 3 часов ночи. Назвать такой распорядок дня полезным для здоровья никак нельзя.

А теперь представьте себе, как выглядел рабочий день Сталина в годы Великой Отечественной войны! По самым приблизительным прикидкам, он работал в Кремле и на даче от 13 до 15 часов в сутки. Одно важное совещание перетекало в другое. Никаких выходных и отпусков не было предусмотрено; режим максимального напряжения зачастую за гранью человеческих возможностей. И наслаивалось все это на ежедневное употребление алкоголя.

Из этого, кстати, вовсе не вытекает становящееся популярным утверждение, что Сталин был алкоголиком. Доверимся свидетельству его ближайшего соратника Вячеслава Молотова: *«Сталин много не пил, а других втягивал здорово. Видимо, считал нужным проверить людей, чтобы немножко свободней говорили. А сам он любил выпивать, но умеренно. Редко напивался, но бывало»*. А вот что касается любимых напитков, то тут показания разнятся. Молотов уверял, что Сталин предпочитал коньяк с чаем. А вот сотрудник НКВД Рыбин утверждал, что вождь признавал «Цинандали» и «Телиани». С другой стороны, это момент не столь важен. От ежедневного употребления что вина, что коньяка человек здоровее не делается. Кроме, вероятно, Черчилля. Но любое исключение лишь подтверждает правило.

И. В. Сталин. Одна из последних фотографий. XIX съезд партии. 1952 год.

Не стоит забывать и о возрасте. Генеральному секретарю Коммунистической партии в момент описываемых событий было 73 года. Не знаю, кто как, но я доверяю оценке генерала Судоплатова: *«Я увидел уставшего старика. Сталин очень изменился. Его волосы сильно поредели, и хотя он всегда говорил медленно, теперь он явно произносил слова как бы через силу, а паузы между словами были длиннее»*. Это все к вопросу о том, что якобы ничто не предвещало смерти вождя.

А теперь, когда мы с вами получили хотя бы примерное представление о бэкграунде тех событий, переходим непосредственно к роковым дням. 28 февраля 1953 года. Поздний вечер. Рядом со Сталиным находятся члены Политбюро Хрущев, Берия, Булганин и заместитель Председателя Совета министров СССР Маленков. На тот момент времени они составляли ближний круг. Они садятся ужинать. Застолье затягивается. Как вспоминал позднее Хрущев, ужин закончился в 5 часов утра 1 марта.

Вождь пребывал явно в хорошем настроении, выпил, по его меркам, довольно много. Наконец гости разъезжаются. Каждый из них знает: уже через несколько часов раздастся звонок от Сталина с приглашением прибыть вечером на ужин. Такова традиция. И Хрущев, и Булганин, и Маленков, и, разумеется, Берия знают, что вождь очень последователен в

своих многолетних привычках. Тем удивительнее было государственным деятелям так и не дожидаться в тот день звонка от Сталина.

Как правило, многочисленные авторы, писавшие об этих событиях, делают в этом месте паузу, достойную Станиславского, и начинают намекать на отсутствие рядом со Сталиным в этот момент генерала Власика. Событие действительно не рядовое. Ссылаются обычно на Светлану Аллилуеву: *«Николай Сидорович удержался возле отца очень долго, с 1919 года. Тогда он был красноармейцем, приставленным для охраны, и стал весьма властным лицом за кулисами. Он возглавлял всю охрану отца, считал себя чуть ли не ближайшим человеком к нему, будучи невероятно малограмотным, грубым, глупым, но вельможным»*. Не буду мелочно придираться, что вовсе не рядовым красноармейцем был Власик, а ответственным сотрудником Оперативного отдела ВЧК. Но в данном случае это вопрос второстепенный.

Власик был не просто охранником Сталина. Именно он отвечал за питание и транспорт вождя, организовывал праздничные демонстрации на Красной площади. И вот этого человека в декабре 1952 года смещают с должности и арестовывают в связи с «делом врачей». Трудно было ожидать иного. Именно Власик отвечал за обеспечение лечения членов правительства и за благонадежность профессуры. Этим список обвинений вовсе не исчерпывался. Генерал обвинялся в измене Родине. Он не дал хода письму Лидии Тимашук о предательской деятельности врачей-убийц, погубивших Жданова.

Считается, что на аресте Власика настоял Берия. Якобы ему было необычайно важно поставить рядом со Сталиным своего человека. Утверждающие подобное не удосужились даже хотя бы примерно изучить особенности той эпохи. Дело в том, что уже с 1947 года Власик был начальником управления по охране Министерства государственной безопасности СССР, а вовсе не личным телохранителем Сталина. Но что гораздо более важно – Николай Сидорович был арестован по личному указанию Иосифа Виссарионовича. Берия был, конечно, влиятельным человеком, но тут даже его полномочий было явно недостаточно.

На место Власика немедленно заступил сам министр государственной безопасности СССР Игнатъев. По совместительству. И также по совместительству – комендантом Кремля. Такой вот многостаночник. Был он выдвиженцем Маленкова. Старательный сотрудник. Выражаясь современным языком, успешный менеджер. Одно только плохо: о специфике чекистской работы Игнатъев имел весьма смутное представление. Семен Денисович с большим трудом санкционировал даже

простейшие оперативные мероприятия. В более серьезных ситуациях он мгновенно впадал в панику, что случилось в марте 1953 года.

Вопреки странным сегодняшним утверждениям, кандидатуру Игнатьева Сталин утвердил в пику Берии. Очень не хотелось Иосифу Виссарионовичу, чтобы земляк имел хотя бы какое-нибудь отношение к охране Кремля, правительственных дач, санаториев и иных объектов, где жил и работал вождь народов. Игнатьеву сложно позавидовать. В грядущих процессах ликвидации старой команды он должен был, судя по всему, исполнять роль Ежова. Именно Семен Денисович, получив от Сталина соответствующие инструкции, лично возглавлял оперативную разработку «дела врачей» и «грузинского дела». Их завершение было намечено на конец марта 1953 года. Десятки людей в результате смерти Сталина спаслись от добровольного признания в работе на эфиопскую разведку и избежались от пули в затылок.

Догадывался ли Игнатьев, какую роль в этой пьесе уготовил ему главный режиссер? Должен был. Просто так в Кремль, а тем более на дачу к Сталину, часто не приглашают и подробно не инструктируют. Осознавал ли Семен Денисович свою потенциальную судьбу после завершения очередного очищения партии от буржуазных отщепенцев? Вероятно, да. Но отказаться от предложения Сталина было смерти подобно. И это он тоже понимал, как и десятки его предшественников из числа приближенных к вождю. Каждому хотелось бы положить на плаху чужую голову, но клали свои собственные.

Итак, 1 марта 1953 года. Место действия – Кунцево. Не верьте странным утверждениям про роскошество дачи в Кунцево. Весьма аскетичное место. Из предметов, которые хоть как-то можно назвать дорогими, – мягкий ковер и диван. И два больших портрета на стенах: Ленин и Горький. Охрану объекта осуществляли исключительно сотрудники Министерства государственной безопасности. Оттуда же и обслуживающий персонал: повара и уборщицы. Всего их было более 100 человек.

В тот день на дежурство заступили помощник коменданта дачи Лозгачев, старший сотрудник Старостин и отвечающая за хранение и выдачу одежды и белья Бутусова. Она была из старожилов объекта, много лет, как говорили в старину, верой и правдой служила своему хозяину. Внутренняя телефонная линия на даче (а все помещения были связаны домофоном) работала без перебоев. Кроме этого, все комнаты имели аппараты правительственной связи и обычные московские телефоны. Позвонить туда, в принципе, могли члены президиума Политбюро ЦК

КПСС, министр госбезопасности, начальник Генерального штаба и командующие военными округами. Но, разумеется, без острой необходимости никто этого никогда не делал. Так было и в тот день.

Обычно Сталин вставал между 10 и 11 часами утра. К этому времени охранники собирались на кухне и ждали звонка вождя. Рядом с ними сидит Бутусова. Она должна была отнести завтрак в кабинет. Когда часы пробили полдень, а во всех помещениях не было зафиксировано никаких движений, это было уже весьма странно. Но при этом охрана продолжает гонять чаи. Звенящая тишина стоит в час дня, в четыре часа дня и в восемь вечера. Никто не делает ровным счетом ничего: нет указаний на этот счет. Только в 23 часа помощник коменданта дачи Лозгачев, воспользовавшись прибывшим из ЦК пакетом, решается зайти в комнату вождя.

Увиденное вогнало его в ступор. Председатель Совета Министров, Генеральный секретарь Коммунистической партии Советского Союза Иосиф Виссарионович Сталин лежал на полу в пижаме. Вождь великой страны был парализован и, по всей видимости, лежал без движения несколько часов. Лозгачев зовет остальных. Они переносят Сталина на диван и накрывают пледом. После этого начинают звонить своему непосредственному начальнику. Игнатьев, как и ожидалось, не был способен принять никакого решения. Он лишь посоветовал позвонить Маленкову, что и было сделано.

Обычно те, кто оправдывает удивительное поведение охранников, весь день не предпринимавших никаких действий, ссылаются на инструкцию Берии, которая якобы категорически запрещала всем сотрудникам дачи в Кунцево заходить в кабинет Сталина. Это чепуха. Такой инструкции не существовало в принципе, хотя действия, безусловно, четко регламентировались. Но как-то объяснить спокойное ожидание в течение почти тринадцати часов все-таки нужно. Почему не предпринималось никаких мер, когда Сталин не попросил за день хотя бы стакан чаю? Ситуация ведь явно внештатная, но охрана спокойно сидит в своем помещении. И Бутусова рядом с ними.

И. В. Сталин, Г. М. Маленков, Л. П. Берия на трибуне Мавзолея.

Маленков сообщает о случившемся Хрущеву и Берии. Взяв с собой Булганина, они мчатся на дачу. 2 марта, час ночи. В комнату, где лежит Сталин, заходят Берия и Маленков. Пробыли они там недолго. Выходя, заявили столпившейся охране, что Иосиф Виссарионович спит, тревожить его не нужно. И поводов для волнений никаких нет. Прибывшие на дачу высокие гости спокойно разъезжаются по домам. Но охрану терзают смутные сомнения, что товарищ Сталин чувствует себя не очень хорошо. Хрущева, Булганина, Маленкова и Берию снова вызывают на дачу и требуют врачей. И даже министра здравоохранения.

Члены Политбюро ЦК КПСС Н. С. Хрущев и Н. А. Булганин.

Мысль здравая, хотя и запоздалая. Согласимся, не очень сложно отличить спящего человека от парализованного. Все участники событий понимают: Сталин провел в критическом состоянии минимум тринадцать часов. А значит, велика вероятность того, что у Союза Советских Социалистических Республик скоро появятся новый Председатель Совета Министров и новый Генеральный секретарь Коммунистической партии. Поставьте себя на место Маленкова, Берии, Хрущева и Булганина. Им еще до приезда на дачу должно было быть очевидным, что, если в комнате Сталина весь день стоит тишина, значит, что-то случилось. Следовательно, власть в стране начинает принадлежать им.

Я вполне допускаю, что кто-нибудь из них, а может быть, и каждый, звонил в тот обычный воскресный день Сталину по кремлевской «вертушке». Трубку никто не брал. Это означало, что нужно было не нестись сломя голову на дачу к Сталину, а договориться между собой о действиях в ближайшие часы. Я понимаю, что произнес только что запредельные по цинизму слова, но ведь и политика иной не бывает в принципе. Берия, Маленков, Хрущев и Булганин это прекрасно сознавали. Тем более что каждый из них имел основания для волнений: а не он ли станет главным обвиняемым во время нового процесса очищения партии от двурушников и предателей? Готовящиеся «дело врачей» и «грузинское дело» явно не просто так затевались.

Главная сложность при анализе тех событий и попытках реконструкции заключается в крайне скудной источниковой базе. По сути, все ограничивается весьма своеобразными воспоминаниями Хрущева и рассказами бывших охранников спустя 40 лет после произошедших событий. Именно поэтому остаются многочисленные вопросы по временному промежутку с одиннадцати утра 1 марта и до появления на даче врачей 2 марта в семь часов. Позвольте, скажет кто-то, но есть же свидетельство Светланы Аллилуевой! Оно безукоризненно. С этим я согласен, но только уточню важные обстоятельства, которые, как обычно, мало кому известны. Дочь Сталина об интересующем нас промежутке ничего не сообщает. Ее описание событий полностью укладывается в официальную советскую версию про случившийся 2 марта удар. Кроме этого, Светлана Иосифовна не знала о ночном визите в Кунцево Маленкова, Хрущева, Берии и Булганина.

И самое главное. Весьма интересный и содержательный рассказ Аллилуевой об этих событиях строится на показаниях важного свидетеля –

экономки Истоминой. Она работала у вождя с 1934 года. Но в интересующий нас день ее на даче не было. Приедет она утром 2 марта и будет там находиться вплоть до момента смерти Иосифа Виссарионовича. А значит, о тех самых таинственных двадцати часах Истомина ничего рассказать Светлане не могла. Только если с чужих слов. Но и этого не произошло. И все остальные молчали.

Вообще, конечно, удивительная история. На даче в Кунцево работали десятки человек. Охранники и шоферы, садовники и повара, официанты и прочая обслуга. Но никто из них не поделился с дочерью Сталина о тех самых двадцати часах. Больше того: не рассказали ей даже про последний ужин. Причина проста: боялись нарушить должностную инструкцию. Берия, как и любой сталинский нарком, к такому относился невероятно требовательно. И даже когда всех этих людей уволили, они все равно молчали. Аллилуева пишет об этом с грустью и явной обидой: *«Людей вышвыривали на улицу. Их разогнали всех. Многих офицеров из охраны послали в другие города. Двое застрелились. Люди не понимали – в чем их вина?»*

Эти строчки кочуют из одной книги в другую. Каждый сослался на оценку Аллилуевой и сделал далеко идущие выводы. Многие совершили это вообще бездумно. Хотя логика решения очевидна: все сотрудники дачи в Кунцево слишком много знали. Каждый из них, по сути, являлся носителем государственной тайны. Их и следовало перевести на иные правительственные объекты, пусть и не в Москве. И главное: прежде чем обвинять в таком запредельном зверстве Берию, можно было бы, пусть и ненадолго, включить мозг. Во время событий 1937–1938 годов прислугу «врагов народа» зачастую не на иной объект отправляли, а ставили к стенке или гноили в лагерях. Аллилуева о них почему-то не сожалела. Не размышляла об их печальной судьбе. Как и десятки тех, кто методично повторяет ее слова.

С. И. Аллилуева на руках отца.

Но даже не это самое интересное. С охранников никто не спросил за их странное поведение в те двадцать часов. Никто не поинтересовался, направив в темном кабинете свет лампы в глаза, почему, понимая, что с товарищем Сталиным происходит что-то странное, сотрудники МГБ продолжали спокойно пить чай? Объяснение этому может быть только одно. Все понимали, что охрана действовала строго по инструкции и докладывала своему непосредственному руководителю – министру государственной безопасности Игнатьеву. А вот то, что он в свойственной себе манере был не способен принять быстрое решение, не вина подчиненных. Это была беда лично Сталина. И именно она стояла ему жизни.

Предвижу возражения: Игнатьев наверняка советовался с Маленковым, Берией и Хрущевым. Без их ведома он никакого решения принять не мог. Для этого другие полномочия нужно иметь. А если заговор этих троих против Генерального секретаря существовал, вот ключевое

доказательство их зловредной деятельности. Они уговаривают Игнатьева не суетиться раньше времени, а в результате бездействия вождь умирает.

С этим я согласен. Но в порядке возражения задам один простой вопрос: был ли член Президиума ЦК КПСС и министр госбезопасности СССР Семен Денисович Игнатьев умственно неполноценным? Разве не мог он предположить, что если с товарищем Сталиным все хорошо и он просто решил устроить проверку бдительности, как делал это много раз, то проблема у главного чекиста будет только одна? Ему предложат добровольно признаться в многолетней работе на разведку Боливии, а может быть, обойдутся и без этой никому не нужной формальности.

Это с одной стороны. А теперь посмотрим на складывающуюся ситуацию с другой. Для Берии, Хрущева и Маленкова Сталин представлял опасность только живым. Все строго по правилам, которые описал еще Стивенсон: «Да, у Билли была такая манера, – сказал Израэль. – «Мертвые не кусаются». И в самом деле: не будет Иосифа Виссарионовича – и никто не поволочет их, упирающихся и рыдающих, в расстрельный подвал по закономерным итогам, например, «дела врачей». В случае же с Игнатьевым ситуация диаметрально иная. Для него мертвый Сталин был гораздо более опасен, чем живой.

Проблема вот в чем: министр государственной безопасности СССР прекрасно понимал, что «дело врачей» – откровенная чепуха. Не мог он этого не понимать. И рухнет вся доказательная база при малейшей объективной проверке. Отвечать за все придется Игнатьеву и его следователям. Именно так и произошло. Рюмина в результате расстреляли, а карьера Семена Денисовича пошла на спад, пусть и не сразу. Не спасло даже то, что уже вечером 1 марта 1953 года «дело врачей» было закрыто.

Никакой ошибки в моих словах нет. Я прекрасно знаю, что официально это произошло несколько позднее. Но есть один прелюбопытнейший факт, на который почему-то мало кто обращает внимания. 2 марта 1953 года, понедельник. Выходят все советские газеты. А в них нет почему-то ни слова про «врачей-убийц». Нет многочисленных резолюций рабочих с требованием немедленно покарать отщепенцев и негодяев. Не требуют яростно того же самого юные пионерки и пожилые колхозницы. Не посвящают разоблачению и грядущему справедливому возмездию стихи казахские поэты из серии «фашистских ублюдков, убийц и бандитов, скорей эту черную сволочь казнить, и чумные трупы, как падаль, зарыть». И по радио об этом не было сказано ни слова, хотя еще накануне кремлевских врачей громогласно проклинали. И никто этим странным переменам не удивился.

И. В. Сталин и Н. С. Хрущев. 1936 год. Через двадцать лет последует доклад «О культуре личности и его последствиях».

Объяснение этому может быть только одно: некто невероятно влиятельный приказал руководившему идеологическим отделом ЦК КПСС Сулову забыть про «дело врачей». Словно не было его никогда. Что и последовало незамедлительно. Все заинтересованные лица из организаций, отвечавших в СССР за агитацию и пропаганду среди населения, это распоряжение успешно выполнили. Свидетельством этому – то самое 2 марта 1953 года. Но вот кто отдал указание о немедленном завершении накачки общества против врачей, мы, вероятно, никогда не узнаем. Могут лишь высказать свою точку зрения. Это был Берия – чувствуется его стиль.

Но даже если это и так, то действовал Лаврентий Павлович явно не для того, чтобы спасти своего тайного фаворита Игнатьева. Ему было необходимо оградить себя лично от неприятных вопросов в ближайшем будущем. Доказывается это элементарно. Смотрим на карьеру Семена Денисовича в дальнейшем. Да, важных государственных постов он уже не занимал. Но в этом ли счастье? Он, главный исполнитель репрессивной политики в последние годы Сталина, не стал очередной сакральной жертвой ни после ареста и казни Берии, ни после опалы Маленкова, Булганина и Молотова. Свидетельствует это только об одном: у Хрущева к нему вопросов не было.

Игнатъев едва ли был непроходимо глупым человеком. Такие в окружении Сталина не задерживались в принципе. Даже Николай Ежов, которого в последние годы почему-то принято демонстрировать абсолютным недоумком, вовсе таковым не являлся. Старый большевик Москвин в свое время сказал о нем: *«Не знаю более идеального работника, чем Ежов. Вернее, не работника, а исполнителя. Поручив ему что-нибудь, можно не проверять и быть уверенным – он все сделает. У Ежова есть только один, правда, существенный недостаток: он не умеет останавливаться»*. Так вот, Игнатъев явно понимал причины нездоровой тишины в кабинете Сталина 1 марта 1953 года. Как, собственно, и охрана, и Хрущев с Маленковым.

В Политбюро в тот момент шло острое соперничество между двумя группировками. С одной стороны – Хрущев и Булганин, с другой – Маленков и Берия. Но каждый из блоков прекрасно понимал: нельзя допустить утечки информации о здоровье любимого всем советским народом вождя. Последствия могут быть непредсказуемыми для всех. Сначала нужно решить, кто заменит вождя. А пока идут консультации на сей счет, стоит ввести в Москву войска. Они не помешают. И министр обороны СССР маршал Булганин отдает такой приказ.

Хрущев был не первый день в политике и прекрасно знал о тайном желании Берии: получить под свой полный контроль Министерство внутренних дел и Министерство государственной безопасности. Никита Сергеевич обсуждал с Булганиным, как можно было бы помешать этому. Действенного механизма они не нашли. Инициатива перешла к блоку Берии и Маленкову. Первый визит в Кунцево убедил их, что Сталин сошел с дистанции, но об этом еще было рано говорить вслух. Охрана получает строгий приказ не тревожить спящего вождя. И врачей не вызвали ровно потому, что сначала было нужно вернуть президиум Политбюро, который существовал до XIX съезда партии. Это ключевой момент для понимания всех событий марта 1953 года.

Тот самый партийный форум неукоснительно реализовал новое предложение Сталина: изменить структуру руководства партии. Политбюро, которое представлялось вождю рудиментом, заменил расширенный Президиум Центрального комитета КПСС. В него вошло 36 человек: 25 членов и 11 кандидатов. Но и это еще не все. Управлять процессом проще узким кругом, поэтому было сформировано бюро Президиума из девяти человек. В него не вошли политические тяжеловесы, без которых еще недавно невозможно было представить руководство страны, – Вячеслав Михайлович Молотов и Анастас Иванович Микоян.

Слишком неожиданного в этом было мало. Еще в 1949 году Молотов был снят с поста министра иностранных дел. Его имя постепенно исчезает со страниц газет. 16 октября 1952 года Сталин обрушился на него за мнимые ошибки, в том числе за то, что в конце 20-х годов тот поддерживал зажиточных крестьян, предлагая уменьшить налоги с работников сельского хозяйства. Сам Молотов так скажет об этом: *«Перед войной мы требовали колоссальных жертв от рабочих и от крестьян. Народ был в колоссальном напряжении, а мы требовали: «Давай, давай!»* А Хрущев напишет в своих мемуарах: *«Он производил на меня в те времена впечатление человека независимого, самостоятельно рассуждающего, имел свои суждения по тому или другому вопросу, высказывался и говорил Сталину, что думает. Было видно, что Сталину это не нравится».* При этом не стоит забывать, что мемуары у Никиты Сергеевича вышли весьма своеобразными. Относиться к ним нужно критически.

А. И. Микоян, В. М. Молотов, И. В. Сталин.

Так вот, бюро Президиума, в котором не оказалось Молотова и Микояна, получилось в результате сугубо декоративным органом. После съезда оно собралось на совещание лишь два раза. Проходили они в кабинете Сталина в Кремле 31 октября и 22 ноября 1952 года. И оба раза на совещание не приглашался Ворошилов, который был членом бюро. Само по себе это говорит о многом. Коба почти демонстративно игнорировал старого соратника Клима. Но при этом это самое бюро оказалось

незаконным, и в принципе любое его решение можно было бы оспорить. Дело в том, что в принятом на съезде новом Уставе партии само существование подобного органа не было предусмотрено.

16 октября 1952 года, когда советская печать известила народы СССР о некоторых административных решениях съезда родной Коммунистической партии, все узнали о создании Президиума ЦК КПСС и его составе. А вот о бюро «Правда» и «Известия» почему-то не сообщали. Не сочли газеты это необходимым. В результате о бюро вообще почти никто ничего не знал. Больше того, даже решения этих девяти человек не публиковались в партийных изданиях и не рассылались по райкомам и обкомам необъятной советской Родины.

Получилась парадоксальная картина: товарищ Сталин зачем-то создает бюро Президиума Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза, но существует ли этот орган и за какие направления работы отвечают его члены – неизвестно никому, кроме вождя. Для приведения правительства в законный вид, а именно этого и хотели достичь Маленков с Берией, нужно было получить решение пленума ЦК КПСС.

Казалось бы, в чем проблема? Люди – сплошь авторитетные, созывая пленум и принимая нужное решение. Перечить никто не посмеет, Сталин всех от такой привычки отучил. Однако на практике все оказалось не так просто. Проект реорганизации должен был предложить Президиум ЦК КПСС, к которому и перешел весь функционал прежнего Политбюро, а не бюро Президиума, о котором в стране толком никто не знал. Нельзя все начинать с юридического нонсенса.

Можно было, конечно, созвать полный состав Президиума и закрыть этот казуистический вопрос, но ни Маленков, ни Берия на это, разумеется, не пошли. Дело в том, что подобное решение проблемы означало бы прежде всего легализацию этого органа советской власти. А цель у Лаврентия Павловича и Георгия Максимилиановича была совершенно иная: ликвидировать вообще это порождение последних желаний Иосифа Виссарионовича. Судя по тому, как станут развиваться события в дальнейшем, Хрущев и Булганин эту инициативу всецело одобряли.

2 марта 1953 года. Врачи только допущены до Сталина. Сформирован новый орган партийного руководства и проводится первое его заседание. Что характерно, в кабинете Иосифа Виссарионовича в Кремле. Секретари советского вождя, который больше никогда не прибудет в этом качестве, старательно фиксируют в журнале посетителей всех пришедших на совещание. Первым входит Берия. Он садится во главе стола, но не на стул

Сталина. Стул остается свободным. Никто не спешит занять ключевое место.

Формально на этом совещании нет председательствующего, лишь Лаврентий Павлович выделяется своей инициативностью. Приглашены все члены бюро Президиума, включая и Ворошилова. Компанию им составляют члены бывшего Политбюро, которых Сталин не включил в новый состав руководителей страны. Их трое: Молотов, Микоян и Шверник. Наконец, последним участником того совещания становится председатель Центральной контрольной комиссии Коммунистической партии Шкирятов. Кворум есть, можно приступать к делу.

Разговор у лидеров Советского государства вышел невероятно кратким, даже учитывая все сложные обстоятельства текущего исторического момента. На все ушло 20 минут, а какие именно вопросы затрагивались – неизвестно. Сегодня мы можем только предполагать содержание той беседы. Выскажу свое мнение: они собрались для того, чтобы утвердить себя в новом качестве в новой жизни. Жизни без Иосифа Виссарионовича Сталина. Вероятно, Берия кратко обрисовал ситуацию и пояснил, что эта беседа предварительная. Основное совещание впереди.

Оно состоялось уже вечером и также вышло достаточно коротким. Потребовался всего час, чтобы решить несколько ключевых проблем. Судя по дальнейшим событиям, обсуждалось решение о ликвидации того самого расширенного Президиума Центрального комитета, реформа правительства и созыв пленума ЦК КПСС на 5 марта 1953 года. Никто тогда не знал, что в этот день умрет Генеральный секретарь, великий вождь и учитель Сталин. Было в этом что-то символичное.

Не ищите черную кошку в темной комнате. Повторяю, никто из пришедших тогда на совещание в Кремль не мог знать, сколько именно проживет Иосиф Виссарионович после инсульта. Дата выбиралась из сугубо практических соображений. В полном пленуме ЦК участвует около 300 человек. Не все они находятся в Москве, некоторые достаточно далеко. А значит, за один или даже два дня собрать их невозможно. Самая ближайшая реалистичная дата, когда можно приступить к работе, – 5 марта. Потому на тот день и пал выбор.

Дальнейшие события всем хорошо известны и не вызывают никаких споров. Вечер 5 марта. Сталин еще жив. Лидеры Советского государства созывают не пленум ЦК КПСС, опасаясь неприятного разговора о том, почему вдруг нужно демонтировать созданную на последнем съезде партийную конструкцию. Берии, Маленкову и Хрущеву не следовало попусту терять времени. Поэтому они собирают совместное заседание

Центрального комитета КПСС, Совета министров и Президиума Верховного Совета.

Разговор снова вышел коротким, потребовалось чуть больше 40 минут. Но за это незначительное время власть в стране окончательно перешла от Сталина к его преемникам. Все решения были признаны окончательными, внутривнутрипартийной дискуссии не предусматривалось. Но при этом учитывалось, что Иосиф Виссарионович был еще жив. Поэтому его, разумеется, включили в состав нового Президиума ЦК КПСС. Вошло в него всего одиннадцать человек. Но людей, беззаветно преданных Сталину, там уже не было. В частности, не вошел в новый состав Пантелеймон Пономаренко, который до последнего своего вздоха сохранял верность вождю.

Интересно, как происходило это заседание с психологической точки зрения. Константин Симонов оставил безукоризненное свидетельство на сей счет: *«Маленков и Берия говорили живо, энергично. Что в их голосах, в их поведении не соответствовало преамбулам и скорбным концовкам, связанным с болезнью Сталина. Было такое ощущение, что освободились от чего-то давившего на них, связывавшего их. Они были какие-то распеленатые, что ли»*. Окончательно они станут свободными через час после окончания заседания. Врачи констатировали смерть Сталина.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Коммунистическая партия Советского Союза

ПРАВДА

Орган Центрального Комитета
Коммунистической партии Советского Союза

№ 65 (12633)

Пятница, 6 марта 1953 года

ЦЕНА 20 КОП.

5 марта в 9 час. 50 минут вечера после тяжелой болезни скончался Председатель Совета Министров Союза ССР и Секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза Иосиф Виссарионович СТАЛИН.

Бессмертное имя СТАЛИНА всегда будет жить в сердцах советского народа и всего прогрессивного человечества.

ОТ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА, СОВЕТА МИНИСТРОВ СОЮЗА ССР И ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

*Ко всем членам партии,
ко всем трудящимся Советского Союза.*

Дорогие товарищи и друзья!
Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза, Совет Министров СССР и Президиум Верховного Совета СССР с чувством великой скорби извещают партию и всех трудящихся Советского Союза, что 5 марта в 9 час. 50 минут вечера после тяжелой болезни скончался Председатель Совета Министров Союза ССР и Секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза Иосиф Виссарионович СТАЛИН.

Перестало биться сердце соратника и гениального продолжателя дела Ленина, мудрого вождя и учителя Коммунистической партии и советского народа — Иосифа Виссарионовича СТАЛИНА.

Имя СТАЛИНА — бесконечно дорого для нашей партии, для советского народа, для трудящихся всего мира. Вместе с Лениным товарищ СТАЛИН создал могучую партию коммунистов, воспитал и закалял ее; вместе с Лениным товарищ СТАЛИН был вдохновителем и вождем Великой Октябрьской социалистической революции, основателем первого в мире социалистического государства. Продолжая бессмертное дело Ленина, товарищ СТАЛИН привел советский народ к всемирно-исторической победе социализма в нашей стране. Товарищ СТАЛИН привел нашу страну к победе над фашизмом во второй мировой войне, что коренным образом

изменило облик нашей страны, подняло уровень жизни всех слоев населения — рабочих, колхозников, интеллигенции, максимальное удовлетворение постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества всегда являлось и является предметом особой заботы Коммунистической партии и Советского Правительства.

Советский народ знает, что оборонительная и могущество Советского государства растут и крепнут, что партия всемерно укрепляет Советскую Армию, Военно-Морской Флот и органы разведки с тем, чтобы постоянно повышать нашу готовность к сокрушительному отпору любому агрессору.

Внешней политикой Коммунистической партии и Правительства Советского Союза является и является неизменно политикой сохранения и упрочения мира, борьбы против подготовки и развязывания новой войны, политики международного сотрудничества и развития деловых связей со всеми странами.

Народы Советского Союза, верные знамени пролетарского интернационализма, укрепляют и развивают братскую дружбу с великим китайским народом, с трудящимися всех стран народной демократии, дружественные связи с трудящимися капиталистических и колониальных стран, борющимися за дело мира, демократии и социализма.

Дорогие товарищи и друзья!
Вашей и нашей общей горючей слезой

Газета «Правда» от 6 марта 1953 года.

6 марта 1953 года. 16.00. Колонный зал Дома Союзов. Начинается церемония прощания с вождем. Сталин лежит в гробу в своем любимом мундире с генеральскими петлицами, погонами генералиссимуса и золотыми пуговицами. Кроме орденских планок, на кителе красуются Золотые Звезды Героя Советского Союза и Героя Социалистического Труда, хотя при жизни вождь носил только последнюю.

Март 1953 года. Москвичи прощаются с И. В. Сталиным.

Около гроба стоит почетный караул – верные многолетние соратники вождя. Климент Ефремович Ворошилов и Вячеслав Михайлович Молотов, Анастас Иванович Микоян и Лазарь Моисеевич Каганович. Рядом и активные участники всех последних дней – Лаврентий Павлович Берия, Никита Сергеевич Хрущев и Георгий Максимилианович Маленков. Мимо них с рыданиями проходят тысячи людей. Боль от потери даже большая, чем в январе 1924 года, когда хоронили Ленина.

Прощание со Сталиным продолжалось три дня и три ночи. 9 марта в 11 часов гроб начали вносить в Мавзолей. После окончания церемонии был произведен артиллерийский салют, сразу за которым последовали гудки всех промышленных предприятий Москвы. По всей территории Советского Союза начались пять минут молчания. После траурного марша прозвучал гимн, и над Кремлем вновь подняли спущенный после смерти Сталина государственный флаг. 9 марта 1953 года в 12.10 по московскому времени в стране официально началась новая жизнь. Без Сталина.

По-разному сложились судьбы героев этой истории. Начнем с Берии. В политической борьбе он очень быстро проиграл Хрущеву. Уже 26 июня Никита Сергеевич, заручившись поддержкой военных, созывает совещание Совета министров СССР. На нем ставится вопрос о соответствии Лаврентия Павловича занимаемой должности и снятии его со всех постов. Среди прочих обвинений упоминается работа на английскую разведку в 20-

х годах. Берия пытается защищаться. Если его назначал пленум ЦК КПСС, то только он и может снять его с должности. Поздно. В зал входит группа генералов во главе с маршалом Жуковым и арестовывает Берию.

Начинается показательная расправа в худших традициях 1937 года. Будущий главный десталинизатор Хрущев воссоздал все необходимые элементы той эпохи. Тут и шпионаж в пользу западных стран, и стремление ликвидировать советскую власть для восстановления господства буржуазии, и организация незаконных репрессий, и моральное разложение. Все члены ЦК КПСС выступают с заявлениями о вредительской деятельности Берии. 27 июля следует контрольный выстрел: секретный циркуляр 2-го Главного управления МВД СССР. Согласно этому документу предписывается повсеместное изъятие любых художественных изображений Берии.

<i>Пролетарии всех стран, соединяйтесь!</i>		
Коммунистическая партия Советского Союза		
	ПРАВДА	ИНФОРМАЦИЯ О ПЛЕНУМЕ Ц КТА КОММУ НИСТИЧЕСКО Й ПАРТИИ В ПРЕЗИДИУ МА СССР (1 В КОМИТЕТЕ НЫМ СТАЛИН УКРЕПЛЕНИЕ РОДАМИ»: Вр Сталинской прем ному деятелю И И. Кузьминых. лочных продукто
Орган Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза		
№ 191 (2759)	Пятница, 10 июля 1953 года	ЦЕНА 20 КОП.
ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ о Пленуме Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза		
На днях состоялся Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза. Пленум ЦК КПСС, заслушав и обсудив доклад Президиума ЦК — тов. Маленкова Г. М. о преступных антипартийных и антигосударственных действиях Л. П. Берия, направленных на подрыв Советского государства в интересах иностранного капи-	тала и выразившихся в вероломных попытках поставить Министерство внутренних дел СССР над Правительством и Коммунистической партией Советского Союза, принял решение — вывести Л. П. Берия из состава ЦК КПСС и исключить его из рядов Коммунистической партии Советского Союза, как врага коммунистической партии и советского народа.	

10 июля 1953 г. Газета «Правда» публикует сообщение об аресте Л. П. Берии.

Вместе с Лаврентием Павловичем в полном соответствии с

упомянутыми традициями 1937 года арестовываются и члены его команды. Достаточно просто перечислить некоторые имена, чтобы понять серьезность подхода: министр государственного контроля СССР Меркулов, первый заместитель министра внутренних дел Кобулов, начальник 3-го управления МВД СССР Гоглидзе, министр внутренних дел Грузинской ССР Деканозов, министр внутренних дел Украинской ССР Мешик. Советские газеты, опять же по традиции 1937 года, немедленно назвали этих заслуженных чекистов, которыми еще вчера гордилась вся страна, «бандой Берии». Всех их, разумеется, расстреляют. Лаврентия Павловича поставят к стенке на несколько часов раньше остальных. В последующие годы приговорят к высшей мере или длительным тюремным срокам еще десятки людей из команды Берии.

Маленкову повезло значительно больше. Его не расстреляли. Георгий Максимилианович взялся проводить реформы. В частности, именно он выдвинул тезис о возможном мирном сосуществовании капиталистической и коммунистической систем. Он же провозгласил борьбу с коррупцией, как это бы назвали в наше время. Тогда это называлось «привилегии и бюрократизм партийного и государственного аппарата, который погряз во взяточничестве и разложении морального облика коммуниста».

Но долго бороться за чистоту риз верных ленинцев ему не пришлось. Уже в 1955 году Маленков был подвергнут резкой критике и смещен с должности председателя Совета Министров. Но расстрельного подвала он избежал, заняв пост министра электростанций с сохранением членства в Президиуме ЦК КПСС. Это, разумеется, Георгию Максимилиановичу весьма не понравилось. На Хрущева он затаил обиду. В этом Маленков был не одинок. Многих из сталинской когорты обидел Никита Сергеевич.

В 1957 году вместе Молотовым, Кагановичем и примкнувшим к ним Шепиловым Маленков предпринимает попытку сместить Хрущева с должности первого секретаря ЦК КПСС. Закончилось все крахом. Пленум ЦК в июне рассмотрел дело об «антипартийной группе» и вывел Маленкова из состава ЦК. Георгия Максимилиановича перевели на должность директора электростанции в Усть-Каменогорске. А в 1961 году еще и исключили из КПСС и отправили на пенсию. В партии его, кстати, потом не восстановили, в отличие от Молотова.

У Булганина на первых порах все было хорошо. После смерти Сталина Военное и Военно-морское министерства СССР объединили в Министерство обороны. Николай Александрович возглавил новое ведомство, параллельно оставаясь первым заместителем председателя Совета Министров. Когда сместили Маленкова, его место занял Булганин.

Но подобный рост не мог оставаться вечным. Хрущеву вчерашние товарищи мешали наслаждаться властью в полном объеме.

В марте 1958 года при формировании правительства Верховным Советом нового созыва Булганин не был переназначен на пост председателя Совета Министров. Его пост занял, разумеется, сам Никита Сергеевич. Нет, он не сам себя выдвинул. Боже упаси! Это сделал Ворошилов. А спустя несколько месяцев для Булганина вообще все закончилось. Его направили в Ставрополь. Даже не на пост главы городского комитета партии. Берите выше – Николай Александрович был назначен председателем совнархоза!

Но это было еще только начало унижения. В сентябре 1958 года Булганин был выведен из состава Президиума ЦК КПСС. Спустя два месяца его лишают звания Маршала Советского Союза, понижая до генерал-полковника. А ведь в годы Великой Отечественной войны Николай Александрович был членом Военного совета последовательно Западного, Прибалтийского и 1-го Белорусского фронтов. Кроме этого, с ноября 1944 года он являлся членом Государственного комитета обороны, а с февраля – членом Ставки Верховного главнокомандующего. Но Хрущеву не было до этого ровно никакого дела. В 1960 году Булганина отправили на пенсию.

Про Никиту Сергеевича подробно рассказывать смысла нет. Этапы его кипучей деятельности всем прекрасно известны. От ошарашившего всю страну доклада «О культе личности и его последствиях» до ставшей темой многочисленных анекдотов кукурузной эпопеи. Но на один нюанс я все же хотел обратить ваше внимание. Хрущев пришел к власти в результате стихийно возникшего заговора против Сталина. И лишен он был власти также посредством заговора.

Это был уникальный для советской системы случай. Впервые руководитель государства не умер на посту, а был снят со всех должностей и отправлен на заслуженный отдых. 14 октября 1964 года, предъявив полный набор обвинений от волюнтаризма и грубого администрирования до бездумной и необоснованной реорганизации государственных структур, пленум Центрального комитета освободил Никиту Сергеевича Хрущева от обязанностей первого секретаря ЦК КПСС, члена Президиума ЦК КПСС и председателя Совета Министров СССР. Возраст у него был преклонный и состояние здоровья оставляло желать лучшего. Круг замкнулся.

Когда-то Антон Иванович Деникин очень точно заметил: «Проклятие предательства не даст счастья. В конце этого пути – политическое и моральное рабство». Так вышло и с участниками последнего покушения на Сталина (если это можно так назвать). Глядя на разбитого параличом

всесильного вождя, они договорились поделить власть. Разом забылись собственные многочисленные панегирики вождю. А я, как человек неприятный, напомню, что именно они говорили еще за несколько лет до этого.

«Сталин строил, очищал и укреплял большевистскую партию и отстоял чистоту ленинских принципов. Живи долгие годы на радость всему народу, любимый Сталин!» Эти слова принадлежат Хрущеву. А вот монолог Берии: *«Вооруженные мудрым сталинским учением о революционной бдительности, наша партия и весь советский народ научились разоблачать и решительно пресекать всякие проявления подрывной работы внутренних и внешних врагов»*. Интересно, вспоминал ли Лаврентий Павлович собственную пламенную речь на даче в Кунцево ночью 2 марта 1953 года?

Но точнее всех высказался Маленков. Он просто процитировал самого Сталина: *«В результате правильной организационной политики партия достигла той невиданной гибкости, благодаря которой она в состоянии в любой момент перестроить свои ряды и сосредоточить сотни тысяч своих членов на большой работе, не внося замешательства в свою среду»*. Пророческие слова. В марте 1953 года и в дальнейшем ровно так и вышло.

Партия продемонстрировала удивительную гибкость. Поверила, что Берия и весь цвет МГБ – преступники, и списала их в утиль. Убрала с глаз долой большевиков еще ленинской школы: Молотова, Кагановича и Ворошилова. И именно эта гибкость в результате привела к полному краху в 1991 году не только КПСС, но и всю страну. Вот эта удивительная степень сгибаемости позвоночника – главное предостережение потомкам.

Послесловие

Подведем итоги. Многочисленные покушения на Сталина действительно существовали. Они вовсе не были продуктом советской агитации и пропаганды, хотя, вне всякого сомнения, несли в себе элементы своеобразной художественной постановки. Все события уместились в каких-то 22 года. По меркам исторического процесса – суший пустяк. Но какое же влияние оказали на последующие десятилетия эти годы! Они оказались едва ли не одной из сложных эпох во многовековой истории нашей страны. Ни о каком времени не спорят с таким остервенением, как о периоде правления Сталина. Это один из показателей значимости событий.

Мы можем с вами бесконечно долго обсуждать, как развивалась бы события в случае успеха Тухачевского или операции Скорцени. Но история не терпит сослагательного наклонения. Ее невозможно переиграть. Прошлое нашей страны неотделимо от Сталина. Он был ее стержнем и движущей силой, ее идеологией и стихией. Это же относится и к покушениям на генсека. Так это оценивали современники событий. И нам, спустя восемьдесят лет, стоит поступать так же.

Вдумайтесь в известные строки прекрасного русского актера и поэта Михаила Ножкина, точнее всего описавшего проблему. Эти слова не нуждаются в каких-то дополнительных комментариях. Их просто стоит внимательно перечитать. Осознать. Рассказать знакомым. Чтобы поняли и они то, что было очевидно нашим с вами предкам. Это ведь несложно, не так ли?

«Я родился в том памятном 37-м,
В год бессонных ночей и тревоги,
Беспокойство свое ощутил я потом,
Когда были развенчаны боги.
Много лет, много лет пролетело с тех пор,
От безумства Россия устала.
Затупился давно всенародный топор,
Успокоиться время настало».

Список использованной литературы

- Авторханов А.* Загадка смерти Сталина. Посев, 1976.
- Авторханов А.* Сталин. Путь к диктатуре. М.: Алгоритм, 2014.
- Александров Г., Галактионов М.* Сталин. Краткая биография. М.: ОГИЗ, 1947.
- Беленкин Б.* Пасынки революции. М.: Яуза, 2005.
- Берия.* Миссия НКВД. М.: Алгоритм, 2012.
- Бернев С., Пензина А.* Следствие продолжается. СПб.: Первый класс, 2013.
- Власик Н., Рыбин А.* Рядом со Сталиным. М.: Алгоритм, 2016.
- Волкогонов Д.* Триумф и трагедия. М.: АПН, 1989.
- Гагкуев Р., Цветков В.* Генерал Кутепов. М.: Посев, 2009.
- Гаспарян А.* Генерал Скоблин. Легенда советской разведки. М.: Вече, 2012.
- Гладков Т.* Тайны спецслужб Третьего Рейха. М.: Яуза, 2010.
- Гуль Р.* Красные маршалы. М.: ПРОЗАИК, 2011.
- Дегтярев К., Колпакиди А.* СМЕРШ. М.: Яуза, 2009.
- Дело Лаврентия Берия.* Сборник документов. М.: Кучково поле, 2015.
- Долгополов Н.* Вартанян. М.: Молодая гвардия, 2011.
- Ежов.* Сталин и заговор в НКВД. М.: Алгоритм, 2013.
- Жуков Д., Ковтун И.* Русские эсэсовцы. М.: Вече, 2010.
- Кантор Ю.* Тухачевский. М.: Молодая гвардия, 2014.
- Командарм Якир.* М.: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1963.
- Красная книга ВЧК.* М.: Издательство политической литературы, 1989.
- Кривицкий В.* Я был агентом Сталина. М., Терра. 1998.
- Ларина А.* Незабываемое. М., АПН. 1989.
- Лубянка.* Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Январь 1922 – декабрь 1936. Документы. М., 2003.
- Лубянка.* Советская элита на сталинской голгофе. Документы. 1937–1938. М., 2011.
- Лубянка.* Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. 1937–1938. Документы. М., 2004.
- Лубянка.* Сталин и НКВД-НКГБ-ГУКР «СМЕРШ». 1939–март 1946. Документы. М., 2006.
- Лубянка.* Сталин и МГБ СССР. Март 1946 – март 1953. Документы. М.,

2007.

- Макаров В., Тюрин А.* СМЕРШ. Гвардия Сталина. М.: Яуза, 2009.
- Макаров В., Тюрин А.* Лучшие спецоперации СМЕРШ. М.: Яуза, 2009.
- Медведев Р.* Они окружали Сталина. М.: Издательство политической литературы, 1990.
- Медведев Ж., Медведев Р.* Неизвестный Сталин. М.: АСТ, 2002.
- Минаков С.* 1937. Заговор был. М.: Яуза, 2010.
- Млечин Л.* КГБ. Председатели органов госбезопасности. М.: Центрполиграф, 2013.
- Мозохин О.* Борьба советских органов госбезопасности с терроризмом. М.: Кучково поле, 2011.
- Никулин Л.* Тухачевский. М.: Воениздат, 1964.
- Орлов А.* Тайная история сталинских преступлений. М.: Всемирное слово, 1991.
- Павлюков А.* Ежов. М.: Захаров, 2007.
- Прудникова Е., Колпакиди А.* Двойной заговор. М.: Олма, 2009.
- Прянишников Б.* Незримая паутина. СПб.: Час пик, 1993.
- Север А.* Опыты Сталина с «пятой колонной». М.: Алгоритм, 2016.
- Сейерс М., Кан А.* Тайная война против советской России. М.: Государственное издательство иностранной литературы, 1947.
- Семенов К.* Скорцени. Загадки «человека со шрамами». М.: Вече, 2014.
- Скорцени О.* Неизвестная война. Минск: Попурри, 2012.
- Сталин И.* О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников. М.: Партиздат ЦК ВКП (б), 1937.
- Судебный отчет по делу антисоветского право-троцкистского блока. СПб.: Питер, 2014.
- Судоплатов П.* Разведка и Кремль. М.: Гея, 1997.
- Троцкий Л.* Сталин. Интер-дайджест, 1995.
- Тухачевский.* Как мы предавали Сталина. М.: Алгоритм, 2012.
- Хажакян Г.* Герои разведчики-нелегалы Геворк и Гоар Вартаняны: бессмертная легенда. Ереван, 2014.
- Хаустов В., Самуэльсон Л.* Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. М.: Российская политическая энциклопедия, 2010.
- Хене Х.* Черный орден СС. М.: Олма-пресс, 2003.
- Хлевнюк О.* Сталин. Жизнь одного вождя. М.: Corpus, 2015.
- Хрущев Н.* Воспоминания. М.: Вагриус, 1997.
- Чернявский В.* Мадер Ю. Отто Скорцени – диверсант № 1. Взлет и падение гитлеровского спецназа. М.: Яуза, 2013.
- Шелленберг В.* Лабиринт. М., 1991.

Шубинский В. Азеф. М.: Молодая гвардия, 2016.